

ЮРИЙ ЗАПЕВАЛОВ

ЗАПИСКИ
ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
АЛМАЗЫ ЯКУТИИ

Издательство «Написано пером»

Аннотация

Горный инженер. Более сорока лет добывал золото, платину, алмазы в экстремальных условиях Крайнего Севера и Урала. Прошел производственный путь от рабочего до директора Алмазодобывающего Горнообогатительного Комбината. К своему 75-летию написал и издал книгу о своём поколении, о своих сверстниках, о своих современниках. О том поколении людей, которые в детстве пережили большую войну, в юности – восстановление страны, в зрелом возрасте – её могущество, а в старости – её разрушение. Эта книга не выдумана. В этой книге – Правда! Член Союза писателей России, Лауреат литературной премии им. А. П. Чехова, лауреат юбилейной медали «В честь 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина», лауреат литературного конкурса «Золотой диплом» имени А. М. Горького, член Щелковского районного литературного объединения «Слово». «...У Георгия еще почти четыре месяца отпуска, но он решил «застолбиться» в Тресте сразу же, по приезду. Немного не получилось. Ему пришлось позаниматься кое-какими хозяйственными делами дома, в Уфалее, погасить некоторые задолженности по коммуналке, побывать в больнице и получить все медицинские документы на маму. Для санаторного лечения. А потом, отпуск же! – встречи с друзьями юности, с подругами молодости, отдохнуть немного на городском пруду – с рыбалкой и шашлыками, покрасоваться, как без этого, с оркестром Бори Сергеева на нескольких клубных сценах, расслабиться, отдохнуть...»

Ты находился в Эдеме, в саду Божиим.

Твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями: топаз и алмаз, хризолит, сапфир, изумруд. И золото.

...И все знавшие тебя изумятся о тебе.

Ты сделаешься ужасом. И не будет тебя! (Книга пророка Иезекиля)

Небольшая, уютная гостиница «Горняк», что прямо в центре Иркутска, как раз напротив Иркутской филармонии, содрогалась от залихватских песен пьяной вдрызг компании. В гостинице гуляют бесшабашные «Бамовцы». Они проездом в Иркутске, поселились на одну ночь, походили, погуляли по городу, где-то поужинали, немного выпили. Но молодым отпускникам, да с деньгами, им ведь только начать! Возвращаясь, зашли в магазин, «отоварились» как следует и вот, уже в том состоянии, когда и «море по-колону», и «ничего не вижу, ничего не слышу», вернулись в гостиницу, накрыли столы прямо в коридоре и загуляли «по-черному». «Гудят» ребята, выпускают «накопившийся пар» – от усталости, от непосильного напряжения, от круглосуточной занятости, от многомесячного воздержания. И от постоянных, безжалостных морозов.

Георгия поселили выше, на третьем этаже, в небольшом номере на двоих. Там устроено руководством гостиницы отдельное помещение, связанное со вторым этажом, где и загуляли «бамовцы», короткой, крутой лестницей. Есть там и лестничный переход, ведущий прямо на первый этаж, минуя весь этот поющий и пляшущий коридор этажа второго. Но Георгий зашёл именно в этот, «пьяный», коридор. Ему захотелось посмотреть на сегодняшней отпусковой, молодой и пьяный «Север». Он-то хорошо помнил, именно так они когда-то, в молодости, себя, северных отпускников, именно так они тогда себя называли – «Север»! Интересно было посмотреть Георгию на сегодняшней «Север», на сегодняшних молодых северян – а чем это они от нас, тех, северян давних, от северных парней тридцатилетней давности, отличаются?

Что «бурные» – то и тогда было, настырные – так тоже самое, тут тоже ничего нет нового, нахальные – нет, не похоже. Ребята в «разгуле», но «себе на уме».

Георгий смело зашел в коридор, независимо пошёл вдоль столиков. Его остановили, окружили

подвыпившие парни, затащили за стол, налили стакан вина. Георгий с ними с удовольствием выпил. Но тут же встал, засобиравшись уходить.

– Не буду вам мешать, ребята. Нет, нет, вы нам как раз ничем не мешаете. Гуляйте, пойте и пляшите на здоровье. Я думаю, вы это заслужили. А мы там, наверху, в своих апартаментах, по-стариковски, отдыхаем. Тихо, степенно, трезво. Не обращайтесь на нас внимания.

– Ничего себе старик. Нам бы на стройку, на «БАМ», таких стариков побольше. В Москве, или, может, в Ленинграде, обитаешь?

– В Якутию работать еду. Ничего, думаю, там тоже скучать не придётся.

– Ну, Якутия – это серьёзно. Извини, дружище, не хотели мы тебя обидеть. А то приходи, посидим, поговорим. Да и песни попоём под гитару. Приходи, что ты там весь вечер «куковать» будешь! Да и товарища своего, с кем живёшь, приводи. Всё веселей с нами будет!

– Товарищ уже пожилой человек. Тоже из Якутии. С южного санатория, из отпуска возвращается. Пока до Иркутска добрался устал, говорит, зверски, выспаться хочет. Но вы не волнуйтесь. Веселитесь себе, нам это не мешает. У нас там, наверху, с вашего этажа и не слышно почти ничего. Веселитесь!

Товарищ Георгия по номеру коренной якут. Михаил Михайлович, так он назвался. Он действительно был не молод, за шестьдесят, как он сообщил Георгию. Но выглядел значительно старше. Так показалось Георгию при их встрече, при первом знакомстве. Он уже спал, когда Георгий вернулся в номер. Но проснулся, а может и не спал вовсе, а так, отдыхал в полудрёме, закрыв глаза.

– Что, веселится молодёжь? А вы что же не остались? – повернулся он к Георгию.

– Да так, не хочется что-то. Рано мне ещё веселится.

Михаил Михайлович приподнялся в постели, опёрся широкой спиной на спинку кровати, спросил миролюбиво, с той заинтересованностью, что всегда настраивает человека на откровенность.

– Так вы, значит, к нам, в Якутию, едете. А куда, если не секрет? И что делать?

Георгий тоже, раздевшись, залез под все простыни и одеяла гостиничные, завалился в свою постель, расслабился как-то, после встречи с молодёжью «бамовской», настроился к разговору душевному, добродушно разоткровенничался.

– Есть у вас там город Мирный. Еду в «Якуталмаз». Рудник еду строить подземный. Алмазодобывающий. Что, знаете такой город? Или, может, хотя бы слышали о нём?

– Не только знаю, а хорошо знаю. Стоит город ваш новый на древней речке Иерелях. Там и деды, и прадеды мои жили. И даже отец мой ещё жил там, на берегу реки этой. В устье реки дом у нас стоял, прямо при впадении реки Иерелях в большую речку Боотубию. Долго там предки наши жили, не один век, однако. И все мы там Михаилы были. Здоровые, потому что, большие все были. Как медведи. Нас там так все и звали – Амаки. А русские, как пришли к нам туда, на речку нашу, как узнали, что амака это, если перевести на русский, медведь означает, так нас всех и стали звать Михаилами. А что, Михаил и Михаил. И дед Михаил, и отец Михаил, и я вот, старый уже стал, а тоже – Михаил. Ничего, нам не обидно, амаки они ведь наши амаки! А ты сам бывал в Якутии когда, раньше? Знаешь, куда едешь? Или впервые? По годам-то поздновато, однако, по разведкам ездить?

– Бывал, Михаил Михайлович. Работал даже. На Севере, на Индигирке. В Оймяконе. Знаешь, наверное, те места?

– Как не знать. Знаю. Золото там нашли, золото моют. На золоте работал?

– На золоте. Золото добывал. Потом учиться уехал, в институт. После его окончания – на Урале

работал. А сейчас вот еду строить подземный рудник. В Мирный еду. Как там, не холоднее же, наверное, чем на Индигирке?

– А ты что, морозов боишься? Раз в Оймяконе работал, не должен бы, однако, бояться холодов Якутских. Знакомы они тебе должны быть. А?

– Минус шестьдесят семь испытал я однажды на Индигирке. Точнее сказать – На Эльге. Но это всё там же. Индигирка, Эльга, Оймякон – всё это одни, и самые, говорят, на земле холодные места. Так что, конечно, знаком я с вашими Якутскими морозами. Не очень я их опасуюсь. Так спросил, вообще. Знаю, Михаил Михайлович, интересная страна ваша, Якутия. Всегда я восхищался людьми вашими. С «олонхо» многими вашими знаком был когда-то. Могучие напевы, серьёзные.

– Ах, вот оно как, ты и с «олонхо» знаком?! Тогда тебе повезло. У нас, в семье нашей, олонхосуты славные были. И сейчас ещё читаем мы олонхо на праздниках наших, в якутских селениях. Я ведь в Сунтарах живу. Считаю, сосед вам, мирнинским. А отец мой, да и я сам, знакомы мы с нашим самым главным и самым великим олонхосутом, с Платоном Ойунским! Как же, знаем, лично знакомы, встречались, не так часто, но встречались. Великий, однако, человек был, государственный человек. Вот, от него и пошло знакомство всего мира с нами, с якутами. С многочисленным народом «саха»!

– Да, история Якутии интересная. И, как я читал где-то, ещё далеко не исследована. Вот, например, откуда вы появились на земле сегодняшней. Почему вы – то якуты, то саха? Слышал я, или даже читал где-то, что якуты – это потомки того же Чингис Хана. Будто древнее чингизское племя Джуров воспротивилось в чем-то против Великого Монгола, возмутилось против него и ушло по Лене на Север, в места труднодоступные, непроходимые. Чтобы не догнал, да не наказал их Хан великий. А обличьем те джуры были белыми, «бледнолицыми» звали их даже ближние соседи, прибайкальские тунгусы! Да. Светлые, говорят, волосы были у них и голубые глаза. И они-то, будто бы, и стали Родоначальниками «саха». А якутами, по тем сказаниям, вас опять же называли русские. Ещё первые путешественники, покорители Сибири и Дальнего Востока. Первыми, в своём походе, они встретили тунгусов. И те поведали им, что там, далеко на Севере, живут люди племенем «яки», то есть «красивые», а русские уже, для простоты и удобства своего произношения и прозвали вас – якуты. Правда ли всё это? Раз ты, Михаил Михайлович, олонхосут, ты ведь всё это хорошо, много лучше других людей знать должен!

– Я прямо таки, Георгий, удивлён и даже восхищен, как ты много про Якутию знаешь. Специально изучал, когда готовился в Якутию ехать?

– Да нет, Михаил Михайлович, начитался я об истории вашей ещё в те времена, когда на Индигирке работал. Как-то побывал я в Якутске. Летом. Я ведь спортом занимался, вот, на какие-то соревнования и приехали мы в Якутск. Зашел в книжный магазин, а там, в красочном таком переплёте, стоят две толстые книги. Древние якутские эпосы и олонхо. Купил я их, да и зачитывался этими сказаниями долгими зимними вечерами, в своей комнате, в общежитии. Я тогда горным мастером работал, на Эльгинском прииске. В шахтах работал, на подземке. Зимой, после работы делать же нечего было. А гулять, по тамошним морозам особенно не погуляешь. Вот я и читал по вечерам те книги. Те эпосы якутские, да олонхо.

– Молодец, Георгий. Мне тогда легче с тобой разговаривать будет. И наши олонхо, что напую я тебе сейчас, тебе, русскому, легче понять будет. Будешь слушать? Не заснёшь от длинного напева, не заскучаешь?

– Да вы что, Михаил Михайлович! Какая скука! Мне всё это очень даже интересно. Послушать живого олонхосута, да об этом я и мечтать не смел. Что вы, Михаил Михайлович, рассказывайте свой эпос, я буду слушать, как самый примерный ученик слушает знаменитого учителя.

– Ты прав, Георгий. Легенд о происхождении якутских народов множество существует. Есть и такая,

что и джурьы сюда когда-то пришли с Северного Прибайкалья. Не породнились ли они с какими-то другими северными народами, с тунгусами, например, с эвенками? Создавая новое племя, новый народ. Некоторые наши олонхо рассказывают о жизни наших предков на обширных площадях, по всей Сибири, вплоть до Каспия! Разве не могли мы там, на этих необъятных площадях, породниться с какими-то народами, с какими-то неизвестными сегодня племенами? И создать новое племя, новый народ! Нет у нас никаких письменных подтверждений происхождения нашего. Не вели никаких записей, не имели мы никаких летописей в своём развитии. Только устные сказания, эпосы наши, олонхо и есть источники истории нашей. И ты знаешь, что интересно – в наших олонхо боги наши представлены как белолицые, белые. И лицом белые, и волосами. И с голубыми глазами! Они, эти белые боги, вроде бы и объединили, и даже породили всех нас, якутов. Вот послушай-ка, что говорил в одном из своих олонхо Платон Ойунский:

На широком нижнем кругу
Восьмислойных, огненно белых небес
На вершине трёхъярусных
Светлых небес
В обители полудённых лучей
Где воздух ласково голубой
Среди озера – никогда
Не выдавшего ни стужи, ни льда
На престоле, что вырублен целиком
Из молочно-белой скалы
Нежным зноем дыша
В седирах белых, как молоко
В высокой шапке из трёх соболей
Украшенной алмазным пером
Говорят – восседает он
Говорят – управляет он
Белый Юрюнг Айыы Тойон

Вот видишь, главный управляющий бог древних курыканов, признанных предков якутов, был белым. И сидел он на вершине трёхъярусных светлых небес на никогда незамерзающем озере. Значит, на вершине горы, далеко уходящей в небеса. Где это?

И ещё:
За волшебным пером
Приставлена смотреть
Прислужницей верной быть
Проворная девушка-удаган
Белоликая дочь небес.

А джурьы, действительно, по преданиям, были белоликими, светловолосыми, голубоглазыми. Так что связь какая-то, действительно, просматривается. А дальше, послушай-ка, ещё интереснее Старейшины трёх

великих родов

Стали главарей выбирать
Неподкупных грозных судей
Для верхних и нижних племён
Равные властью судьбе —
Владыками трёх миров
На вечные времена
Избраны были – Одун Биис,
Чынгыс Хаан,
И Дыылга Тойон.

Ты понял? Чингис Хан! Значит, не исключено, что именно Чингис Хан и был одним из прародителей народа нашего. Через племена чингизов, через тех же исчезнувших, ушедших на Север джуров, или ещё как-то. А может и от встреч, смешений кочевников, что бродили по обширным просторам теперешней Сибири. И что интересно, Георгий, есть источники, говорящие, что Чингис Хан был бел ликом! И бел волосами! И голубоглазым!

Прочту я тебе ещё один стих, тоже утверждающий, что предки наши белолицыми были:

Сабыйа Баай Хотун
Кликнула клич
Созвала гостей
Из дальних и ближних селений айыы
Где солнечные живут племена
Где прежде жила она
Двенадцать прославленных красотой
Стройных белолицых девиц
Горделиво ступающих по земле
Как стерхи – белые журавли
Откидываясь немного назад
Отозвались, явились на пир.

Вот так, Георгий, по нашим сказаниям, зарождался мой народ. Это подтверждают наши олонхо, собранные умными людьми, и сохранёнными в памяти нашей.

Вот так —
Пристанище обретя
В срединном мире земном
Размножился этот народ
Тридцать пять проворно-резвых племён
Широко расселились по этой земле

Люди – зоркие
С лицом впереди
Чей нос продолговат.
Так возник народ
Уранхай-саха!

Старого якута интересно было не только слушать, интересно было видеть, как он поёт свои напевные олонхо. Пел он речитативом. При этом закрывал глаза и медленно раскачивался в ритме своего пения. Выразительно работал голосом, то утихал и слова свои произносил вполголоса, то усиливал звук и доводил до громкого, а то опять затихал почти до шепота. От этого звучания олонхо не только слышалось, оно виделось! Слушатель будто видел всё, о чем рассказывал олонхосут.

– А чему удивляться, что предки якутов белолицыми были? Вы ведь, якуты, и сегодня не чёрные какие-то, не как негры, вы ведь и сегодня белые. Ну, смуглые, конечно, ну да сколько тех смуглых народов по всей-то России проживает!

– Да, смуглые. Но и не скажешь ведь, однако, что белолицые! Почернели немного на морозах северных. Особенно волосами почернели. Круглый год в шапках ходим. Вот и чернеют волосы наши бес света солнечного. А нам ведь, Георгий, это, однако, никак и не мешает!

– А вот ещё одно удивительное совпадение, Михаил Михайлович. В ваших преданиях, в ваших олонхо утверждается, что народ ваш, Уранхай-саха, выковал на высокой горе Великий кузнец по имени Куэттээни. А я как-то, читая историю жизни великого иранского учёного, философа и поэта Омара Хайяма, встретил такую притчу: в древние времена власть в Иране узурпировал царь-дракон Заххак. Он был совращен злым духом и требовал в пищу мозги юношей. И так «изгалялся» он над иранскими юношами более тысячи лет, пока не пришёл в те земли Великий Кузнец Куаве и не освободил народ Ирана от злого Дракона. Вот, и в древнем Иране кузнец, и у вас кузнец. В Иране кузнец освобождает народ, у вас, якутов, кузнец выковывает все тридцать пять племён. Совпадение? Или в очень далёкой древности у вас с теми народами, что и сейчас живут на территории Древнего Ирана, общий корень происхождения? Ведь – неисповедимы пути господни и мы не знаем, как, по каким направлениям тысячи лет назад двигались, кочевали, разделившись по семьям, по родам, древние племена!– Я всё больше и больше удивляюсь тебе, Георгий. Ты и про кузнеца нашего знаешь? Тогда послушай:

Если на запад отсюда пойти
Там, где склоны желтых небес
Свешивают до земли бахрому
Перистых облаков,
Где лежит изобильный край,
Окропленный густой росой,
Словно шитый из кожи жбан
Клином-швом восходящий вверх;
Там, где девять бурных могучих рек,
Пробиваясь средь гор и холмов,
Сливаются на просторе степном,

Где восемь ещё говорливых рек
Сбегаются шумно в одну реку,
Где семь ручьёв из семи лощин
В лиственной зелёной кайме,
Будто за руки ухватясь,
Сходятся в хоровод, —
Владыки айыы поселили там
Великого кузнеца
По имени Куэттээни
Чтобы он ковал, мастерил
Тридцати пяти племенам...
На грани трёх сопредельных стран
На кургане сверкающе-ледяном
О железных трёх поясах,
С жерлом на вершине крутой,
Огнём подземных глубин
Полыхает горнило его.
Пронзительно резко визжат
Кривые клещи его.
Неистово скрежещет, шипит
Быстрый напильник его.
Вот такого богатыря
Говоря ему – корнем будь
Рода грозного ковачей! —
Поселили на круче горы,
В клокочущем огневом жерле,
В средоточии бедственной, горевой,
Средней серопятнистой земли.

Вот тебе наш сказ о великом кузнеце. А про аналогию с Иранским кузнецом – ничего не могу тебе сказать.

– Ну, как это ничего не можете сказать? Михаил Михайлыч! Да вы только вслушайтесь в звучание! Куаве и Куэtte. Скажите, для двух тысяч лет расхождения языков разве это большое отличие? Разве это не созвучие? Выходит, или эти народы появились из какого-то близкого по родству гнезда, или где-то рядом жили. Были когда-то соседями. Вы не находите?

– Нет, Георгий, не нахожу. Слишком всё это просто. Это у вас, у русских, называется – слышал звон!..

– А хотите, я Вас ещё одной аналогией удивлю? А может и не удивлю, может Вы давно всё это знаете,

да только молчите. Про совпадения эти! Не доказано! Не положено!.. Вы ведь, старики, любите жить по строгим параграфам.

– Ну-ну, давай, удивляй. Я смотрю, тебе бы не горняком надо быть, а историком! Или писателем. Ну, давай, скажи, что там у тебя ещё на языке вертится? Чем ты хочешь удивить старого якута-олонхосу.

– Я как-то, и когда-то, немного занимался историей Казачества. Ну, не так, чтобы уж очень серьёзно, не как историки, конечно, исследуют такие происхождения, но встретил я в одном древнем манускрипте рассказ о происхождении казаков. С очень интересным обоснованием. Древние историки и географы, в том числе и известный географ Страбон, называли воинственный народ, живший в ту пору в Закавказье, Хассахами, а позднее, ближе к тюркскому, Кассахами. А ещё чуть позднее древние греки стали называть их на свой манер – Касакас. И окончательно, по-тюркски, закрепилось – Казаки. Так окрестные соседние народы называли воинственное племя «Удальцов, быстрых на подъём». По-тюркски именно так следует понимать, или – чтобы понятнее – переводить с тюркского, простое слово Казак! В общем, сколько народов, столько и наречий, столько и произношений. Но всё же одна, интересная, объединяющая имена или названия древнего племени этого, особенность обращает на себя внимание: все эти имена читаются одинаково, что с лева на право, то и с права на лево! Вслушайтесь, Михаил Михайлович: Хасах – Касах – Казак! Прочтите эти слова «туда-сюда»! И это совпадение не случайно. Это подтверждение существования этих древних народов. И их родства! Так вот, сейчас будет самое интересное, Михаил Михайлович, слушайте внимательно. Оказывается, это древнее слово Хассахи означало по скифски – Белый олень! Окружные племена звали этих кассахов-хассахов просто – Сахи! Белый олень у тех сахов был священным животным и изображался на их знамёнах. И у древних казаков символом, знаменем, был белый олень, пронзённый стрелой, и сохранился этот символ даже на их древней печати! Найденной историками и подтверждённой! Так чем же отличаются те кавказские древние Сахи от сегодняшних Якутских Сахи? Чем, Михаил Михайлович, объясните вы мне эти совпадения? Я, по-происхождению, Казак. Так может мы с вами, с якутами, древние родственники? Ну, скажем так – в незапамятные времена какое-то племя древнего народа Сахи, по каким-то причинам, ну, скажем, обиженное или напуганное чем-то или кем-то, не обязательно даже и по каким-то воинственным причинам, могло повлиять и какое-то климатическое явление – перекочевало из далёкого Закавказья, через Прибайкалье, через Забайкалье, через Джуров, Монголов и Тунгусов, в Северную землю. Которая и стала со временем Якутией – Саха? Вот вам и ваши предки, жившие на больших площадях, вплоть до Каспия. Вот вам и вершина горы, далеко уходящая в небеса. Кавказские горы? А никогда не замерзающее большое озеро – Каспий? А?

В обители полудённых лучей

Где воздух ласково голубой

Среди озера – никогда

Не видавшего ни стужи, ни льда!

Ну? Не о Северном же ледовитом океане здесь говорится! И озеро... А Каспий, оно же не море, оно же действительно – озеро!

Даже совпадения с кузнецами – далеко ли от Закавказья до Ирана. В древние-то времена! Здесь вам и Белый Юрюнг Аиы Тойон, и белоликая дочь небес, и двенадцать прославленных красотой стройных белолицых девиц, горделиво ступающих по земле. А? Михаил Михайлович? Вы вслушайтесь-ка в слова: Тойон и Атаман! Они же созвучны! А ваше поэтическое Уран-хай-Саха, разве не созвучно древнему казацкому Хас-саха? А ваш якутский посёлок Сунтары, ничем вам не напоминает название древнего закавказского поселения Сантар? Не оттуда ли родом ваши предки? А девушка-удаган из вашего олонхо, не родственница ли она соседним с хассахами адыгеем? Девушка-удаган, она не из девушек-одыгей? Ну,

Михаил Михайлович? Что вы молчите?

– Что я могу сказать, Георгий. Только то, что ты прав. Да-да, ты прав, не до конца исследована история происхождения народа нашего. Есть ещё над чем поработать исследователям, историкам в Якутии. Пусть молодые теперь работают, ищут. Ладно, поздно уже, напелись, наговорились, спать надо. А то ты, чего доброго, ещё что-нибудь вспомнишь, ещё мне сюрприз какой преподнесешь, тогда уж я точно не усну до самого утра! Ты как, поспать-то, не возражаешь?

– Не возражаю, Михаил Михайлович, спокойной ночи!

Да, спать надо. Завтра тяжёлый день. Переезды, перелёты, новые встречи, новые знакомства. Но Георгий долго ещё не мог заснуть. Долго ещё слышались ему странные, гортанно-музыкальные напевы старого олонхосута. Загадочный его рассказ об удивительной и, оказывается, такой поэтичной Якутии. И все совпадения да аналогии перебирал он в памяти ещё долго и подробно. Действительно, как много общего в истории происхождения древних Казаков, и древнего народа Саха! Не потому ли вот уже почти двадцать пять лет его, Георгия, постоянно тянет в эту Якутию. Что это? Зов предков?

Но напевы старого олонхосута всё же перебороли все думы, с этими напевами в ушах Георгий и заснул, уставший от сказочно-филосовских, таких непривычно восхитительных, таких туманно-загадочных мыслей. «Так вот, оказывается, куда я еду!.. еду... еду...».

2

ИЛ-18. Давненько не летал Георгий на самолётах. А на винтовых – на тех после Бодайбо и вообще-то не летал ни разу.

Реактивные самолёты обслуживают теперь сибирские воздушные трассы – ТУ-104, а теперь вот и новый самолёт запущен в эксплуатацию – ТУ-154. И пассажиров они берут побольше, и скорость у них другая. Но в Мирный большие реактивные самолёты не летают. Взлётно-посадочная полоса у них там, говорят, короткая. Винтовые туда летают. Вот, ИЛ-18.

Да, далеко ушла теперь авиация, если сравнивать с теми, не такими уж и давними, пятидесятыми годами. Теперь конец семидесятых. Восьмидесятые начинаются. Много воды утекло с тех пор, как впервые летел Георгий на могучем по тем временам самолёте ИЛ-14 в морозную Якутию. Помнится, не знал он тогда – куда летит и зачем. Теперь знает. И вызов на работу у него в кармане, и место работы ему определено, и должность обозначена. Да и с Якутией он как-то познакомился ближе, после встречи в Иркутске с интересным олонхосутом, с Михаилом Михайловичем, давним родственником амаков.

Мерно, успокаивающе гудят двигатели тяжелого самолёта.

Четыре винтовых двигателя. Четыре пропеллера. Два слева, два справа. Внизу бесконечные поля светлых волнистых облаков, вверху синее-синее, почти фиолетовое, небо. И яркое солнце. На земле таким ярким оно не бывает. Какое-то особенно чистое, объёмное солнечное свечение там, наверху, над облаками. Над всеми сразу. Слепит глаза не только солнце, слепит и вот это яркое солнечное свечение – в какую сторону ни смотри, и не на солнце вовсе, а просто – в иллюминатор, всё равно жмуришься, жмуришься от этого яркого света. Глаза не выдерживают. А далеко, на затемнённом горизонте – многоцветная радуга. Вот отсюда, сверху, хорошо видно, что да, действительно – земля наша круглая!

Мирный. Столица алмазного края. Уже более двадцати лет добывают здесь качественные – и ювелирные, и технические – алмазы горняки, съехавшиеся сюда со всего огромного Советского Союза. Со всех, практически Союзных республик.

Якуты, коренные жители здешних мест, не могут, конечно, одни освоить открытые в их республике

новые месторождения алмазов. Всего около двух процентов работает на горных предприятиях «Якуталмаза» коренных жителей Якутии, по данным кадровиков. Всего около двух процентов от общей численности здесь работающих. Работают здесь русские, украинцы, казахи, буряты и еще много людей других национальностей. Всем миром поднимали алмазную промышленность Якутии народы молодой, но бурно развивающейся Советской страны. Хотя самые первые алмазы – красивые, прозрачные камушки – нашли именно якуты. В незапамятные ещё времена нашли, задолго до того, как пришли сюда, на эти неизведанные, но несметно богатые якутские земли, пытливые поисковики. И не зная еще ничего ни об алмазах, ни о золоте, подтвердили безграмотные якутские оленеводы случайными своими находками прогнозы великих ученых-геологов, утверждавших, что именно в Якутии надо искать не только золото, но и алмазы. Нашли. И вот уже более двадцати лет добывают.

Выйдя из самолёта, Георгий задохнулся на морозном воздухе. Наружный термометр показывал минус 32 градуса. В Москве, перед вылетом, было около десяти градусов тепла. Ничего себе перепад температур! Отвык, отвык Георгий от холодного воздуха, так, что и дух перехватило. Он уж и забыл о таких морозах. Хотя, минус тридцать – что это за мороз для Якутии! Так, лёгкое похолодание. Главные морозы, конечно же, еще впереди.

Георгий о них помнил. Помнил те зимние, морозы настоящие, ниже минус шестьдесят, что испытал когда-то на Маршальском, на Эльге, на Индигирке.

В аэропорту, как водится, никто Георгия не встретил, хотя он и предупредил Подузова о своём прибытии. Но в гостинице номер для него был заказан. Устроился без лишних хлопот. Небольшая, деревянное двухэтажное здание, гостиница Объединения. Аккуратные, хоть и небольшие, но тёплые, чистенькие номера.

«Ну, вот и прибыл. Вот и устроился. Странно всё это, переезды эти, непривычно уже. Не юноша, всё же, не пацан необученный. Как-то, по студенчески всё получается. Ничего. Как-нибудь обживёмся. – Но откровенные мысли на новом месте всегда почему-то приводят к тоске, к унынию. «И что ты за человек, Георгий! Ну, что тебе не работается на одном месте! Всё у тебя было – где жить, где работать, тепло было и сытно. Ну, куда ты снова полёрся! Что ты здесь потерял, кого ты здесь забыл, кому ты здесь нужен?» – с такими тяжелыми мыслями Георгий долго ворочался на чужой, гостиничной постели, на новом, незнакомом месте, долго не мог заснуть. Но усталость, дорожные хлопоты взяли всё же своё...

Утром Георгию позвонили в гостиницу – Рудаков приглашает его на встречу в 16 часов. У Георгия в запасе оказался целый свободный день. Он решил познакомиться с городом. С морозным воздухом он уже как-то освоился, да не очень он и морозным показался Георгию на второй день – холодно, конечно, но вполне терпимо. А походишь, подышишь как следует, так и вовсе он, этот воздух, не таким уж холодным, кажется. Чистый воздух, приятный, без всяких дурных примесей.

Город Мирный, конца семидесятых, начала восьмидесятых, был хоть и молодым, возрастом чуть более двадцати лет, но уже вполне сформировавшимся городом. Построен город на склоне довольно большой по площади возвышенности, на левом берегу реки Ирелях. На вершине горы смонтирована высокая телевизионная башня. Вокруг – четырёх, пяти и девятиэтажные жилые дома. При этом всех девятиэтажек, по разным улицам, Георгий насчитал менее десяти коробок. Прямые, довольно длинные улицы и проспекты. Большая часть города – в деревянном исполнении.

Двухэтажные двенадцати и двадцатичетырёх-квартирные дома, выстроенные по типовым проектам. Трубы отопления смонтированы поверху, а водоснабжение и канализация заведены в проходные подземные коллекторы. Все дома строятся на сваях, так, чтобы под домом было продуваемое пространство, где-то около полутора метров высотой. Ясно, это требование вечной мерзлоты. Чтобы под фундаментами домов грунт не протаял, чтобы дома не проседали, не разрушались. В городе работал

прекрасный, построенный по индивидуальному проекту Дворец культуры, как потом оказалось, по организации клубной работы – один из лучших в России. На центральной улице расположено красивое здание проектного института «Якутнипроалмаз». Из каменных зданий ещё – больница, аптека, две школы, кинотеатр «Якутск» и несколько магазинов. Весь город с севера на юг прорезает длинный Ленинградский проспект, уходящий по мосту через реку Ирелях на Ленскую трассу, основную автомагистраль, которая обеспечивает всеми видами автоперевозок не только город Мирный, но и приполярный Север – города Удачный, Айхал. Проспект пересекают несколько параллельных улиц – Советская, Ленина, Комсомольская. На западе, в двух километрах от города возвышается фабрика № 3, на востоке город вплотную примыкает к техническим постройкам карьера «Мир».

Всё это, весь город, Георгий обошел буквально за два с небольшим часа и у него ещё оставалось до встречи с Рудаковым достаточно времени, чтобы успеть пообедать.

Управление Объединения расположено в самом низу Ленинградского проспекта. Большое двухэтажное деревянное здание, в виде растянутой по ширине буквы «П». Центральный вход делил здание на две равные половины. В правом крыле, если смотреть на здание со стороны Проспекта, оба этажа занимает Управление Объединения. В левом крыле размещаются службы рудника «Мирный», здесь же несколько кабинетов занимает Объединённая Дирекция строящихся предприятий, ОДСП – Генеральный заказчик Объединения по всем видам капитального строительства.

Георгий появился в приёмной Генерального директора за пять минут до начала совещания. О нём тут же доложили. Через короткое время его пригласили в кабинет.

Зайдя в кабинет Генерального директора, Георгий, почему-то, прежде всего, занялся его изучением. Кабинет большой, наверное, не менее пятидесяти квадратных метров. Массивный стол, на приставной тумбочке несколько телефонных аппаратов и солидный коммутатор, с множеством номерных клавишей. К основному столу примыкает длинный стол для совещаний. В противоположном углу фигурный невысокий столик, салонного типа, с прозрачной столешницей. Вокруг столика – мягкие удобные кресла. Деревянный пол застлан большим мягким ковром. На стене, за спинкой директорского кресла – мозаичный портрет В. И. Ленина. Напротив, в полстены – какой-то якутский пейзаж. Одна продольная стена – с окнами, выходящими на управленческую площадь, образованную боковыми «крыльями» самого здания. У второй стены – книжный шкаф, над которым висит портрет А. Н. Косыгина. Ближе к столу – дверь.

Видимо, в комнату отдыха. Кроме телефонной, в кабинете никакой больше аппаратуры нет. Нет ни радио, ни телевизора.

(Георгий потом долго, с каким-то мифическим удивлением вспоминал вот это первое и такое подробное, такое его заинтересованное знакомство с кабинетом директора. Предчувствие какое-то, что-ли, руководило им! Не пройдёт и пяти лет как он станет «хозяином» этого самого кабинета).

За «салонным» столиком в креслах сидели Рудаков, Серебряков – его заместитель по кадрам, Подузов – заместитель по производству, Сафонов, директор Рудника, Демьянов, секретарь парткома Рудника и кто-то еще, кого Георгий не запомнил.

Рудаков представил Красноперова присутствующим, коротко рассказал о их встрече в Москве, и о своем предложении Красноперову приехать в город Мирный, строить Подземный рудник «Интернациональный».

– На «Интерере», на строительстве подземного рудника, ещё, как говорится, «конь не валялся», там еще и проектной документации-то в полном объёме нет. Рано, наверное, назначать туда руководителя. Давайте подумаем, где нам занять Георгия Александровича до начала работ на трубке «Интернациональная», – как бы так, между прочим, первым заговорил «кадровик» Серебряков.

– Да, Георгий Александрович, с подземным рудником у нас пока заминка вышла, проектные дела, там, документация. Что, если мы вам предложим поработать, временно, не долго, в другом месте, на другой должности? – Рудаков как-то даже извинительно посмотрел на Красноперова.

Георгий обвёл взглядом присутствующих, посмотрел на Рудакова и улыбнулся.

– Валерий Владимирович! У вас же давно, я думаю, всё оговорено, всё решено. Давайте уж конкретно – что предлагается?

Все присутствующие тоже заулыбались, как-то сразу расслабились, напряжение за столиком спало, почувствовали – похоже, «свой» человек!

– У нас здесь на прииске сложилась такая обстановка, что некому командовать прииском, – спокойно, не торопясь, как-то вполголоса заговорил Сафонов. – Начальник в отпуске, а главного инженера руководство Объединения направило на другую работу. С повышением, конечно. Вот мы и подумали, а не поработать ли вам на прииске? Главным инженером. У нас там сейчас сложная обстановка. Я не говорю о текущих делах – ремонт драг, оттайка полигона. Нет. Там на драге 202-ой надо менять понтон.

Сгнил понтон за двадцать лет работы в нашей агрессивной воде.

Драга выведена «на сухое», поставлена на стапеля. Но небольшая плотина, что отгородила драгу от основного водоёма, дала течь, вода прорвала эту плотину и затопила драгу. Всё сейчас там под водой – и стапеля, и понтон. Да к тому же, с нашими здесь морозами, всё там у нас, конечно же, обледенело. Замена понтона срывается. Помогли бы вы нам решить эту задачу, по этой замене понтона! Опыт у вас, судя по рассказу Валерия Владимировича, да и по вашим трудовым документам, опыт у вас в таких делах, кажется, есть. Вот, вы бы нам помогли, а мы бы с вами тогда, глядишь, и сработались. Вы уж извините за прямоту, но не хитрить же нам тут друг перед другом! Признайте, что нам интересно было бы посмотреть в деле на приглашенного специалиста, испытать его на серьёзной работе перед назначением на ответственнойшую должность – начальника подземного рудника.

– Может вам надо подумать? – вмешался Серебряков. – Съездите на прииск, познакомьтесь. Время у нас есть, оформим мы вас на работу всё равно со дня приезда. Основание – наш вызов и ваши проездные документы.

– Я к вам уже приехал. Обратной дороги для меня нет. Что тут думать – я согласен. Чем быстрее оформлюсь на работу, тем быстрее приступлю к конкретным делам. А знакомиться, что знакомиться – познакомлюсь в процессе работы! – Георгий действительно сказал всё это искренне. Он примерно так и представлял себе начало работы здесь. Должны же с ним как-то познакомиться, как-то его попробовать, в каком-то конкретном деле? Это же известная, общепринятая повсеместно процедура знакомства с приглашенным специалистом. До поручения ему более ответственной должности!

– Ну, вот и отлично. Значит, решили, оформляйтесь, Георгий Александрович, в кадрах Рудника и – удачной вам работы!

Что тут гадать, яснее ясного. Начальники решили посмотреть, с кем имеют дело. «И правильно решили, – думал Георгий. – Решили ещё божески, приличную должность дали. Еще неизвестно, как бы я поступил на их месте!».

Объединение «Якуталмаз» состояло из трёх основных алмазодобывающих предприятий – два Горно-обогатительных комбината на Севере, у Полярного круга – Гок «Удачный» и Гок «Айхал», и рудник «Мирный» в самом городе Мирный. Хотя, если рассматривать структуру этих предприятий объективно, то именно рудник «Мирный» и был настоящим горно-обогатительным комбинатом: на руднике велись все виды горнодобычных работ – драги и гидравлики разрабатывали Иреляхскую россыпь, два карьера –

«Мир» и «Интернациональный» вели добычу алмазоносной руды, две обогатительные фабрики – фабрика № 7 – получала готовые алмазы из галечных песков россыпи, фабрика № 3 – из руды коренных месторождений, из карьеров. Драги же сами по себе – и добычной агрегат, и обогатительная фабрика, то есть драги сами и добывают алмазоносные пески из Иреляхской россыпи, сами их обогащают и сами, в конце технологической схемы, выдают готовую продукцию – чистейшие природные алмазы! Драги административно объединены в прииск «Ирелях», существование которого тоже непонятно – драгами вполне могли напрямую управлять производственные службы рудника. Отдалённость драг от города – не более двух десятков километров. Георгию, после Уральской разбросанности добычных объектов, такие расстояния и расстояниями-то не казались. Всё это работало почти дома! Но это новому человеку непонятно. А в условиях создания алмазодобывающей отрасли – всё логично. Добычными предприятиями на первых порах напрямую управляли отделы Объединения, не было тогда ни рудника, ни Северных предприятий, ни каких-либо других административных организаций. Вот и создавались постепенно добычные объекты и объединялись – вначале в прииски, затем в рудники, а затем и в Горно-обогатительные комбинаты.

На второй день, оформив все документы в отделе кадров, Георгий выехал на прииск «Ирелях».

3

Георгий был вне себя от возмущения. Он с утра пораньше пришел в контору, сидит, ждёт машину – они с партгором, с Анатолием Дьяконовым, договорились утром поехать в Управление рудника, к секретарю парткома, к Демьянову. Время было согласовано и вдруг – нет автомашины. Диспетчер автобазы сообщила, что машина еще вчера, с вечера, по заявке прииска запланирована для поездки в Сунтары. По цеховой структуре рудника «Мирный» автобаза была самостоятельным производственным цехом и обслуживала другие подразделения рудника через свои участки на местах. Такие участки не подчинялись местному руководству цехов рудника. Вот и приисковый участок автобазы не подчинялся руководству прииска, а обслуживал объекты прииска через распоряжения Автобазы, которые в свою очередь формировались через заявки прииска.

– А кто едет в Сунтары?

– Как кто? Ваш главный механик.

– Кто подписал заявку?

– Так ваш главный механик и подписал!

– С вами говорит главный инженер. Приказом по Объединению эта машина закреплена за главным инженером. Так?

– Ну, так. Вы там сами разберитесь, кто у вас кто. И своим распоряжением сообщите нам – кто у вас имеет право подавать заявки. А то мы запутались в последнее время, кто там у вас главнее других. А сегодня, что с этой машиной делать?

– Пусть к десяти часам подъезжает к Управлению прииска. В распоряжение главного инженера. И никаких поездок в Сунтары!

Георгий позвонил Демьянову.

– Иван Кириллович! У нас тут произошла небольшая заминка. Мы с Дьяконовым сможем к вам выехать только после десяти часов. Ничего, если мы подъедем где-то между десятью тридцатью и одиннадцатью часами?

– Договорились. Жду вас до одиннадцати.

Вторую неделю работает Георгий на прииске. Вторую неделю он устанавливает на прииске порядок. Дело в том, что формально, приказом по Объединению, обязанности начальника прииска были возложены на главного маркшейдера. Он действительно хороший маркшейдер, но никакой не администратор. Командовать прииском он не умеет, да и не хочет.

– Какой я командир! Я маркшейдер. И надеюсь, маркшейдер неплохой, своё дело знаю. А все эти хозяйственные да производственные проблемы мне ни к чему. Не для меня они – заявил он Георгию, когда тот начал его пытаться, почему это не так, да то не эдак.

– Зачем же ты соглашался хоть и на временное, но командование?

– А кто меня спрашивал? Прислали приказ и крутись как хочешь. Я Прусакову всё и перепоручил. Он командует, а я только бумажки подписываю.

Да, на прииске Георгий застал абсолютное отсутствие единого руководства. Главные специалисты, руководители цехов работали в это время по принципу «кто раньше встал, тому и тапочки». Главного инженера перевели на Север, начальником вновь открывающегося прииска. Кубалов, начальник, был в отпуске – на Севере отпуска длинные, порой по полгода отдыхают северяне «на югах». Заработали, ничего не скажешь.

На прииске в это время фактически всем командовал Прусаков, главный механик. И это был действительно способный и волевой руководитель. Георгий, когда познакомился со всеми специалистами, даже удивился, почему именно на него, на Прусакова, не возложили временно исполнять эти обязанности начальника прииска? Он там, в Алмазном, как раз и был единственным, кто бы справился с этими обязанностями!

Но то, что произошло сегодня, не лезло, как говорится, «ни в какие ворота»!

Во-первых, любой работник прииска, а тем более главный специалист, чтобы отлучиться с производства, а тем более куда-то поехать, должен свои намерения согласовать с руководством и получить от начальника «добро». Ну, а уж забрать для себя на какие-то нужды автомашину начальника, без его ведома – это уж совсем самоуправство! При этом, наказуемое! У Георгия в производственной практике такого еще не случалось. И оставить такой случай безнаказанно Георгий не мог. Да и не имел права! Если пропустишь такое – кто же тебя после этого признавать будет!

Георгий срочно собрал всех специалистов у себя в кабинете.

Пригласил и парторга, и председателя профсоюза.

– Сегодня у нас на прииске произошло ЧП. По-другому я это назвать не могу. Прусаков, главный механик, без моего ведома, и без моего разрешения распорядился прислать ему автомашину, закреплённую за главным инженером и решил выехать по каким-то своим надобностям в Сунтары. И тоже без моего разрешения. Я объявляю главному механику на первый случай выговор и предупреждаю всех работников прииска, что впредь за такие самоуправства буду строго наказывать, вплоть до отстранения от работы. Всем всё ясно? Тогда это у меня всё, все свободны!

– Но мне-то хоть можно пояснить, что произошло, и почему я это сделал – поднялся со своего места Прусаков.

– Нет, Геннадий Александрович, я вас слушать не буду, любые ваши объяснения не принимаю. Всё это надо было вам сделать до ваших распоряжений, и до оформления этой поездки.

Сейчас дело сделано, ваше самоуправство установлено, разводить дебаты поздно, да и не к чему! Всё! Все свободны! Прошу всем приступить к работе.

Демьянов ещё дня три назад позвонил парторгу прииска, Анатолию Дьяконову, и пригласил его приехать с новым главным инженером к нему в партком Рудника. Конечно, он мог бы позвонить по телефону главному инженеру и напрямую пригласить его в партком. Но так уж, видимо, в Мирном повелось, что всё делалось через партийных руководителей. Если были какие-то партийные сообщения, приглашения, вызовы по партийной линии – всё делалось через парторгов.

Может быть, это было и правильно, с точки зрения укрепления авторитета партийных секретарей на местах, но для Краснопёрова это было непривычным – и на Урале, и в Центре России – если партийный руководитель хотел кого-то из хозяйственников видеть, пригласить, вызвать – он обращался напрямую к этому хозяйственному руководителю. Георгий не мог, например, себе представить, чтобы Крюков, Первый секретарь Горкома, приглашал бы Георгия к себе в Горком через секретаря парткома прииска! Но, давно известно – в чужой монастырь со своими уставами входить не положено!

Демьянов сообщил Георгию, что получены все его партийные документы, по которым он теперь может встать на партийный учет в Мирнинском Горкоме.

– Получены ваши документы, Георгий Александрович, и по линии Первого отдела. И я рад сообщить, что нам с директором приятно было познакомиться с теми характеристиками, что пришли на вас. На высшем уровне характеристики. Я вам говорю об этом, хотя может и не должен говорить, говорю с уверенностью и надеждой, что мы с вами сработаемся. Да и ваши первые решения на прииске нас, руководство рудника «Мирный», обнадеживают. Главное сейчас для вас, это понтон драги 202. Замена понтона этого, в том состоянии, как он находится сейчас, это я прямо вам скажу, скрывать не стану, это для вас испытание! Справитесь – станете нашим надёжным партнёром!

Партнёром, которому можно довериться. Извините, Георгий Александрович, за прямоту, но положение с этой драгой такое, что намёками изъясняться уже нельзя. Вещи давно пора называть своими именами. Да мы и называли, не стеснялись, да вот называть-то некому было. Наши технические руководители, кажется, смирились с тем, что работы с понтоном второй драги придётся отложить на лето. Но вот, приезжаете вы. Рудаков нам рассказал, коротко, конечно, о ваших производственных событиях в вашей биографии. И мы решили – а вдруг? Так что, все надежды теперь на вас, Георгий Александрович. Только ради Бога, вы не подумайте чего-то эдакого, не зациклитесь, пожалуйста, на ответственности. Ещё чего доброго – закомплексуете! Не получится, так не получится – не берите в голову.

Если решите делать замену понтона летом – что ж, никто вас не осудит. Решение очевидное! Но мы на вас, признаться, очень надеемся. Хотелось бы запустить драгу весной в работу. Алмазы уж больно нужны стране нашей. Счастливо. Не буду больше вас задерживать. Если что, звоните. Я всегда вам помощник и, если понадобится, защитник. До свидания.

Краснопёрову понравился разговор в парткоме. Чувствовалось – Демьянов не из тех партийных работников, что «выскочили» из бойких, нагловатых инструкторов, которые попадали в горкомы по принципу – «на тебе боже, что нам не гоже». Нет, это был производственник, прошедший тяжёлую школу строительства автодорог в таёжных нехоженных местах алмазодобытчиков. 50-60-е годы! Да и семидесятые тоже. Господи! Прокладка дорог по тайге, по болотам. С маломощной техникой, с примитивными механизмами. А алмазы стране Советов нужны!

Нужны не сегодня, позавчера ещё нужны были!! Их, алмазы эти, ждёт станкостроение, их ждут буровики, их ждёт Космос! И их ждут ювелиры всего мира, чтобы из невзрачного камушка сделать бриллиантовый шедевр!

Все грузы для алмазных Горнодобывающих предприятий приходят рекой, Леной, в старую Мухтую, а теперь и в новый Ленск. От Лены, за 250 километров, их надо доставить в Мирный, а там ещё дальше, к

Полярному кругу, на Айхал, на Удачный.

Более тысячи километров только «прямой» дороги! По тайге, по болотам. Об этом трудно рассказать. Это надо испытать самому.

Демьянов всё это испытал. Он эти дороги построил. И эксплуатировал. Что порой не легче самого строительства.

Георгию тоже всё это было знакомо. И он понял и принял Демьянова. Георгий таких руководителей уважал. Он им верил! И он вышел из парткома с хорошим чувством уверенности, что да, он сделает! Заменят они этот злополучный понтон. «Ничего! Не подведём. Ни директора, ни секретаря партийного!»

– Ну, что, Толя, заедем на драгу? Я на ней побывал уже, конечно. Обстановка там, прямо скажем, не рабочая. Всё во льду.

Начальник горного цеха у вас, Володя Калитин, извини за прямоту, парторг, за то, что я говорю – у вас, ваш прииск, но пойми, я ведь здесь пока действительно не ваш человек, я «человек со стороны», знакомлюсь, может и стану «вашим». А чтобы стать этим «вашим», мне же нужно какое-то время. Освоиться с вами надо, осмотреться. Так вот, среди тех специалистов, с которыми я успел познакомиться на местах, этот Калитин мне понравился. С «головой», показался он мне, думающий горняк. Надеюсь, мы с ним всё же чего-нибудь да придумаем. По драге этой. С её понтоном.

Драга величественно «парила» над огромным водоёмом, покрытым довольно мощным льдом. Георгий попросил рабочего с драги пробить «лунку» во льду – оказалось, толщина льда более шестидесяти сантиметров. И это в ноябре!

– Какой же лёд к весне у вас здесь бывает? Ну, при льдоуборке, какой толщины льдины вы вытаскиваете?

– Да, пожалуй, больше метра. – Парторг говорил как-то неуверенно.

– Ты что, Толя, на «льдоуборке» ни разу не был, что-ли? Так говоришь, вроде как приблизительно.

– Да был, конечно, и довольно часто. Но как-то не обращал внимания на толщину льда...

– Да, понимаю. Вам ведь, партийным работникам, человек важен. А как он работает, в каких условиях, об этом ведь только технари думать должны!

– Ладно, не ёрничай. Ну, действительно, не обращал внимания!

– Вот видишь. А сейчас, в случившейся ситуации, нам как раз это знать очень даже важно.

– Да какая разница, Георгий Александрович? Драга всё равно подтоплена. Лёд уже «нарос», днище понтона недоступно. Работать нельзя. Что изменит толщина льда?

– А если мы с тобой уберём воду, и лёд убирать надо. Сколько людей сюда ставить? Сколько времени займёт уборка? Когда монтажники, сварщики приступить к работе смогут? Мы же с тобой График выполнения всех этих работ должны составить. А как же его составишь, не зная объёма работ?

– Да ладно тебе, Георгий Александрович. Не «харахорься».

Как ты этот лёд уберёшь! Что, плотину взрывать будешь?

– Да. Это было бы идеальное решение. Плотину взорвал, воду спустил, лёд из-под понтона выскреб и работай! Меняй сгнившее днище на новый металл! Да вот только весной драгу уже не запустишь. Да и летом не запустить тоже. Пока-то грунт при вашей мерзлоте отойдёт, оттает на солнышке. Да и оттает ли вообще.

И все работы по гидрооттайке, которая разморозила этот подтопленный полигон – все труды

самоотверженных гидроотайщиков тоже псу под хвост? Снова ставь «поинты», снова начинай работу по оттайке грунта. И когда же работать? Когда начнём добывать алмазы? А эта драга, 202-я, она одна за сезон добывает алмазов больше, чем весь алмазный Урал. И что, товарищ парторг, нам с тобой родная страна спасибо за такую работу скажет?

– Ну, и что же делать?

– А чёрт его знает! Думать надо. Раз раньше не продумали все эти тонкости с водой, с местом остановки драги, с заменой понтона – сейчас что-то придумывать надо!

– Ты действительно думаешь, что – что-то не так сделали?

У нас опытные инженеры, проект в институте делали, не думаю, что какие-то есть здесь недоработки.

– Не думаешь? Тогда объясни мне, зачем воду в плотине подняли на максимальную отметку? Чтобы не промёрз полигон, поднять воду надо до контура полигона. Это, вот смотри отсюда, сколько, метров пятьдесят-шестьдесят. Так? Это по ширине.

А по высоте, по уровню воды? Три метра, не меньше! Если не все пять. Зачем? Представь теперь, что уровень воды на три метра ниже! Где вода, и где та драга? Никакого подтопа, никакого льда.

Меняй себе понтон по-сухому.

– Да, но весной-то драгу всё равно надо спускать в полигон, а как её спустишь без воды?

– Так ведь, дорогой Толя, Анатолий ты наш Викторович, на этой-то воде тоже ведь драгу не спустишь! Уровень-то воды всё равно поднимать придётся! Значит, всё равно на плотине нужны будут работы! Так зачем их сделали, причём не полностью, всё равно частично, осенью? Вот и затопили драгу. А ты говоришь опытные у вас инженеры. Не знаю, за что повысили в должности главного инженера. Я бы за такой просчёт такого инженера снял с работы, и больше к горным работам не подпускал на пушечный, как говорится, выстрел.

– Но ведь драгу ещё надо было и поднять на ту площадку, где она теперь стоит! Поднять, и на стапель поставить! Не краном же её сюда поставили. По воде заплыли!

– Ну, заплыли и что? Спустить то воду легче, чем поднять.

Спустили на три метра, ну на два – на метр уже опасно, вдруг подъём воды какой, снова все работы потерять можно. Но если всё равно спускать ту воду, так чего стесняться? Спусти побольше, весной всё равно поднимать придётся. А с другой стороны, как горняк, я бы вообще основную плотину не трогал. Плотиной бы воду не поднимал. Опасно это. Лето, грунт талый, площадка подготовлена – отсыпай мелкие перемычки, закачивай воду насосом и подними эту драгу на любую, нужную тебе высоту!

И никаких водяных осложнений! И по этим же перемычкам, как при шлюзовой работе, весной спускай спокойно драгу в основной водоём! Вот и все проблемы! Вернее, никаких проблем!

– Вот видишь, как у тебя всё хорошо получается. Правильно сказал Демьянов, жаль, что тебя здесь тогда, когда на стапеля ставили драгу, не было. Сейчас бы хоть сослаться не на кого было... Ладно. Раскритиковал ты всех славно. А что сам-то сейчас делать будешь?

– Не знаю, Анатолий Викторович, пока не знаю. Поползать, ползать, походить и подумать надо. Одно знаю, безвыходных положений нет! Человек обязан справиться со стихией! А это и не стихия здесь вовсе, так, недомыслие. Людское. Что-нибудь, Толя, придумаем. Вот это я тебе обещаю точно!

Калашников Евгений Петрович, главный инженер Объединения «Якуталмаз», собрал Техсовет по замене понтона драги 202 по настоянию начальника Ремонтно-строительного Управления Устиченко, которому руководством Объединения поручены работы по этой замене.

Устиченко возмущен до крайности. Ему поручено закончить работы по замене понтона драги к началу эксплуатации, то есть к апрелю месяцу. Но проходит уже ноябрь, скоро Новый год, а к драге специалисты его Управления даже подойти не могут! Всё это он и высказал на Техсовете.

– Я прошу снять с меня это задание, Евгений Петрович.

Оно не подготовлено хозяином, прииском Алмазный, рудником «Мирный», я не в силах выполнить поручение Объединения.

Сроки уходят, сроки практически уже ушли, я был вчера на драге, там всё обледенело, там подойти к драге опасно, какие могут быть там работы по замене понтона, когда понтон тот весь во льду! У меня нет слов, Евгений Петрович, я не могу никак характеризовать такую работу, вернее сказать – такую безответственность, поэтому я настоятельно прошу принять решение и снять с меня эти невыполнимые работы.

Чупин, главный инженер рудника «Мирный», в чьём прямом подчинении и была драга 202, участвует в совещании как член Техсовета. По-доброму, как это и всегда бывало в производственной практике Георгия, именно главный инженер предприятия, как его технический руководитель, должен доложить техсовету о тех мерах, которые принимает Рудник, прииск для выполнения этой замены. Но Чупин молчит. Краснопёров присел вначале куда-то в последние ряды большого собрания, но Калашников показал Георгию на стул впереди, в первом ряду – «тебя будем слушать».

Георгий не готов к Техсовету. Ему только сегодня утром сообщили об этом заседании. И о том, что будут рассматривать именно вопрос замены понтона драги 202. Для Георгия это полная неожиданность. Он всегда знал, что Техсовет, это серьёзное совещание, к нему надо готовиться, и готовиться тщательно, не один день, ему, Техсовету, этому коллективному разуму целой отрасли, надо представить конкретные предложения, конкретные мероприятия, согласованные со всеми Главными специалистами.

Он сидел в этом первом ряду отведённого Калашниковым ему места и думал, соображал, а о чём же он будет говорить, когда его спросят! А его спросят обязательно, иначе для чего Калашников посадил его в этот первый ряд совещания. Да, есть у него кое-какие намётки об освобождении драги ото льда, от этого пакостного затопления, он перед совещанием зашёл к Карачабану, Главному механику Объединения, рассказал вкратце, что он задумал, но времени не было, совещание у Главного начиналось, и разобрать с Карачабаном подробности своей задумки Георгий не успел. Единственное, что он успел, так это попросить Николая Георгиевича позвонить Главному инженеру треста «Спецмеханизации» Управления «Виллюйгэсстрой», чтобы он принял и выслушал Краснопёрова, главного инженера прииска «Ирелях», и чтобы постарался помочь прииску, о чём попросит Краснопёров. Что Карачабан и сделал, даже не зная, зачем Краснопёрову эта встреча. Время поджимало так, что даже и об этом поговорить было некогда – Ладно. Пойдём к Калашникову. Потом всё расскажешь подробнее.

Вот Краснопёров и сидел на Техсовете, соображая, кто же будет выступать от Рудника. Чупин? – но тот молчит, Краснопёров – так он не знает, о чём говорить. То, что он наметил к работе, всё сырое, еще не просчитанное, нельзя всё это докладывать Техсовету.

– Ну что, товарищи Рудник, кто нам что-то расскажет о ваших планах по замене понтона драги? Вы же понимаете, работа второй драги – это более полумиллиона карат алмазов в год.

Мы не можем просто так сидеть и смотреть на вас – сделаете не сделаете – план мы с вас не снимем, это естественно, а если у вас другой источник есть, я имею ввиду по выполнению Государственного плана,

так расскажите нам о нём подробнее!

Давайте так. Вначале мы послушаем Краснопёрова, главного инженера прииска. Пусть нам расскажет, заменит он понтон драги за зиму, или нет. А если нет, не сможем мы заменить понтон и пустить драгу весной, тогда послушаем Чупина, как он собирается выполнять Государственный план года, а главное – за счет чего. Если драга 202 работать не будет. Так? Ни у кого нет возражений? Тогда – слушаем вас, Георгий Александрович.

– Евгений Петрович! Уважаемые товарищи члены Техсовета.

У меня нет сейчас с собой мероприятий по замене понтона драги. Виноваты в этом организаторы Техсовета. Мне только сегодня утром сообщили о том, что состоится вот этот Техсовет, сказали, что будет рассматриваться вопрос о замене понтона драги 202 и приказали прибыть к десяти часам утра в Объединение.

К Главному инженеру. К вам, Евгений Петрович. Представлять мероприятия, которые, кстати, не до конца ещё и отработаны, ни с кем не согласованы, представлять такие мероприятия Техсовету я не имею права. И не буду этого делать! Я хотел бы спросить у Николая Арсентьевича, у Устиченко, если мы драгу подготовим к первому января, вам хватит времени до апреля, чтобы заменить понтон?

– Да вы подготовьте хоть к первому февраля, мы успеем, мы справимся. Но не подготовите ведь! Евгений Петрович, я с этим Рудником замаялся уже. Врут же напропалую! Не подготовят!

Болтовня всё! Я настаиваю – снимите с меня эту работу!

– Подожди, не кипятись! А из членов Техсовета был кто-нибудь на драге? Что скажете?

– Да все, наверное, были, Евгений Петрович, – встал Тихонов, начальник Производственного отдела, – дело же не в том, видели не видели, дело в том, что всё там запущено до невероятности. И на приiske, и на драге все как-то растерялись, никто не знает, что делать. Я спросил у Калитина, начальника Горного цеха, что собираетесь делать? Он мне ответил – новый главный инженер изучает обстановку. Он нам приказал не суетиться, и даже, извините, сказал – «из штанов не высказывайте!» Ждём решений. Это на приiske так считают. И я так думаю, что рано мы собрались по этому вопросу, и Устиченко зря паникует. Есть конкретный человек, он занимается этой драгой, в нашем с ним разговоре, я так понял, что он уверен в своих действиях, о том, чтобы не менять понтон в эту зиму, у него и в мыслях нет. Так, Георгий Александрович? Давайте всё это и поручим ему, не будем, как он и призывает, суетиться. Человек новый, только осваивается. Пусть человек работает, не надо на него давить!

– Хорошо вам рассуждать! – Снова вскочил Устиченко. – А мне работать надо! Я сколько уже заказов не подписал из-за драги этой. Мы, как я понимаю, Евгений Петрович, не «хорошего парня» Краснопёрова обсуждать здесь собрались! Мне надо знать – будем мы менять понтон, или не будем. В какое время, в какие сроки. У меня же бригада налажена и ждёт команды!

Дайте мне сроки – когда начать, к какому сроку закончить. Я по графику работаю. Мне «верю не верю» – неподходящая форма сотрудничества!

– Николай Георгиевич! Что вы скажете. Я так понимаю, что определиться нам надо – будем менять понтон, не будем. Не разговоры разговаривать, а твёрдо определиться! Вы, как Главный механик, определились уже для себя?

– Евгений Петрович. Я согласен с Тихоновым, ни к чему мы сегодня вопрос этот подняли. Краснопёров только приступил к работе, изучает обстановку. Мы сегодня, вот, прямо перед Техсоветом, говорили на эту тему. Ничего толком пока не обсудили, время подпирало, но я понял одно – Краснопёров твёрдо уверен, понтон заменим. У него есть программа, у него есть уверенность, а что нам ещё надо? Давайте подождём

результатов.

Я прямо скажу – я Краснопёрову верю. И всячески, на уровне моих прав и обязанностей, буду ему помогать! А Николая Арсентьевича я бы попросил – во-первых, успокоиться, а во-вторых, плотнее работать с Краснопёровым, а не по начальству бегать.

Со своими сомнениями. Я считаю, Евгений Петрович, ничего сегодня решать не надо, довериться надо Краснопёрову, а он работу, я в этом уверен, выполнит. А вам лично, Евгений Петрович, график замены понтона мы с Красноперовым представим к двадцатому декабря. Так, Георгий Александрович?

– Так, Николай Георгиевич. Евгений Петрович, а мне ещё два слова сказать можно?

– Говорите.

– Я уже сказал, что Техсовет этот для меня полная неожиданность, я к нему не готовился, а потому не могу сегодня доложить вам о своих планах. Скажу главное. Раз Николай Арсентьевич готов заменить понтон за два месяца, раз он сказал – вы мне к февралю фронт работ подготовьте – значит, понтон мы к апрелю заменим. Я передам вам Николай Арсентьевич, готовый к работе понтон к первому января. Чистый понтон, полностью очищенный ото льда и снега. Прошу секретаря Техсовета зафиксировать это моё заявление. Но, вы же понимаете, Евгений Петрович, что после замены понтона нам ещё надо будет всплыть, перейти в полигон, начать добычу. Так вот, все эти подготовительные работы к апрелю будут готовы. Я их знаю, я их вижу – как и когда всё это надо будет сделать. Сразу после окончания работ по замене понтона мы начнём всплытие и переход драги на полигон! Всё это будет зафиксировано в нашем целевом графике работы драги 202 в предстоящем добычном сезоне. Так что, Николай Арсентьевич, если вы замените понтон к марту, а вы сами назвали срок – два месяца – значит уже в марте мы поплывём к алмазам! Можете записывать эти мои слова как мне поручение, можете записывать как моё заявление – уверяю вас, всё это будет сделано в нами же установленные сроки!

– Да. – Калашников улыбнулся – Бурно. Как в первые годы освоения нашего края. Тоже, те ещё были речи. Давайте так.

Никаких решений мы сегодня принимать не будем. Запустим мы драгу весной, так я понял. Для чего тогда решения какие-то?

Решения определены Государственным планом! Я так понял, что всем всё ясно. Все знают, что надо делать, все работают. И работают довольно ответственно. Я вам верю. Всем! А вы, Георгий Александрович, если случатся какие-то трудности, несогласованности какие-то, звоните прямо мне. Напрямую. Я дам команду, чтобы вас со мной соединяли. Всё-таки, миллион карат алмазов стоят нашего с вами беспокойства.

Габуня, главный инженер треста «Спецмеханизации», встретил Краснопёрова приветливо, усадил за стол, напоил чаем.

– Давай вначале хотя бы познакомимся. Кто есть кто, чем знаменит, как устроился. А потом уж и твои проблемы.

Рассказав немного о себе – кто, откуда, зачем приехал – Краснопёров выложил свою просьбу.

– Мы, Евгений Борисович, горное предприятие, у нас все экскаваторы добычные, громоздкие, малоподвижные. А мне надо вырыть у второй драги глубокий зумпф, поставить там насос и откачать от драги воду. Освободим понтон, уберём лёд, подготовим фронт работ для нашего Ремонтно-строительного Управления по замене понтона драги. У вас такие экскаваторы есть. Небольшие, «обратная лопата», с ковшиком в четверть кубика, подвижные, на резиновом ходу. Он до нашей драги, с вашего хоздвора, за полчаса добежит, за смену сделает нам работу и свободен! Снова будет работать на ваших фундаментах

там или ещё где. По вашей программе.

– Да. Ловко ты всё рассказал. А у меня ведь эти подвижные экскаваторы не стоят, тоже в работе. Не успеваем выполнять заявки своих стройучастков. Где же я на вас-то найду время?

Габуня позвонил по внутренней связи своим производственникам.

– Николай! Зайди ко мне.

– Вот, – показал он на Краснопёрова вошедшему начальнику производства – познакомься. Новый главный инженер прииска «Алмазный». Не успели назначить, а он нам уже создаёт проблемы. – Габуня коротко рассказал о просьбе Краснопёрова.

– Надо бы помочь.

– Надо бы, Евгений Борисович, да только мы сами задыхаемся от нехватки этих механизмов. И не только экскаваторов на колёсном ходу. Вообще с механизмами плохо. Свои участки надо обеспечивать, свои программы выполнять. Когда мы ещё и прииску помочь сможем?

– Ладно, ты не кипятись. Надо помочь прииску. Кстати, мне и Карачабан звонил, тоже просил помочь прииску. Ему-то как откажешь? Мало он нам с тобой помогает? Давай, посмотри свои графики, надо выкроить время на одну смену. Точно? Управитесь, Георгий Александрович, за одну смену?

– Я представлю вам схему работ, мы с Николаем Фёдоровичем её рассмотрим, время рассчитаем по объёму земляных работ, тогда и назначим сроки выделения экскаватора. Когда и насколько.

– Ну, ты Георгий, даёшь. Ничего, что на ты и без отчества? У нас всё это как-то не принято. Ничего?

– Ничего, согласен. И «на ты», и без отчества. Главное, чтобы работу сделать.

– Вот, я и говорю. Правильно ваши на прииске говорят, что новому Главному палец в рот не клади, враз всю руку оттяпает.

Ты же только что мне говорил, что на смену у тебя там работы! И тут же – график, время. Значит, можете в смену и не уложиться?

– Ну, подумай сам, Борисыч, пока вы проинструктируете машиниста по новой схеме, пока он до нас доберётся, пока подготовит себе площадку для работы – смена может и закончится.

А мы его пригоним на площадку, проведём все подготовительные работы, утеплим на месте, чтобы вечером не гнать обратно в город, а утречком пораньше приедем с машинистом, заведём машину и вот тогда за одну смену точно – всё сделаем.

– Ну, что, Николай, – обратился Габуня снова к начальнику производства. – Выдержим?

– А куда деваться, Евгений Борисович, раз уж ты обещал Карачабану, надо делать! Мы с Георгием посидим, покумекаем, я думаю, найдём мы выход. Поможем прииску. Был я недавно у той драги. Кошмар! Всё там во льду, всё затоплено, всё заморожено. Я даже не представлял – как они из этой ситуации выходить будут.

А теперь, оказывается – есть у них план выхода из этой беды!

Поможем, Евгений Борисович, не беспокойся. Что делать, все ведь мы здесь живём и работаем ради алмазов. И за счёт алмазов!

Полдня ползали Георгий с Володей Калитиным вокруг второй драги. К середине дня план выхода из ледяного тупика, кажется, определился. Короткая перемишка, что отделяла драгу от основного водоёма, дала где-то течь и вода постепенно затопила площадку ремонта. Но постепенно! Значит, не прорыв, значит какая-то фильтрация. Нужно что?

Во-первых, отсыпать вдоль перемычки новый вал земли, параллельно отсыпать рядом ещё одну перемычку. По «мокрому» откосу. Для этого – где взять грунт? Вот тут и наступает – во-вторых. Лёгким экскаватором с обратной лопатой пройти вдоль той же перемычки, но с «сухого» откоса, траншею. Грунт перебросить через перемычку на «мокрый» откос, а в конце перемычки, в самом низком месте, выкопать зумпф, глубиной ниже основания перемычки, установить там насос и откачивать постоянно просачивающуюся воду.

Глубина зумпфа – расчётная. Сделаем! Ремонтная площадка станет сухой!

Ну, а в-третьих, это уж совсем просто – вручную «выкайлить» и убрать от понтона лёд. Ничего, уберём. Дразникам всё равно делать нечего! Тяжело, конечно. Кайлить-то почти на «корточках» придётся – под днищем понтона пространство чуть больше метра. Почти на коленях, почти ползком работать надо будет! А что делать! Сами «прошляпили», самим и убирать!

Правда – убирать будут не «сами»! Убирать будут рабочие...

«Ничего, – думал Георгий, ползая вокруг понтона, – к концу декабря понтон очистим, как говорится – «до металлического блеска»! И всё! Работайте монтажники! Меняйте понтон! Если сумеете, если успеете. Но это уже твои, Устиченко, заботы. И твоя сообразительность».

Вечером Калитин изложил всё придуманное в графике, описал коротко в записке и Георгий показал новый проект Карачабану. В кабинете у Николая Георгиевича находился и Устиченко.

– Ну что, Николай Арсентьевич, приступаем к работе?

– Ты сначала очисти понтон этот. На бумаге у вас всегда всё легко выглядит!

Получилось не только на бумаге. В декабре монтажники начали работать на понтоне.

В марте новый начальник драги Юрий Долгов выводил драгу в основной водоём. Выводил драгу на полигон добычи алмазов.

5

Посёлок Алмазный в начале восьмидесятых годов выглядел довольно солидно. В основном, в посёлке жили алмазодобытчики – дразники, бульдозеристы, работники горного цеха и участка горно-подготовительных работ. Жили здесь и автомобилисты, геологи, в небольшом количестве жили работники рядом расположенного совхоза «Новый», работники других, подрядных и субподрядных организаций, обслуживающих алмазодобычу.

Всего населения числилось по поселковому Совету более семи тысяч человек. Жили люди, большей своей частью в двухквартирных одноэтажных домах, полностью благоустроенных. Всё в доме было – тепло, канализация, вода. Кроме воды горячей. Почему-то в домах старыми ещё проектами горячая вода не предусматривалась. Но с восьмидесятого года были введены в строительство новые проекты, в которых предусматривалась и горячая вода. По новым проектам в посёлке уже заложены и собраны «коробки» двух восьмиквартирных домов, в два этажа, и трёх четырёхквартирных одноэтажных домов. В одном из этих строящихся домов Георгию запланировали выделить жильё и потому Георгий взял над этими стройками собственное шефство, свой особый контроль. Каждое утро свою работу он начинал именно со строек. Узнавал у бригадиров чего не хватает, чего не подвезли, связывался с руководством Строительно-Монтажного Управления, которое и строило эти дома. Шумел, требовал, добивался. Даже однажды поругался с главным инженером Управления. Тот приехал на Алмазный, ходил, проверял стройку, тут с ним и встретился Георгий. И сразу же начал выговаривать о плохом контроле лично Главным инженером за ходом строительства жилья в поселке Алмазном.

– Слушай, ты кто такой, чтобы мне выговаривать здесь всякую чушь? Что ты здесь ходишь, мешаешь людям работать!

– Я заказчик, дорогой вы мой. А вы наш подрядчик. Я вам деньги плачу, а вы в сроки ввода не укладываетесь. Что, хотите, чтобы ход строительства рассмотрело руководство Объединения? Могу устроить!

– Ага, так это ты и есть новый Главный инженер на прииске?

Надо же сначала знакомиться, а уж потом размахивать кулаками! Пойдёмте в конторку, поговорим обо всём.

– Да, не подумал я, не представился. Знаете, за два-то месяца уже все, думал, меня знают. Тем более, что и по телефону общались. Простите. Краснопёров. Георгий Александрович. Не только главный инженер, но и исполняющий обязанности начальника.

– А что, Кубалов еще не вышел из отпуска. Не приехал ещё?

– Пока нет. Он в феврале только выйдет на работу. Где-то в середине февраля. Так что, пока, как говорится, прошу любить и жаловать. Со мной придётся работать.

– Ничего, я вижу, я так думаю, что мы с вами сработаемся.

А то здесь на прииске и поговорить-то о делах стройки не с кем было. По телефону, это же не общение, просто разговор. А с кем говоришь, как выглядит, как думает, поди, догадайся. Да. Так вот, о заказчике. И о том, кто деньги платит. Всё же перебарщивать не надо – у всех строителей Объединения «Якуталмаз» есть только один заказчик – ОДСП – Объединённая Дирекция строящихся предприятий. Вот она, эта дирекция нам и платит деньги. И договор строительства у нас с ней, с этой дирекцией, а не с прииском. Так что не заносись, не ты нам деньги платишь. Но, дело, конечно не в этом. Признаю, без помощи прииска, без всяких, возникающих ежедневно мелких, но важных проблем трудно строить. Поэтому, давайте не ругаться, а налаживать личный контакт. У нас, кстати, начальник тоже уходит. Надолго, думается, насовсем. Так что некоторое время именно нам с вами придётся строить всё здесь, на Алмазном. Вместе. Значит, давайте будем разговаривать спокойно. Ну, что вы хотели сказать? Там, на стройке. Какие у вас претензии?

– Нет, у меня претензий никаких. Люди работают, добросовестно работают, качественно. Но прости! То того нет, то этого.

А сроки уходят, сроки уже срываются. Надо бы снабженцев ваших озадачить как-то. Чтобы следили за поставками стройматериалов. Сейчас, в основном, отделка пойдёт. Тепло мы подключим, наши службы уже озадачены, и не только коммунальщики, но и главный энергетик следить будет за этим подключением. В общем, Виктор Петрович, чем надо помочь, прииск готов. Только работайте.

– Договорились. Раз вы будете помогать, мы тоже постараемся. Одноэтажные дома, обещаю, введём через месяц. А к весне, в апреле, введём и восьмиквартирные. Но на вашу помощь рассчитываю.

– Договорились.

Через месяц Краснопёров освободил, наконец, комнату в Поссовете, переехав в однокомнатную квартиру во вновь введённом четырёхквартирном доме. С хорошими, кстати, соседями.

Посёлок жил дружно. Не только традиционные праздники собирали людей вместе, в большом зале поселковой столовой.

Дражники, автомобилисты, бульдозеристы вместе собирались по любому праздничному поводу. Юбилейные дни рождения, выполнение годового плана любым цехом прииска, рождение нового члена

семьи, нового члена коллектива, рождение ребёнка – всё было общеприискковым событием. Всё было праздничным поводом собраться людям вместе. А уж про свадьбы и говорить нечего. Свадьба была событием даже не общеприискковым.

Свадьба – это было событие общепоселковое. Дружно люди жили, дружно работали.

На Алмазном Георгий проработал чуть меньше года. Где-то, около восьми месяцев. Но сделано за это короткое время немало.

Во-первых, они с Калитиным упорядочили схему работы Гидротехнических сооружений. На этой почве у Красноперова даже произошла размолвка с Чупиным, главным инженером Рудника.

Краснопёров считал, что не надо осенью перекрывать верхние плотины, чтобы весной не получить неприятных сюрпризов во время паводка. Он предложил новую схему отработки полигона в водоёме каждой работающей плотины. Ширина долины позволяла отрабатывать полигон продольными ходами первые два хода – туда и обратно, а заканчивать отработку участка поперечными ходами. Такая схема отработка имеет два главных преимущества: соединив отвалы первого продольного хода вдоль борта россыпи с водосливом верхней плотины мы получаем естественный водоотводной канал и всю свежую воду направляем мимо дражной отработки, за нижнюю плотину. Получается естественный, дешёвый способ отработки полигона драгой в полном замкнутом цикле, без загрязнения основного водоёма. С изменением ходов драги Чупин согласился, а вот не закрывать на зиму вторую верхнюю плотину категорически отказался Краснопёров вызвал на прииск службу экологического надзора. Приехал главный специалист по гидротехническим сооружениям Коваленко. Он же осуществлял на руднике и охрану природы. Краснопёрову как раз это и надо было. Он провёл Коваленко по всем своим плотинам и отвалам, подробно разъясняя, чего он хочет добиться здесь, на переработанной уже речке.

– Ты видишь, сколько грязи. И в котловане грязь, и грязь по всей долине. А по предлагаемой схеме вода за водоёмом работы драги уже ничем не загрязняется. Мы с тобой уведём чистую воду мимо драги.

– Да это как раз всё понятно, и с этим никто ведь и не спорит.

Речь о верхней плотине. С этим не согласен наш Главный!

Краснопёрову Юра Коваленко сразу понравился – толковый инженер. Схватывает всё сразу, повторять и растолковывать не надо.

– Я же говорю не о верхней плотине дражного водоёма. Речь идёт о второй верхней плотине, там накапливается ещё один водоём, с несколькими сотнями тысяч кубометров воды. И он совершенно не нужен. Он лишний. Это полигон четвёртого года отработки. Зачем нам такие запасы воды? А если однопроцентный паводок? Да, он редкий. По расчётам, он случается раз в сто лет. А вдруг случится? Зачем нам эта бомба замедленного действия? При этом производстве от этой верхней плотины никакого ведь проку. Более того, её водоём мешает вскрышным работам! Огромные лишние объёмы земляных работ. Посчитай, на сколько это перегружает нашу себестоимость!

– Да ладно ты, копейки считать. Это вы там, на золоте, привыкли на всём экономить. Нам пока денег на всю эту переработку хватает.

– Ну, это сегодня. Это ведь расходы будущих периодов. А ну, как в недалёком будущем что-то пойдёт не так? И затраты некуда спрятать будет? Зарплату ведь нечем работникам выплатить будет!

– Ладно. Это всё теория. Но со второй плотинной я с тобой пожалуй соглашусь. Убедительно ты всё это мне рассказал. Меня ведь директор к тебе направил. Поезжай, говорит, разберись из-за чего сыр-бор там у Краснопёрова разгорелся. Буду докладывать как есть. Тебя поддержу.

Директор Краснопёрова поддержал тоже. Дражный отдел института разработал и утвердил у

руководства новую схему отработки Иреляхской россыпи драгами.

Уже через три года, после применения новой схемы отработки полигона в порушенную реку Ирелях стала заходить рыба, на радость рыбаков Алмазного.

Этим же проектом упорядочили очерёдность строительства и сроки перекрытия верхних плотин. График такого перекрытия строго увязали с графиками гидрооттайки и вскрышных работ.

Эти графики подтвердили, что одна плотина для верхнего водоёма просто-напросто лишняя! Освобождалась бульдозерная техника, что позволило открыть новый участок добычи песков на обогащённых отвалах третьей фабрики. Прииск в зимнее время начал там добычу дополнительных песков, отправлять их на Фабрику и получать дополнительно алмазы. И, как вскоре выяснилось – в немалом количестве.

Кроме того, ритмичней, без спешки велась Гидрооттайка. Не надо стало торопиться, спешить переставлять «поинты» из-за необходимости перекрывать плотину, долина которой быстро наполнялась водой и тем самым «торопила» Гидрооттайку. А это – качество оттайки грунта, а значит и спокойная работа драги летом.

Отдел дражных разработок института «Якутнипроалмаз» полностью поддержал Краснопёрова во всех предложенных схемах. А вскоре они, Краснопёров с дражным отделом, вплотную занялись левым увалом реки Ирелях.

Дело в том, что институтом был разработан проект отработки этого увала отдельным способом. Схема простая – делается вскрыша песков, затем эти пески автомобильным транспортом вывозятся на Обоганительную фабрику.

При первом же рассмотрении, Краснопёров предложил Подузову, заместителю Генерального директора по производству, отработать этот увал драгой. Он выписал все возражения института против драги и по каждому пункту сделал свои расчёты. В дражном отделе Института эти расчёты проверили и поддержали Краснопёрова. Подузов собрал всех проектантов у себя в кабинете, подробно рассмотрел все пункты доказательств и предложил подготовить материал к техсовету, на котором будет рассматриваться предложенный институтом проект отдельной отработки увала.

К техсовету разработчики не успели подготовить материал.

А выступать с голым предложением, без предпроектных проработок, Краснопёров посчитал недостойным. И потому, на техсовете он высказал своё мнение только по схеме предложенного институтом проекта.

– Ты почему же ничего не сказал о дражном варианте? – Обижено высказал Краснопёрову Подузов после совещания. – Я уже всем объявил, что у тебя будет своё предложение, а ты вдруг промолчал.

– Сергей Борисович. Ну как можно было выходить на Техсовет с неподготовленным предложением? Я сказал, что предложенная схема работоспособна. Но не единственная! Над этим увалом ещё надо поработать. Как проектировщикам, так и производственникам. А вообще, Сергей Борисович, нужен нам сегодня этот увал? До него ещё жить да жить. Успеем мы ещё его доработать!

– Но Техсовет же утвердил схему отдельной разработки!

– Ну и что. Придёт время, мы с тобой сделаем ценное рационализаторское предложение, выиграем процесс и получим миллионную премию!

– Тебе бы всё забавляться. А мне, представь, совсем не до шуток. Надо или утверждать принятый проект, или отдавать его на доработку.

– А ты положи его в «долгий ящик». Не торопись. Это я тебе говорю уже серьёзно. Дражный это увал. И придёт время, прииск закажет Институту именно проект дражной разработки этого увала. Но время это, на мой взгляд, еще очень-очень не скорое.

19-го сентября утром из приёмной Рудакова Краснопёрову позвонили.

Завтра, 20 сентября, Вы Георгий Александрович, приглашаетесь на совещание по строительству подземного рудника «Интернациональный». В 16 часов.

– Господи. Вот не повезло.

– А что такое?

– Да у меня завтра день рождения. Я уже и гостей пригласил.

– Успеете. Я не думаю, что совещание так затянется, успеете вы к гостям.

– Ну, что делать. Совещание, так совещание.

Через час снова звонок из приёмной.

– Георгий Александрович. Рудаков перенёс совещание на 22 сентября. На то же время – 16 часов.

– А что случилось.

– Так именно из-за вашего дня рождения! Пусть, говорит, отпразднует.

Георгию исполнилось сорок пять лет. Это много. Это уже очень много!

6

Совещание началось как-то сумбурно. Говорили почти все сразу, но ничего конкретного. Георгий никак не мог понять, что ему хотят предложить, что от него хотят? Когда он ехал на совещание, у него сложилось твёрдое убеждение, что ему предложат организовать эксплуатационный подземный рудник – если строят, значит что-то и вводят. И эти вводимые объекты должен кто-то принять, эксплуатировать! Так рассуждал Георгий, следуя на назначенное Рудаковым совещание. И это единственное, что он считал правильным и возможным решением того совещания.

Конечно, за время работы на прииске он немного познакомился со строительной площадкой подземного рудника. Все работы там вели строители «Вилюйгэсстроа». Они запустили Чернышевскую ГЭС, собирались строить вторую очередь этой же станции. Пока велось проектирование, пока выбирали площадку, строители «Вилюйгэсстроа», стараясь сохранить коллектив, выступали у объединения «Якуталмаз» Генеральным подрядчиком. По всем видам капитального строительства – как по промышленным стройкам, так и по жилью. Объёмы строительства были не просто большими, объёмы строительства были огромными. Годовой объём выполняемых Управлением капитальных работ переваливал за шестьсот миллионов рублей. Тех рублей, советских. Цена Советского рубля в официальной международной торговле была тогда выше Американского доллара. За один доллар давали примерно шестьдесят советских копеек. Так что, объём капитальных строительных работ, выполняемых «Вилюйгэсстроом» для Объединения «Якуталмаз», действительно был огромным, где-то – под миллиард американских долларов!

Это объёмы только по Объединению. А ведь на площадке были и другие заказчики. Работы у строителей хватало, как говорится – «выше крыши», поэтому на стройках они «вальняжничали», выбирали самую объёмную, а значит и самую дорогую, самую выгодную работу.

Конечно, объёмы строительства рудника «Интернациональный» – это приличный и довольно

лакомый заказ для любого строителя. Но наибольшие объёмы этой стройки составляли горные подземные работы. Выполнять их должны специализированные организации. Объединение «Якуталмаз» заключило договор строительства подземной части рудника с солидным подрядчиком – с Трестом «Шахтоспецстрой», с его Норильским Управлением. Шахтёры обосновались и неплохо прижились как на площадке «Интера», так и в городе Мирном. Хорошие благоустроенные квартиры, хорошая зарплата со всеми северными надбавками, куда им спешить? Проходку стволов они начать не могли – не был готов проходческий комплекс поверхности. На площадке не было воды, электроэнергии, сжатого воздуха, в общем, не были готовы необходимые для проходки стволов объекты поверхности. Шахтёры иногда возмущались, на всяких там целевых совещаниях да собраниях, но не очень настойчиво. Объединение их содержало за счёт «расходов будущих периодов» была в смете такая статья, вот шахтёры и «паслись» потихоньку на строительной площадке рудника. Куда им торопиться?

«Поверхность» должны построить строители «Вилюйгэсстрой». Но это объекты мелкие, не объёмные, вот строители туда и не шли. Или шли, но не очень охотно.

Обо всём этом Георгий узнал задолго до намеченного совещания у Рудакова. Однажды Георгию позвонил директор Сафонов и попросил выполнить находящимися поблизости от строительной площадки бульдозерами прииска вертикальную планировку. Проще говоря – разровнять на площадке подвезённый самосвалами рудника «Мирный» грунт.

Георгий тогда и познакомился с этим строительством. Познакомился с начальником участка шахтёров, с Кузнецовым Александром Петровичем. С начальником скипового ствола Георгием Коваленко. Толковые ребята и явно засиделись без работы. И не скрывали своей озабоченности неторопливой организацией строительства «поверхности» со стороны Объединения.

От Генерального заказчика на площадке «командовал парадом» молодой инженер Стрельников. Георгию сразу как-то не понравился этот молодой, но видать бойкий парень. Георгий спросил его:

– Откуда грунт возите?

– С карьера «Мир».

– Как с карьера? Вскрышу, что ли возите?

– Ну, вскрышу.

– Да ты что, парень! Она же расползётся на солнце, грязь же будет.

– Вам приказано разровнять, вот и равняйте. А с технологией мы как-нибудь сами разберёмся!

– Ну-ну! Смотри, как бы всё это убирать не пришлось. А Чертов знает, чем вы здесь отсыпаете площадку? – Чертов, это Главный инженер проекта. В институте «Якутнипроалмаз».

– Знает. Кому положено знать, все знают.

– Неужели знают, но не понимают, что творят? Это уже похоже на вредительство!

Вот такое у Георгия было первое знакомство с куратором стройки от Объединённой дирекции. Не думал тогда Георгий, что этот нахальный паренёк в сравнительно недалёком будущем ох сколько крови ему попортит!

И вот, это совещание у Рудакова. Здесь – Заместитель Генерального по капитальному строительству Русин, директор института Гомелаури, директор Объединённой дирекции Дехтять, директор рудника «Мирный» Сафонов, начальники некоторых отделов, так или иначе связанные с предстоящей стройкой. И обсуждается одна тема – кем назначить Краснопёрова на строящемся руднике. Кто-то считает, что ему надо поручить строительство. Значит, вводить в состав Объединённой Дирекции?

Сафонов – за организацию эксплуатационного рудника.

– Эксплуатации надо участвовать в строительстве с первых дней, с нулевой отметки! Следить за качеством монтажа, курировать сроки. Кому строители собираются сдавать объекты будущего рудника? Эксплуатации. А кто строителям будет отпускать продукцию – сжатый воздух, воду, электроэнергию, наконец – тоже эксплуатация! Без эксплуатации мы там, на этой стройке просто захлебнёмся!

– Надо объединить эти функции, – предложил вдруг Гомелаури. – Давайте создадим рудник, как эксплуатационную структуру, но начальника рудника введём в штат Объединённой Дирекции.

На правах, скажем, Заместителя директора. И поручим ему всю организацию строительства. А с вводом объектов будем создавать отдельные цеха. Ну, например, вводим Компрессорную, вот и создаем цех будущего рудника – Компрессорная станция. Вводим котельную, новый цех – котельная. Ну, и так далее. Схема новая. Да, такой нет ещё нигде в практике, но зато схема гибкая. И за всё строительство, и за ввод, и за первые шаги эксплуатации отдельных объектов, пока не введём подземный рудник, как предприятие, за всё это у нас будет отвечать один человек. И мы все его одного знаем, и строители будут знать его одного, и в эксплуатации у нас будет один организатор. Подумайте, Лев Алексеевич, – повернулся он к Сафонову, – по-моему, очень удачная структурная находка. Она решает все наши проблемы по подземному руднику! – Чувствуется, директор института не спонтанно высказал своё предложение, давно он продумал эту необычную схему.

– А как думает сам Краснопёров? – Повернулся Рудаков к Георгию. – Может у тебя есть свои предложения?

– Да, вы знаете, были. Но сейчас, после предложения Гиви Лазаревича, я согласен с ним полностью. Мне тоже кажется, что такая структура поможет объединить и «примирить» строительство с эксплуатацией. Так, на слух, мне схема понравилась.

Я согласен потянуть этот тяжёлый воз. Но только с вашей помощью. С помощью всех, кто сегодня принимает решение!

– Есть у нас, товарищи, какие-то ещё предложения, замечания, пожелания? Ты как, Валерий Павлович, готов принять в Дирекцию нового «зама»? – Значит и для Рудакова схема эта «не на слуху». Всё они продумали и обсудили с Гомелаури.

– Готов. Я готов. Ну, а там – живы будем, что-нибудь да придумаем. Если появятся какие-то препятствия или неувязки. Я согласен! – Значит, Дехтятьев тоже знал. Не такой Валерий Павлович человек, чтобы соглашаться сразу, не просчитав и не продумав всё до мелочей.

– Георгий Александрович! В предложенной схеме есть один очень важный момент. Она наделяет тебя не только ответственностью, но и правом. Правом вести строительство, и правом организовать эксплуатацию. Со строителями ты ведёшь себя уверенно как заместитель директора Объединённой дирекции, то есть – как Генеральный заказчик. А с Сафоновым ты согласишься все вопросы эксплуатации как начальник подземного рудника.

Удобно и без потерь основного времени на всякие согласования.

Ты на Подземном руднике Единоначальник! Удобно? Мне кажется – да! И тебе будет легко работать, и нам легче помогать тебе одному. Согласен?

– Согласен!

– А ты, Лев Алексеевич, согласен? В конечном счете, именно тебе ведь принимать на себя всю «эксплуатацию», как мы сегодня метко назвали весь комплекс вводных объектов! Мы с тобой не обсудили эту схему именно потому, что тебя всю неделю не было на месте. Но, по-моему, сегодня нам всё ясно. А?

– Я согласен, Валерий Владимирович. Схема действительно интересная. И, похоже – работоспособная. Попробуем.

– Ну, раз все согласны, раз возражений ни у кого нет, тогда так. Неделю вам, Георгий Александрович, для изучения строительства – положение дел на площадке, документация. Ещё неделю для составления положения о новом Руднике. В положении подробно разработать и обозначить те новые предложения, что прозвучали здесь. И по строительству, и по эксплуатации.

Работайте вместе с отделом труда и зарплаты, а Гиви Лазаревич и Лев Алексеевич, я думаю, тебе помогут. Новую должность назовём так – Начальник Строящегося поземного рудника «Интернациональный». Назначение – с сегодняшнего дня. Через две недели мы собираемся здесь же и в этом же составе. Слушаем уже тебя, Георгий Александрович, слушаем твои предложения по скорейшему началу проходки стволов. Хорошо бы к тому времени иметь график ввода объектов поверхности. Но это – если получится. Тут ведь не так от нас зависит, как от строителей. График надо согласовать с ними. Но, какой-то контрольный срок мы всё же должны установить? Как, Валерий Павлович?

– Конечно. В принципе, такой график именно строители и должны составить. И представить нам. Но мы их и так долго ждём, теряем много времени. Поэтому, в данном конкретном случае лучше мы этот график составим сами. Вот, в графике всё и должно быть отражено. В том числе и сроки ввода «поверхности».

Заговорил опять Гомелаури.

– Валерий Павлович, – обратился он к Дехтярю. – Давай исходить из наших сегодняшних реальностей. Учитывая готовность технической документации, состояние строительной площадки, а там и там у нас, к сожалению, ещё далеко до полной готовности, мне думается, что контрольный срок начала проходки стволов надо установить для Краснопёрова – два года. Если он через два года начнёт полноценную проходку того и другого ствола, то есть и Скипового, и Клетьевого – будет молодец. Будем считать, что он со своей задачей справился.

Рудаков, после некоторого молчания медленно произнёс:

– Ну, два года я думаю всё же многовато. А, Валерий Павлович?

– Мы с шахтёрами сидим на этой площадке уже седьмой год – усмехнулся Дехтярь. – А проходку так и не начали до сих пор!

Два года, думаю, Валерий Владимирович, это срок близок к реальному. А начнём раньше, так что ж, честь нам будет и хвала!

– А ты как считаешь, Георгий Александрович?

– Вы же сказали – через две недели. Вот, через две недели я и доложу вам свои предложения. И по срокам тоже.

– Ну, добро. Давай, раскручивайся!

7

Отношения со строителями как-то незаладились сразу...

Георгий приехал в Управление «Виллюгэсстроа», зашёл в Производственный отдел. Им командовал молодой и весьма, по рассказам, способный инженер-строитель Штыров. Вячеслав Анатольевич. Его недавно перевели в Управление из посёлка Удачного. Георгий решил, что раз этот Штыров строил Удачный, с кем же, как не с ним, он сможет быстро найти общий язык, и с кем, как не с ним, организуют

они строительство подземного рудника быстро и качественно. Но ошибся...

– Какой рудник, какой «Интернациональный», – возмущённо встретил Штыров Георгия. – У нас «жильё» на сдаче! Людей не хватает! Мы с вами займёмся этим рудником в лучшем случае после Нового года. А сейчас нет, не получится. Приходите после нового года. Тогда и поговорим!

– Но у вас же рудник в плане! Почти сто тысяч вы должны освоить в этом году! По поверхности рудника. Там же объекты проходки! Мы не сможем начать проходку стволов, пока вы не построите нам «поверхность»!

– Слушай, не морочь мне голову. Мы ваши сто тысяч легко перекроем другими стройками. У нас уже сейчас перевыполнение более пятисот тысяч. Нет у меня силёнок в этом году заниматься твоим рудником!

– Это не мой рудник. Это наш рудник. И ваш в том числе. Через десять лет, когда карьер «Мир» доработаем, нам с вами без этого рудника делать здесь будет нечего. И жильё не понадобится! Некому здесь жить будет. Разве что только строителям!

– Слушай, Краснопёров, ты меня не агитируй. Сказал после нового года, значит так и будет! Приходи в январе. Тогда и посмотрим.

Георгий вышел от Штырова, присел в коридоре. В стоящее у окна кресло.

«Чёрт возьми, что же делать! Пойти рассказать всё Рудакову?»

А он спросит – я тебя зачем назначил? Чтобы ты бегал по каждому поводу в мой кабинет и жаловался на свои неурядицы? Ты командир, ты и командуй! Нет, к Рудакову не годится. Пойду к начальству! Пойду к главному инженеру Управления!».

– Анатолия Петровича нет. Он в Москве, в командировке. – Осадила пыл Краснопёрова секретарь Рябова, главного инженера. – Вернётся только к концу недели.

– А управляющий здесь?

– Нет. Управляющего нет тоже. Сегодня у нас Штыров всем командует. К нему обращайтесь.

Понятно. Со Штыровым уже познакомились. Новая встреча с ним ничего не изменит. Что ж, решил Георгий, надо идти в Горком! Пойду к Иванову, второму секретарю. Он курирует промышленность, строительство, вот и пусть помогает. Уж он точно знает, что без подземного рудника алмазодобыча скоро захлебнётся! И уж Горком точно спросит с Управления строительства за выполнение плана по «Интеру». Расскажу всё как есть!

Иванов принял Георгия сразу, как только секретарь доложила ему о приходе Краснопёрова.

– Так, так! Слышал о твоём назначении. Хотел на днях ехать к тебе на площадку, знакомиться. Но ты как чувствовал, сам ко мне пришёл. Рад, очень рад. Ну, давай, выкладывай, что за проблемы, с чем пришел.

Георгий рассказал о своём разговоре со Штыровым, прямо сказал, что «Виллюгэсстрой» не хочет строить рудник, и так, мол, у них много работы, а нам без «поверхности» невозможно начать проходку стволов.

– Понимаете, Альберт Васильевич, на площадке нет ничего – ни электроэнергии, в достаточных мощностях, ни сжатого воздуха, ни воды. Нет проходческих лебёдок, не смонтированы ствольные Копры, не готова замораживающая станция. В общем, площадка пока пуста. А меня ведь и назначили для того, чтобы я такое строительство организовал. Так что, мне надо организовать собственное строительное производство? Собственный стройучасток? Может, это было бы и правильно, но ведь все наши деньги в титуле «Виллюгэсстроя», нашего Генерального подрядчика! И в этом году титул этот изменить

невозможно! Штыров заявил мне, что они эти деньги перекроют перевыполнением на других объектах! А кто же будет строить «Интер»? Если не будут строители работать, тогда и я – зачем тогда я там нужен!

– Во-первых, ты не горячись. Строить «Интер» надо, строить «Интер» будем. Что бы там Штыров не говорил. Ты дал мне хорошую информацию. И вовремя. Дай мне два дня. Я всё обдумаю, посоветуюсь с ответственными людьми, переговорю с руководством Стройуправления. Они сейчас в разъездах, но к концу недели все будут на местах – и Управляющий, и главный инженер.

Рябов толковый мужик, он таких рассуждений – надо строить «Интер», не надо – он таких рассуждений себе не позволит. Мы этот «Интер» более семи лет не можем начать, а Штыров только-только переехал из Удачного, он всех проблем Мирного еще, я думаю, не знает, вот и позволяет себе «неразумное». Не расстраивайся. Я к тебе через два дня подъеду, там мы всё с тобой и обсудим. Да и на площадку посмотреть надо, давненько я там не был. Давай, Георгий Александрович, иди, работай. До встречи!

На площадку посмотреть просто – вся площадка просматривалась из окна второго этажа Быткомбината. Да и сам Быткомбинат для шахтопроходчиков ещё не достроен – нет раздевалок, душевых, ламповой, зарядной, других «подсобок», без которых проходку не начнёшь. На площадке «ползали» два приисковых бульдозера, растаскивая по площадке насыпанную самосвалами карьера «Мир» вскрышную породу, которая к осени превратилась, как и предупреждал Георгий ещё весной, выделяя бульдозеры на разравнивание этого грунта, в вязкую, тягучую грязь.

Иванов постоял у окна, никуда не пошёл по площадке, махнул рукой, сел в машину и уехал.

– Готовься в среду выступить на Городской общестроительной планёрке, – сказал Георгию на прощание. – Нарисуй полную картину по «Интеру».

Раз в месяц, в последнюю среду месяца руководством «Вилюйгэсстроя» проводилась общестроительная «планёрка». В ней участвовали руководители всех строительных Управлений, руководство города, секретари Горкома, руководители объединения «Якуталмаз». Вёл строительную планёрку Управляющий «Вилюйгэсстроя» Грабар. Михаил Александрович. О положении дел в строительстве докладывал Штыров, затем со своими отчётами, со своими нерешёнными вопросами выступали руководители Стройтрестов и Управлений. В заключение Управляющий принимал решения и раздавал поручения.

На таких планёрках нередко выступали руководители города, секретари Горкома или руководители от заказчика – Объединения «Якуталмаз».

В среду, на очередной планёрке, Иванов, неожиданно для всех, предложил заслушать информацию о ходе строительства подземного рудника вновь назначенного начальника Краснопёрова.

Грабар пожал с недоумением плечами.

– Ну ладно... Пусть выступит... А что там у нас, с этим «Интером»? Что, есть проблемы?

Георгий рассказал всё как есть, не утаивая трудностей со строительством. Он никого не обвинял, но остановился подробно на сроках ввода объектов проходки по плану текущего года.

– Мы составили график ввода объектов поверхности, не выходя из объёмов капвложений текущего года. Хотелось, чтобы руководство Управления рассмотрело этот график, чтобы у нас с вами были согласованы сроки ввода предусмотренных графиком объектов.

– А что вообще сейчас делается на площадке? – спросил Управляющий. – Как там работает наше Мирнинское Стройуправление?

– На сегодня на площадке нет строителей. Ни Мирнинского Управления, ни ваших субподрядчиков. А надо строить и запускать Подстанцию – с имеющимися мощностями электроэнергии мы не только не начнём проходку, но и ничего строить, как следует, не сможем. Нет на площадке воды, сжатого воздуха, нет ни одного необходимого для проходки стволов объекта обеспечения!

Наступило молчание.

– Кто здесь от Мирнинского Управления – посмотрел в зал Грабар. – Грабцевич? Ну-ка расскажи, Василий Борисович, как ты собираешься выполнять по «Интеру» план этого года!

Но Грабцевич не успел даже выйти к трибуне. В разговор вмешался Штыров.

– Михаил Александрович! Не надо ничего спрашивать у Грабцевича. Не работаем мы там. Я уже сказал Краснопёрову, встречались мы с ним, я уже ему сказал, что все работы по «Интеру» мы начнём после Нового года. Сейчас у нас некому там работать. У Грабцевича все люди заняты на вводе жилых домов.

– А какой у нас план по руднику?

– Около ста тысяч рублей.

– И что, мы не можем освоить сто тысяч?

– Работы там специфические, мелкие, дело не в деньгах, а в объёмах работ. Общий план по капвложениям мы по Объединению перевыполняем, но на «Интере» пока не работаем. Силёнок не хватает, Михаил Александрович.

– А что предлагает Краснопёров?

– Мы, Объединённая Дирекция, ваш Генеральный заказчик, предлагаем срочно, в течении месяца, организовать в составе Мирнинского Стройуправления специализированный Участок по строительству Подземного рудника. Назначить руководство таким Участком. Укомплектовать его рабочими-строителями, взяв их понемногу с каждого стройучастка и даже с других Управлений и Трестов, и начать работы на площадке рудника немедленно. Объём строительства и обустройства стволов составляют более семидесяти процентов объёма строительства всего рудника. Вместе с его подземной частью. И если мы хотим начать на руднике добычу алмазов в начале девяностых годов, как это предусмотрено постановлением Правительства, нам проходку стволов нужно закончить к восемьдесят пятому году.

Иначе алмазов просто не будет! Карьер «Мир», как известно, заканчивает отработку своих запасов открытым способом именно к этому восемьдесят пятому году! Затем реконструкция, углубление ещё порядка шестидесяти метров и всё! В начале девяностых годов у нас будет резкое снижение алмазодобычи. Это допустимо?

Выступил Рудаков.

– Ну, ты, Георгий Александрович, всех здесь перепугал. Хороши мы были бы, если бы только рассчитывали на подземный «Интер». Но Краснопёров прав, Вячеслав Анатольевич, – обратился он к Штырову, – проходку стволов надо начинать срочно.

Я поддерживаю предложение Объединённой дирекции по созданию Стройучастка на площадке подземного рудника. Давай, Михаил Александрович, вместе подумаем, как это можно быстро организовать. Людьюми постараемся помочь. Но откладывать нам строительство рудника никак нельзя. До нового года у нас есть ещё три с лишним месяца. Что же, сиднем сидеть будем эти три месяца на площадке? А вам, строителям, три месяца вполне достаточно для освоения запланированных вами ста тысяч.

Поднялся Иванов.

– Мы намеряем в ближайшее время заслушать ход строительства подземного рудника на площадке трубки «Интернациональная» на Бюро Горкома. Был я там не так давно. Прямо надо сказать – картина убогая. Давайте все вместе, и вы, Михаил Александрович, и вы, Валерий Владимирович, вместе с Городским Комитетом, вместе давайте подумаем, что можно предпринять в ближайшее время, составим какой-то план, на Бюро его рассмотрим и примем к исполнению. Рудник надо строить, это всем ясно и всем понятно. И позиция Промотдела Управления нам кажется совершенно не конструктивной. Вместо того, чтобы подумать как организовать строительство, Отдел делает всё, чтобы обосновать, как там не работать! Нам всем надо пересмотреть наше отношение к этой стройке. Всем надо стать заинтересованными в этой стройке. Менять надо настроения такого безразличия – будем строить рудник, так будем, не будем, так и это хорошо. Нет! Задача должна стать единой – строить. Быстро, в соответствии с разработанными графиками, и качественно. Я думаю, мы создадим Партийный штаб по строительству подземного рудника, с рассмотрением хода стройки еженедельно – пока не начнём проходку стволов! Я думаю, это будет правильно, это мобилизует и строителей по вводу объектов проходки, и эксплуатацию, которой вскоре надо будет принимать вводимые объекты. А это кадры – руководство, специалисты, рабочие. К этому тоже надо готовиться!

Партийный штаб Горком поручил возглавить Иванову.

Уже в середине октября Стройучасток на «Интерере» был создан, укомплектован специалистами и рабочими. Строители приступили к строительству основных объектов рудника.

Штыров на Краснопёрова обиделся, не входил с ним в контакт до самого окончания проходки стволов. Злопамятным оказался Штыров, ох, каким злопамятным.

Злопамятство – одно из самых непозволительных характеров, и одно из главных непозволительных качеств для крупного руководителя, который берётся командовать большим коллективом подчинённых!

Георгию приходилось теперь по сложным вопросам – согласование графиков, годовых объёмов капвложений – работать с Главным инженером Управления.

Но, в основном, он работал напрямую с Грабцевичем, с начальником Мирнинского Стройуправления. Толковый начальник Грабцевич этот, Георгий с ним быстро нашел общий язык.

8

В кабинете у Рудакова снова собрались все руководители строительного комплекса Объединения. Принимал участие в совещании и Сафонов, директор рудника «Мирный», и Гомелаури, директор института «Якутнипроалмаз».

– Ну, что ты опять всех нас «построил», давай, докладывай, – повернулся Рудаков к Краснопёрову. – Что там у тебя за аврал?

– Вы сами сказали мне, Валерий Владимирович, как бы кто не реагировал на мои вопросы, решать их до конца. Привлекать к этому всех, включая и вас! Даже если и кто-то будет недоволен моей настырностью. Было так?

– Ладно, ты время не теряй, давай конкретнее.

– А конкретно вот что. Строители на площадке. Организован строительный участок, укомплектован рабочими, назначен начальник участка. Женщина, но женщина толковая, деловая, иному мужику сто очков задаст наперёд. Участку даны конкретные разрядки, определён круг вводных объектов, составлены графики ввода. В общем – строители работают. И работают неплохо. Но работают на основных объектах

постоянного характера, те, что нужны будут и на проходке стволов, и на эксплуатации Рудника. Это – компрессорная, котельная, электроподстанция, водонасосная, градирни, замораживающая станция – ну и другие, необходимые руднику объекты. Те, что нужны будут и сейчас, при проходке стволов, и при алмазодобыче. Но сам проходческий комплекс – проходческие лебёдоочные, внутривысочные коммуникации, станции водообеспечения, линии электропередач для электрообеспечения проходки, ну, и так далее – это всё пока вне работы. Это всё мелкие работы, но без них проходку стволов не начать! На постоянных объектах объёмы работ огромные, их к весне следующего года надо завершить.

Если мы сейчас перебросим строителей на строительство помещений и монтаж оборудования проходческого комплекса – они сорвут ввод постоянных объектов. Значит – даже при полной готовности всего проходческого комплекса мы всё равно проходку вовремя начать не сможем.

– Но, в два-то года, что мы отвели тебе для подготовки, они уложатся?

– В два года они возможно и уложатся. Но у нас что, два года проходчики будут сидеть у строителей «на шее»? Кузнецов и сейчас уже «рвёт и мечет». Ему надо или начинать проходку, или закрывать участок. Они даже монтаж «Копров» начать не могут, им надо хотя бы для начала этих работ «пройти» «шейку стволов», обозначить стволы на местности, углубиться в землю по всей площади тех стволов хотя бы метров на десять-пятнадцать! Ну, а закрыть участок – сами понимаете. Мы его потом долго снова организовывать будем. В Норильске у них работы хватит. Не до нас им тогда будет. Недавно приезжал из Норильска на нашу площадку Волкодав, начальник Управления, он прямо сказал – «или решайте, господа хорошие, с началом проходки, или я участок у вас вынужден буду закрыть. Нет у меня денег содержать его. А в Норильске, сами знаете, работы на нас на всех хватит!». Вон. С Валерием Павловичем он встречался. И вы, наверное, знаете, о чем они здесь говорили.

– Ладно, не нагнетай обстановку. Что ты предлагаешь?

– Надо Проходческий комплекс подземного рудника построить самим! Распределить объекты по цехам и предприятиям Объединения, и в течение месяца-двух все работы выполнить своими силами!

Над совещанием зависла тишина.

– Да. Знали мы, что ты не дашь нам жить спокойно, но не до такой же степени! – Прервал затянувшееся молчание Генеральный Директор. – Валерий Павлович! Ты что скажешь на это? На это «рационализаторское предложение» твоего заместителя?

– Валерий Владимирович! Другого пути решения проблемы я тоже не вижу! Или надо откладывать сроки начала проходки, или построить проходческий комплекс самим!

Вмешался Русин – Заместитель Рудакова по капстроительству.

– Краснопёров прав. Что-то надо брать на себя. У строителей объёмов «под завязку». Дай бог, за зиму выполнили бы то, чем мы их нагрузили. Надо принимать решение, Валерий Владимирович. Кроме нас, этого никто решить не сможет. Краснопёрову это не под силу – ему просто «власти не хватит» осуществить такое решение.

– Лев Алексеевич! За тобой слово.

– Наверное, Краснопёров прав, Валерий Владимирович. – Сафонов, кажется, и не удивился таким оборотом дела. Будто знал, что и на эксплуатацию «навешают» строительство «подземки». А может и сам давно уже задумывался над этим. – Мы завтра соберёмся с начальниками цехов, посоветуемся. Ты с утра никуда не уезжай, Георгий Александрович, на совещание с начальниками цехов мы и тебя пригласим. После нашего разговора с начальниками, конечно. Но сил только рудника «Мирный» недостаточно, Валерий Владимирович. Надо привлекать и другие предприятия.

– Так других предприятий в городе осталось-то – Ремонтностроительное Управление да наш собственный Стройтрест. У треста тоже работ по горло, в связи с подготовкой города к зиме, со всеми их капремонтами. Ещё геологи. Но геологов привлекать не будем, у них тоже капвложения. И полевые работы. С Севера людей тоже не повезём, с ними больше толкотни будет, чем отдачи. Тогда так. Раз уж все согласны, мне-то, что возражать!

Георгий Александрович! Распиши строительные и монтажные задания всем цехам рудника, РССУ, нашему Стройтресту. Ничего, небольшую бригадку выделят. После принятия решения по заданиям, согласования их с начальниками цехов и перечисленных предприятий, составить график строймонтажа всех объектов Проходческого комплекса. График дашь мне на утверждение – чтобы всё это выглядело как задание Объединения, а не просто как самодеятельность начальника строящегося рудника. И всё. Будем работать! Но, смотри, Краснопёров! Тогда уж и проходку стволов вы должны начать раньше намеченного нами в прошлый раз срока! При таком раскладе мы тебе два года на подготовку не дадим! Так, Гиви Лазаревич?

– Давайте, Валерий Владимирович, прежде построим всё, что сегодня наметили. С остальным, мне кажется, Краснопёров справится! – Гомелаури явно был доволен сегодняшним совещанием. А что, действительно, стройка началась! Вон, какие масштабы разворачиваются!

После совещания Гомелаури подошел к Георгию, протянул руку.

– Успехов тебе! Теперь и я верю, что Рудник мы построим вовремя!

Подошёл и Русин.

– Я рад одному, что ты все заботы по строительству Подземного рудника снял, наконец, с Валерия Павловича! Всё замкнул на себя! Молодец. А на нашу помощь рассчитывай. Постоянно!

Звонок от Сафонова по внутренней связи прозвучал где-то около десяти часов утра.

– Подходи, Георгий Александрович.

Дирекция рудника «Мирный» и ОДСП (Объединённая дирекция строящихся предприятий) находились в одном здании, в том, что на Ленинградском проспекте. Ещё недавно здесь же находилось и управление Объединения «Якуталмаз». Но недавно они переехали в новое административное здание, построенное по последнему слову архитектурной фантазии. Очень красивое и оригинальное внутри получилось Управление Объединения.

Рудник с Генеральным заказчиком в старом здании остались одни. Сафонов – директор рудника, занял кабинет Генерального директора, а Дехтярь – директор ОДСП, занял, соответственно, бывший кабинет директора рудника.

Когда Краснопёров зашел в кабинет директора, там уже никого из начальников цехов не было. Они всё у директора порешили и разъехались по своим цехам. У Сафонова в кабинете был только секретарь парткома, Рафаил Гареев. (Демьянов к тому времени работал уже в Горкоме партии).

– Мы всё обсудили, Георгий Александрович. Задал ты нам работёнки. Главное, время уж больно неудачное – начало зимы.

Сам знаешь, сколько у нас сейчас работы. Ну, да – начальники наших цехов поняли всё правильно. Они предложили не терять время на «кабинетные» обсуждения. Решили так. Ты, по мере готовности твоих «наряд-заданий» по цехам будешь приглашать каждого начальника на стройплощадку и давать им задания прямо на месте. Чтобы поконкретней и без лишней «водички».

На всякие там обсуждения чтобы не тратить времени. Давай с тобой договоримся так – задания

каждому цеху ты выдаёшь в пределах месячной загрузки. Чтобы через месяц всем нам с твоей площадки уйти! Месяц! На большее у нас нет ни сил, ни резервного времени. Ты сам недавно был в шкуре руководителей наших цехов, понимаешь, о чём я говорю. Согласен?

– А если, Лев Алексеевич, начальники скажут, что я даю им невыполнимые за месяц задания, тогда как? Я согласен, месяц – для меня это идеальные сроки. Если бы через месяц мы запустили все вспомогательные объекты проходки – это было бы просто идеально в наших сегодняшних условиях! Но, если начальники не согласятся?

– Послушай, Георгий Александрович. Ты отлично знаешь обстановку по всем цехам нашего рудника. Знаешь численность работников в каждом цехе. Знаешь объёмы предстоящих нам в зимнее время работ. Вот, из этого и исходи! Рассчитай каждому цеху выполнимое задание на месяц! Знаешь, давай так сделаем. Сколько тебе надо времени на составление заданий для каждого цеха?

– Я вас понял, Лев Алексеевич! Давайте лучше так – мы с вами обсуждаем задание для каждого цеха в отдельности. Я составил, скажем, задание для автобазы – и к вам. Мы всё подробно смотрим, согласуем и я приглашаю начальника на «Интер». Идёт?

– И сколько это займёт времени?

– Два дня, Лев Алексеевич, два дня. Завтра, в назначенное вами время, я вам показываю задания для Автобазы, карьера «Мир» и прииска Водораздельные Галечники. Через день – прииск «Ирелях», фабрика № 3 и ЖКХ. И ваши все. А РССУ и Стройтрест, это уже будем смотреть с ними. Это с рудником не связано.

– Согласен. Только, давай завтра всё и посмотрим. Зачем растягивать на два дня. Завтра к десяти часам я тебя жду. Рассмотрим по всем цехам сразу. Всё согласуем и – работай с цехами.

Успеешь до завтра?

– Да у меня уже и сегодня почти всё готово. Так, по мелочи кое-что уточнить надо, с Кузнецовым посоветоваться, тоже согласовать по срокам, и можно начинать работать. Завтра к десяти часам у меня всё будет готово. А уж графики работ – это мы с начальниками подработаем.

– Договорились. Жду завтра в десять!

9

Зима 1982-го года, как на заказ, как будто зная, что у строителей к концу года особый ажиотаж со сдачей объектов, оказалась очень суровой. Суровой даже по Якутским меркам. Уже в ноябре температура опустилась много ниже сорока градусов. В декабре мороз постепенно усиливался и к концу месяца термометр показывал на площадке «Интера» ниже пятидесяти пяти градусов.

К счастью, строители к тому времени закончили строительство помещений Компрессорной, Водонасосной, Замораживающей станции, помещение электроподстанции, подвели внешние сети водоснабжения, прокладку силовых кабелей, и теперь, в морозы, работали внутри помещений. Шел монтаж оборудования и внутренних коммуникаций. Велась и внутренние отделочные работы. Котельную строители закончили полностью сдали «эксплуатационникам» в стопроцентной готовности.

К Новому году Краснопёров с Володей Михайлюком, только что назначенным начальником Цеха эксплуатации Рудника «Интернациональный», готовились запустить Котельную. Строительный участок МЭПСА – («Мирныйэнергопромстрой») – как и обещала начальник участка Галя Ходеева, ввели таки котельную рудника в строй. Уже после сдачи первого объекта подземного рудника в эксплуатацию Генеральный директор объединения «Якуталмаз» издал приказ о создании Цеха эксплуатации рудника «Интернациональный» с подчинением его Начальнику подземного рудника Краснопёрову. Начальник

рудника, таким образом, попал в двойное подчинение – по строительству он входил в руководство ОДСП, а по эксплуатации – подчинялся отделам и руководству Объединения. Впрочем, так сразу и было задумано.

Хотя, Георгий и сказал Дехтярю, что такая структура эксплуатации неестественна и не рациональна. Вводимые объекты эксплуатации подземного рудника надо бы сразу сдавать руднику «Мирный». Он же, в конце концов, и будет эксплуатировать Подземный рудник. В совсем недалёком будущем.

– Тогда нарушится наша схема – единое руководство на площадке строительства – и по стройке, и по эксплуатации! Ты же сам когда-то согласился с такой схемой строительства!

Начальником цеха Георгий попросил назначить Михайлюка Владимира Владимирович, работавшего до этого Заместителем начальника отдела снабжения того же ОДСП. Толковый, расторопный инженер, без всяких «комплексов», так, что с любыми проблемами подземного рудника мог войти без стука в любой начальственный кабинет. И, главное, выйти оттуда с нужным производству решением. В этот период, в период становления эксплуатационных цехов подземки, именно такой человек на площадке и был нужен. Михайлюк подобрал и перевел в цех эксплуатации толковых специалистов – сантехников, котельщиков, электриков – и был готов к запуску первого на площадке объекта эксплуатации – Электрочелюстной. Мощность новой котельной была достаточной, чтобы обеспечить теплом и временные объекты строительства проходки, и, в скором будущем, объекты эксплуатации подземного рудника.

На площадке не хватало воды. Строители вели монтаж водовода от насосной постоянной водозабор, но до пуска его еще далеко. Решили задействовать воду имевшегося на площадке довольно приличного по площади и по глубине какого-то неизвестного до сей поры озера. Подсчитали водопотребление Котельной – по расчётам получалось, что воды озера должно хватить. Запустили временную насосную, воду пустили по временному кольцевому водоводу. Это всё смонтировали рабочие Цеха Водораздельных Галечников. Рудника «Мирный».

Все подготовительные работы по запуску котельной закончили только к вечеру 31 декабря. Михайлюк настроен решительно.

– Что, прямо запустишься к Новому году, к 00 часам? – Спросил недоверчиво Краснопёров. Он был дома, общался с площадкой по телефону. На этом настоял Михайлюк: «двух начальников на одном запуске многовато. Мешать будем друг-другу!».

– Ну и что, что Новый год. Встретим его здесь, на площадке.

У нас всё готово. Надо запускаться!

– Но температура, Володя. Уже где-то близко к шестидесяти.

– И что такого? У нас же всё под крышей, всё в помещениях!

Водовод утеплён. Будем пробовать!

– Сколько времени будет разогреваться котёл? Как бы за это время не замёрзли трубы. В холодном помещении.

– Трубы не успеют замёрзнуть. В помещении котельной тепло. Мы установили калориферы.

– Трубы замёрзнут не в помещении. Трубы замёрзнут у насосной водозабор.

– Да, ты прав, Георгий Александрович. Там постараемся подогреть тоже. В насосной калорифер стоит, но мы сейчас постараемся утеплить и «улицу». Не волнуйся ты, не звони больше, не отрывай от работы, я тебе сам позвоню, когда дело сделаем.

Перед запуском позвоню.

Дело сделали только к вечеру первого января. Всю ночь слесари-сантехники провозились с запуском. Не повезло всё же с погодой. Ночью температура упала до минус шестидесяти одного градуса. Трубы постоянно «прихватывало» – то в одном месте, то в другом. Всё же железное, всё охлаждено до самых низких температур. Вода замерзала, только-только войдя в трубу. Приходилось постоянно нагревать трубы паяльной лампой, чтобы пропустить воду к котлу. Провозились всю ночь. Люди устали, замёрзли, но никто не ушёл с площадки, пока не запустили Котельную. Наконец вода пошла – через котёл, в трубы и батареи отопления. Сначала тёпленькая вода, потом всё горячее и горячее, и, наконец, батареи собственно котельной нагрелись до нужной температуры. Дождались, когда в котельной стало по-настоящему тепло, и только тогда открыли горячую воду в сеть.

Сначала на небольшие по объёму лебёдочные, затем постепенно на все, приготовленные к приёму тепла, объекты. На площадке стало тепло! Можно начинать работы по монтажу оборудования.

Особенно шахтёры ждали пуск Компрессорной. Им нужен сжатый воздух! Временные маломощные компрессора у проходчиков были. Но это только на проходку «устья» стволов и на монтаж Копров. И то хватало только на один ствол. Начинали со Скипового ствола – на Клетьевой пока воздуха не хватало. Кроме того, с запуском замораживающей станции нужно начинать бурение замораживающих скважин вокруг стволов. А это тоже – и воздух, и электроэнергия.

С электроэнергией решили – энергетики смонтировали временную подстанцию. Трансформаторов её хватит только для проходки. Постоянную подстанцию, для эксплуатации рудника ещё предстоит построить. Но для проходки стволов и обеспечения работы временных и постоянных объектов, уже смонтированных и запущенных, временной подстанции хватает.

Да, работники цехов рудника «Мирный» действительно построили помещения и смонтировали оборудование проходческого комплекса подземки всего за месяц. Ударно поработали все.

Особенно большой объём выполнила бригада Автобазы. Руководил всеми работами, и месяц не уходил с площадки Главный инженер автобазы Бондарь. Иван Дмитриевич. Да и Чирков Николай Иванович не один раз приезжал посмотреть, как идут дела, как выполняется задание Автобазой. Прииск выполнил свои работы по вертикальной планировке, фабрика № 3 участвовала в монтаже оборудования для замораживающей станции, ЖКХ – по монтажу наружных водопроводных и канализационных сетей, а бригада комплекса ВГ не только провела работы по монтажу насосной станции. Бригадир, зам главного механика комплекса, провёл необходимые расчёты и разработал проект охлаждения главных компрессоров для выработки сжатого воздуха минуя дорогостоящие и затратные работы по монтажу охлаждающей Градирни. Он предложил использовать всё то же озеро. Рассчитал, смонтировал насосную и трубопроводы. Градирня не понадобилась не только во время проходки, но схема осталась и на эксплуатацию подземного рудника. Были сбережены не только экономические затраты, но, что было главным в напряжённый момент нехватки времени, и огромные трудозатраты. Вместо двух месяцев подготовки охлаждающего комплекса, охлаждение компрессоров было подготовлено за две недели. Работу цехов на площадке «Интера» постоянно контролировал Сафонов. Он обязал начальников цехов докладывать о ходе выполнения заданий по «Интеру» даже на ежедневной радиопланёрке Рудника.

Начальник РССУ Устиченко, которому по заданию предстояло проложить воздухопроводы и кабельное хозяйство, приехав на площадку, сразу предложил схему ускорения работ. По проекту, все коммуникации проходили по полупроходным подземным каналам.

– Георгий Александрович, сколько же времени тебе понадобится рыть эти траншеи? Да ещё зимой! Давай проведём всё поверху! Установим передвижные металлические опоры, проложим путепроводы и смонтируем вместе и трубы, и всё кабельное хозяйство. Изолировав, конечно, металл от электричества.

Проведём коммуникации на одних опорах, но на разных уровнях. Все трубы и весь кабельный комплекс смонтируем вместе.

– Принято. К утру схемы путепроводов будут готовы. Я уже, признаться, начал их разрабатывать. Хотел с тобой посоветоваться. Думал, ты меня раскритикуешь. А ты вон как, сам предложил тоже самое. Присылай людей. Завтра утром схемы я твоему бригадиру выдам.

Сроки строительства и монтажа коммуникаций сократили более чем на месяц!

И строители Объединения выполнили большой объём работ – по бетонированию и строительству лебёдок главного шахтного подъёма. И тоже сократили сроки ввода этих лебёдок. Поистине, начало проходки стволов подземного рудника обеспечили все предприятия Объединения «Якуталмаз» «мирнинской площадки». К началу года у проходчиков «Шахтоспецстрой» появился огромный фронт работ – по подготовке непосредственно проходческих механизмов, бурению замораживающих скважин, окончанию монтажа шахтных Копров, по другим подготовительным работам. Ну, и конечно, по чисто проходческим делам.

В январе 1983 года проходка шахтных стволов рудника «Интернациональный» началась!

На полтора года раньше установленного руководством Объединения срока!

Через три года в мае 1985 года комиссия приняла в эксплуатацию Скиповой ствол. Глубиной 1040 метров. А ещё через год, в июне 1986 года был принят Клетевой ствол, который был пройден на тридцать метров глубже.

По итогам 1986 года большой группе проектировщиков и строителей подземного рудника «Интернациональный» было присуждено высокое звание Лауреатов Государственной премии СССР.

10

Краснопёров сидел в кабинете у Сафонова уже второй час.

Они обсуждали схему перевода работающих цехов подземного рудника в состав Рудника «Мирный».

– Объединение предлагает создать у нас в руднике новый цех – «Цех обслуживания подземного рудника «Интернациональный». – Сообщил Лев Алексеевич.

– Что-то уж больно мудреное название. Не проще создать именно подземный рудник! Пусть он и обрастает постепенно вновь вводимыми цехами. Сейчас на финише постоянная мощная электроподстанция. Не создавать же для неё новую службу энергетиков, когда у вас на руднике они есть. И толковые специалисты. Так же по постоянной водонасосной, по очистным сооружениям, по водоочистке, ну и та далее. По всем цехам нового рудника надо приглашать специалистов, обустроить их как-то. А в Руднике есть специализированные отделы, есть главные специалисты. Они и подыщут себе помощников по подземке.

Кроме того – бухгалтерия, плановики, экономисты – это сколько надо будет новых служб создавать! А в Руднике всё это есть.

– Рудакова беспокоит накладка в структуре – нельзя же рудник в руднике создавать!

Рудаков уже почти два года работал в Москве, заместителем Министра Цветной металлургии. Там, в Министерстве опять произошла реорганизация. Раньше Золото и Алмазы были в разных Управлениях Министерства. Решили всё это объединить, создали новую структуру «Главалмаззолото». Вот Начальником этой новой структуры, в ранге Заместителя Министра и назначили Рудакова. Валерия Владимировича, бывшего Генерального директора Объединения «Якуталмаз».

– Лев Алексеевич. Я давно когда-то, когда Рудаков ещё в Объединении работал, говорил ему, что на базе рудника «Мирный» надо создавать Мирнинский Алмазодобывающий ГорноОбогатительный Комбинат. А в Комбинате и подземный рудник будет к месту! Без нарушения структуры.

– Для этого нужен приказ Министра. А на Ломако с этим вопросом никто выходить не хочет. Почему скажет, сразу не думали, когда Рудник создавали!

– Да ведь ничего и доказывать-то не надо. В Объединении рудник «Мирный» как раз и является Горно-Обогатительным комбинатом. Кстати, единственный, из всех предприятий. Что такое «Удачный»? Это – Удачинский карьер на трубке Удачная.

И всё. А обогатительная фабрика – она при карьере. Какой же это Комбинат. Я ещё могу согласиться с Айхалом – там два карьера и две фабрики. А у вас! У вас на руднике сосредоточены все виды открытых горных работ – у вас и разработка россыпей – двумя «приисками»! У вас и открытые горные работы – два, а иногда и три карьера! У вас три обогатительных фабрики. При этом – они не от одного карьера. Фабрики обрабатывают и руду, и пески россыпей. На вашем руднике и карьеры, и драги. Все, известные миру горные работы! Ну? Это что, как не Горно-обогатительный Комбинат?!

– Вот скоро ты возглавишь Рудник, сам и будешь пробивать это решение!

– Как это, скоро возглавишь? Вы что, меня в директора прочите? А вы куда же?

– Тебя Калашников хочет назначить Главным инженером нашего рудника. Но, пока это секрет. Ты постарайся до поры, до времени молчать. Это я так, проговорился. Но не случайно! Я хочу, чтобы перевод объектов подземки в Рудник ты на себя примерял. Это тебя заставит соображать, как следует.

– Калашников был у нас на площадке недавно. Он сказал, что он и сам в Москву собрался. Рудаков, вроде, к себе его забирает.

– Да. Он мне говорил об этом тоже. Ну, и что тебя волнует?

Не беспокойся – свято место пусто не бывает.

– А Уркина куда же?

– А ты не знаешь? Рудаков уже подписал приказ о назначении Уркина Директором Удачинского Гока.

– Вот это дела! Живёшь там в тайге, на стройплощадке, и ничего толком не знаешь!

Краснопёрова Калашников вызвал к себе в кабинет через неделю.

– Есть мнение – назначить тебя Главным инженером Рудника «Мирный». Уркин уже утверждён всеми инстанциями – и Министерскими, и Обкомовскими – Директором Удачного. Как смотришь на своё назначение?

– Мне надо довести до конца одно дело. Мы затеяли большие изменения Проекта строительства горизонтальной горной части «Интера». В Донецке на следующей неделе созывается Техсовет института «Шахтопроект». Я всё это затеял, мне бы и надо довести всё до конца. Новый начальник пока со всем этим разберётся!

– Сколько на это надо времени?

– Недели две. Да, неделя на Донецк, затем дня два-три на Орджоникидзе, там тоже согласование с проектировщиками, в сопряжениях выработок есть неясности, и, наконец, Ленинград.

С ними согласование сопряжений стволов с горизонтальными камерами.

– Полмесяца тебе хватит?

– Хватит. Но хотелось бы, Евгений Петрович, и в отпуске отгулять. Я же три года в отпуске не был.

– Отгуляешь. Вернешься из командировки, назначим тебя Главным инженером и, пока ещё не вникнешь во все дела, отпустим тебя в отпуск. После трёх лет задерживать тебе отпуск мы не имеем права. Ну, что. Так? Решили?

– Решили, Евгений Петрович. А как у вас с Москвой?

– А вот, тебя назначу Главным, и поеду в Москву. К тому времени, наверное, все согласования подоспеют.

– Так мы ещё увидимся?

– Увидимся, увидимся! Кто же тебя без меня главным-то назначит?

– Ну, спасибо. Тогда я спокоен. Хотя, скажу вам откровенно – бросать стройку, подземный рудник жалко. Я ведь уже веду переговоры с новым подрядчиком. По строительству горизонтальных выработок. Агитирую Горнопроходческое Управление нашего Министерства взять на себя эти работы. Вот тогда Подземный рудник уж точно запустим в начале девяностых!

– А «Шахтоспецстрой» что? Не справится? Норильский?

– Справится. Да только в какие сроки? Они специалисты по стволам. Горизонтальные выработки они не ведут. Есть у них, конечно, и участки по «горизонталке». Но это ведь и новые коллективы, и новые договора, и новые Управления. Так почему бы нам всё это не отдать Управлению своего министерства. Они специалисты, они эти работы хорошо знают. Они моим предложением очень заинтересовались. Готовы приехать. На «смотрины» и на переговоры.

– Ладно. Подумаем. Ты давай, заканчивай свои дела по «Интеру», что намечено, и берись за Рудник. Здесь у нас «сегодняшний день», прямая добыча алмазов. Нам сейчас это важнее.

11

Когда Георгий вернулся из командировки, приказ о его назначении Главным инженером «Мирного» уже был подписан.

Георгий в командировке задержался. Будучи на Украине, в Донецке, он заехал в Никополь, там же рядом, побывал на Крановом заводе, оформил заказ на высотный кран. Краны, высотой подъема груза свыше 100 метров, выпускал единственный в Советском Союзе завод, именно этот завод – в Никополе. Кран нужен для монтажа высотного Копра на Скиповом стволе Подземного рудника.

Калашников к тому времени уехал в Москву, на его место, Главным инженером Объединения «Якуталмаз», назначили Сафонова. Тут же был подписан приказ о назначении Краснопёрова и.о. директора рудника «Мирный». Таким образом, Георгий с первых дней работы на руднике оказался в двух должностях – и Директор, и Главный инженер в одном лице. Георгий занял кабинет, который всего лишь пять лет назад с таким интересом рассматривал – при определении его на работу в Объединении «Якуталмаз».

Об отпуске все как-то забыли.

Но через три месяца кадровики заволновались – должна приехать Министерская комиссия по проверке работы Объединения, а у них Директор рудника уже четвёртый год без отпуска.

Не положено. Георгию повезло – как раз из заграничной командировки, из Анголы, вернулся Толя Верменич, работавший до этой командировки заместителем директора рудника по экономике.

На него и возложили обязанности Директора на период отпуска Краснопёрова.

Георгий улетел отдыхать. В Крым, в Алушту.

Объединение «Якуталмаз» возглавил, после Рудакова, Пискунов. Владимир Венедиктович. До назначения Генеральным директором он работал Первым секретарём Мирнинского Горкома партии. Красноперов мало тогда занимался вопросами политики, вообще общественными делами. Не до того ему было.

Он весь был сосредоточен на строительстве подземного рудника. Он тогда дневал и ночевал на стройплощадке.

Дело в том, что проходчики как раз в это время «проходили» обводнённый слой, мощностью более двухсот метров. И водозащита должна была быть выполнена так, чтобы потом, при дальнейшей проходке стволов ниже этого водяного слоя, в стволах было «сухо». Чтобы, как говорится, «не капало»! В полном и естественном смысле этого слова.

Красноперов ежедневно спускался в проходческой бадье в ствол. Поочерёдно – до обеда в скиповой ствол, после обеда – в клетевой. Он не разрешал без его проверки продолжать проходку, пока лично, хоть днём, хоть ночью, не проверит надёжность сварки стыкового шва. Плёнки водозащитного слоя. Эта плёнка закладывалась в кольцевое крепление ствола для предотвращения просачивания воды. Сквозь это крепление. Плёнка закладывалась между бетонным кольцом крепления и «тюбингом». От качества сварки стыковых швов этой плёнки и зависела надёжность водозащитного слоя каждого метра такого крепления!

Проходчики прошли эти двести метров сплошной воды, и в стволах действительно – даже не капнуло. Такого качества водозащиты добились проходчики «Шахтоспецстрой».

И во время устройства Кейль-кранца, такого «водоизоляционного воротника» между водоносным слоем и дальнейшей проходкой «по сухому», Красноперов «замучил» проходчиков своими требованиями качества. Этого же, водозащитного крепления. На Клетевом стволе на этом Кейль-кранце проходчики просидели неделю, доведя толщину дубовых клиньев, из которых и состоял «воротник», до толщины бумажного листа. На Скиповом уже было проще. Там, зная требования Красноперова, проходчики сразу довели плотность изоляционного кольца до нужных кондиций.

Такой жесткий, круглосуточный контроль отнимал много времени. Поэтому, Красноперов в те времена мало чего знал о деятельности Первого секретаря Горкома. Некогда ему было заниматься общественными делами.

Но, после образования партийного Штаба по строительству подземного рудника, Красноперову пришлось близко познакомиться с Пискуновым.

Заседания Штаба проводили еженедельно. Вёл заседания штаба, как правило, Иванов, второй секретарь Горкома. Но как-то Иванов уехал в командировку и заседание Штаба, совершенно неожиданно для строителей, приехал провести Первый секретарь. И вот тогда Георгий воочию убедился, какая же большая, оказывается, разница между Первым секретарём и всеми остальными работниками – и Горкома, и Горисполкома.

Во-первых, узнав, что заседание штаба по «Интеру» будет проводить Первый, на стройплощадку пожаловали все Первые лица руководителей строительных подразделений, все Подрядчики и Субподрядчики, а их было более десятка организаций, Руководители предприятий эксплуатационных, включая и Директора рудника Сафонова, и Заместителя Генерального директора Объединения Русина. Такого внимания этой стройке давно уже не оказывалось!

Красноперов был предупреждён, что приедет Пискунов, и конечно, подготовился соответственно. Он сделал обширный доклад о ходе строительства поверхности рудника, особенно подчёркивая сроки

окончания строительства, и ввода объектов проходки в работу.

Пискунов поочередно заслушал руководителей строительства, и к концу каждого доклада негромко спрашивал:

– Когда закончим? Сроки ввода определите.

Строители сами называли сроки окончания работ. Помощник Первого эти сроки записывал. А в конце совещания Пискунов также негромко объявил:

– Будем теперь собираться не вообще поговорить о работе, а тематически. Ближайший срок ввода когда?

– Лебёдную вводим во вторник.

– Вот, во вторник и соберёмся. Посмотрим приёмку и пуск лебёдной, затем проверим ход строительства остальных объектов. – И уехал.

На строительной площадке рабочих резко прибавилось.

Вдвое против прежнего.

На следующем заседании Штаба Пискунов спросил Краснопёрова:

– А когда главный водовод запускать будем? Воды озера в зимние холода может ведь и не хватить. В марте запускаем Компрессорную. Значит – вода нужна к марту?

– Да воды в озере, по нашим подсчётам должно хватить, Владимир Венедиктович. А другие потребители на площадке к приёму воды ещё не готовы. Лучше бы водовод запустить по теплу. Скажем, в апреле, когда больших холодов уже не будет.

– А если не хватит воды. Ну, вот сбой произойдёт по воде, компрессоры охладить будет нечем. Что тогда? Всё встанет. Нет, дорогие мой, «мы не можем ждать милостей от природы!». Разработайте с Грабцевичем схему запуска, в условиях наших холодов.

К марту водовод надо запустить. Пусть работает. Лишнюю воду, в конце-концов, сбросим в то же озеро. Тогда будет полная надёжность работы и компрессорной, и насосных, и, что, наверное, самое главное, работы Котельной. Как бы в суровые холода нам ещё и без тепла не остаться. Помнишь, что говорили «мудрые»?

«Лучше перебдеть, чем недобздеть!» Так что, запускайте водовод.

А про холода забудьте. У нас с «Виллюгэсстроем» опыт запуска водовода в сильные морозы уже есть. При пуске двенадцатой обогатительной фабрики на Удачном морозы достигали пятидесяти градусов и ниже. И ничего! Помёрзли, конечно, но воду на Фабрику подали. Так что, давайте – программу, сроки и запуск!

Георгий с Грабцевичем разработали схему запуска водовода по секциям. Одну секцию прогрели, заполнили водой, открыли промежуточную задвижку. Воду на сброс, прогреваем следующую секцию, готовим к запуску. Морозы конечно, по закону вредности, на период запуска резко усилились – за пятьдесят стоят морозы.

Запускались больше недели. Но, когда вода пришла на площадку, промёрзшие, продрогшие, собрались у Кузнецова в Быткомбинате, как следует напарились в бане, выпили водки, и никто даже не чихнул после той недельной «проморозки».

Когда ввели последний объект из всего проходческого комплекса – а это были все наземные коммуникации – на площадке скопилось большое количество всяких строительных отходов, строительного

мусора. Пискунов, на практически последнем заседании Штаба по строительству поверхности Подземного рудника, вдруг объявил:

– Предлагаю провести на площадке строительства рудника общегородской субботник. За один день соберём здесь всё, вывезем на свалку, а то ведь даже смотреть неприятно на хлам этот строительный.

Пискунов сам, лично возглавил на субботнике коллектив работников Горкома партии. Все предприятия вышли на тот субботник! За сутки площадку подобрали, очистили, мусор частично сожгли, частично вывезли.

С началом проходки стволов работа Штаба была завершена.

Вскоре, после перевода Рудакова в Москву, именно Пискунова назначают Генеральным директором Объединения «Якуталмаз».

Что это за должность была тогда, в восьмидесятых годах, можно показать таким разговором в Правительстве.

Как-то Рудаков, уже будучи Начальником «Главалмаззолото», Заместителем Министра, по служебным надобностям попал на приём к Председателю Госплана СССР.

Представился.

– Так кто ты говоришь есть? И зачем ко мне пришёл? У тебя же своё начальство есть – тот же Ломако. Почему с ним не решаешь дела?

– Я Рудаков. Заместитель Ломако по добыче алмазов и золота, – отрекомендовался Валерий Владимирович.

– Ты Рудаков? Заместитель Министра? Ну, и что? Не знаю. И не слышал о таком. У нас таких заместителей сотни в Правительстве. А вот я знал когда-то Рудакова – Генерального директора Объединения «Якуталмаз»! Вот! Это был действительно Рудаков! Один! На сотни директоров! Алмазный директор! Да! Этого и Председатель Правительства приглашать к себе не стеснялся!

А как заместителя, хотя бы и Министра, я тебя и слушать не стал бы. Я тебя принял как Депутата Верховного Совета СССР. Не имею я права не принять Депутата такого уровня. Но депутатство-то твоё тоже ведь от того директорства ещё осталось! А? Так? Ладно.

Не обижайся. Давай, выкладывай, что ты от меня хочешь!

Вот такое значение Алмазодобывающей отрасли в Правительстве Союза тогда придавали.

За всю историю алмазодобычи Пискунов становился четвёртым Генеральным Директором.

Тихонов, основатель и создатель отрасли. Солдатов, его продолжатель. Рудаков, «Директор от Бога», как говорили о нем все сто тысяч алмазодобытчиков, сделавший отрасль действительно ведущей отраслью в промышленном комплексе Советского Союза, раскрепостил сверхсекретную отрасль, сам стал участвовать во многих международных конференциях, и к добыче алмазов допустил заинтересованных советских и зарубежных партнёров.

И вот – Пискунов. Владимир Венедиктович.

Его назначение, прямо скажем, приняли неоднозначно. В большинстве своём люди приняли это назначение неблагоприятно. И даже с недоумением.

«Ну, какой он директор, – слышал Георгий некоторые высказывания, – какой у него производственный опыт? Электромеханик на прииске? И это весь его багаж производственный?

А комсомол, затем горкомовские передвижения – это что? Это всё ля-ля-ля. Это не работа. Как может

такой человек, с таким производственным опытом, руководить одной из важнейших промышленных отраслей страны! Единственной отраслью. Других таких алмазодобывающих предприятий в стране нет. Урал?

Да что там Урал!.. Даже сегодня, когда мы ещё не развернулись на всю мощь, Уралу от общей по стране добычи алмазов достаётся всего лишь восемь десятых процента. У нас одна драга в год добывает в три раза больше алмазов, чем весь этот хваленый Урал!». В общем, разговоров было много.

И Пискунов действительно тяжело, медленно входил в руководство отраслью.

Но, первый же его всеобъединенческий «сбор», большое совещание руководителей предприятий Объединения, с участием партийных и профсоюзных представителей, передовых рабочих и заслуженных работников, в верхнем совещательном зале Дворца Культуры, поразил всех.

Тогда впервые прозвучало понятие – Круглый стол. Столы в зале действительно были расставлены большим прямоугольником. Каждая делегация каждого промышленного района имела свои закрепленные места, на которых и расселись все делегации чинно, благородно.

Пискунов сделал большой доклад о перспективе развития Объединения на ближайшие годы. Этот доклад и поразил всех.

Пискунов предложил создать единое Комплексное Предприятие – от Усть-Кута до Юрюнг-Хая, от озера Байкал до Анабарского залива Северного Ледовитого Океана.

Пискунов предложил объединить все предприятия этой территории в одно.

Под общим руководством Объединения «Якуталмаз».

И распространить «владения» этого Нового предприятия на всю территорию Западной Якутии – от южных ворот Якутии на реке Лене, до самого Ледовитого океана.

Да, до Северного Ледовитого Океана, где объединение «Якуталмаз» принимает грузы, поставляемые по Северному морскому пути! Все предприятия на этой огромной территории объединить под единое Управление.

Под управление Производственного Объединения «Якуталмаз»!

– Для этого мы должны создать ряд совершенно новых, специфических предприятий и организаций – Строительного комплекса, предприятий Речного и Морского транспорта, организаций Энергетического передела. Мы должны расширить научные и проектные отделения института «Якутнипроалмаз».

Учитывая возрастающую роль науки в развитии алмазодобычи, предлагается Производственное Объединение назвать по-новому. Мы назовём его Научно-Производственное Объединение «Якуталмаз». Тем самым дадим новое оформление Научно-изыскательского и проектного комплекса нашего Института, тесно связав его с производством.

Мы должны поднять сельское хозяйство. В наших необычных для такой Северной местности условиях – это прежде всего закрытые, тёплые помещения. Это птицефабрики. Не должны мы кур и яйца завозить из Центральной России, мы всё это можем производить сами! Также молоко, мясо. Значит – современные, оборудованные механизмами и автоматами новые коровники, доильные агрегаты и лаборатории качества. Мы всё должны спланировать, рассчитать, всё создавать осмысленно, не абы как, не «как получится», а по делу! У нас сегодня в совхозе «Новый» мясомолочное стадо всего лишь восемьсот голов.

Кто мешает нам поднять его до двух тысяч голов? Корма мы всё равно привозим. Ну, так закажем, будем завозить не две с половиной тысяч тонн кормов, а, скажем, – пять тысяч. Или сколько там понадобится по расчётам совхоза. И то, что мы получим, это наш, собственный резерв, не зависимый от

привоза с «материка». При этом мы, конечно, не призываем отказаться от наших заявок на продовольствие. Нет! Всё что завозилось, так и будет завозиться. Но прикиньте, насколько наше собственное производство снизит стоимость всех потребляемых нами продуктов!

Всем известно, что завозимые продукты к нам, на Север, в «разы» дороже, чем стоят эти же продукты на «Материке».

Ну, стоимость-стоимостью, но ведь огромное значение нашим продуктам придает ещё и – *свежесть!* Одно дело привозные, мороженые-перемороженные продукты, и совсем другое – здесь, наше, всё, как говорится, *тепленькое и свеженькое!*

Мы должны также развить местное огородничество, тепличное выращивание овощей среди населения, создать и развить тепличное хозяйство в цехах предприятий Объединения.

Мы должны, наконец, понять, что все условия обеспечения наших рабочих, наших трудящихся, наших жителей северных городов и посёлков, жизнь наша здесь, на Севере, на сто процентов зависит от нас с вами, от руководителей, от нашей организованности, значит, всё это зависит, в конечном счёте от каждого из нас, вот здесь, в этом зале сидящих руководителей и активистов.

Всё у нас здесь, на Севере, зависит от нашей с вами организованности, от нашего с вами умения Руководить!

Далее. Мы давно, и очень жестко, зависим от строителей. Не они зависят от нас, а мы от них. Мы платим деньги и должны бы по той присказке и «музыку заказывать!» Но именно строители, из-за обилия заказов, большого количества начатых в строительстве объектов диктуют нам свои графики строительства и сроки ввода объектов. Они постоянно капризничают – это возьмём в производство, а это нам построить тяжело.

И этот их каприз закономерен! Денег строителям мы выделяем «немеряно!» И объектов строительства планируем ежегодно такое количество, что строителям есть из чего выбирать. Вот и выбирают – что полегче, но подороже. Посмотрите, сколько у нас строительных заделов! Закончат нулевой цикл – а это земля, бетон, всё денежное – и на новые стройки переключаются!

Опять же – куда повыгодней. И где полегче. По трудозатратам.

По привлечению людей.

Но, главное, всё же не это. «Виллюйгэсстрой» должен строить объекты энергетики. Новые Электростанции. Вот Министерство Энергетики возьмёт да и перебросит наших Энергостроителей в другой район Страны! Всем известно, что сейчас в Правительстве СССР назревает проблема начала строительства Зейской ГЭС. Разворачивается в полном объёме и стройка нашей, третьей очереди Чернышевской ГЭС. Вот, энергостроители туда и уйдут! Уже уходят! И с чем мы останемся?

Значит, мы должны свои строительные объёмы взять в свои собственные руки! Создадим своё собственное строительное Управление. В системе «Якуталмаз»! И будем – на своих же капитальных вложениях сами деньги и зарабатывать! Жильё строить – для себя! Промышленные стройки – то, что нам надо. И дешевле будет – не надо накладных расходов подрядчика, и сроки будем выдерживать те, что именно нам и нужны.

Но, конечно, надо на первых порах чем-то жертвовать. Жильё будем вводить, но для того чтобы привлечь строителей – и рабочих, и грамотных инженеров, придётся часть жилья отдавать строителям. Пока наше собственное Стройуправление не встанет по-настоящему «на ноги». А это, по нашим расчётам, два года. Вот, в эти два года и надо будет строителям отдавать половину всего вводимого нами жилья.

Половину. И в два года.

Иначе нам свой строительный цех не создать. Вернее, долго мы его создавать будем, очень долго. И тяжело.

Когда мы решим все вопросы создания собственного Строительного комплекса, тогда легче будет решать и подчинение нашему Объединению других отраслей и предприятий всего Западно-Якутского Промышленного района.

Я так полагаю, мы должны будем возложить на себя и все речные перевозки – от Усть-Кута до Океана, и все автомобильные перевозки – а значит создание и поддержание в рабочем состоянии дорог. И постоянных, и «зимников». Это, наконец, и весь воздушный транспорт в нашем регионе. Да-да. Не удивляйтесь. Все аэропорты, весь воздушный флот должны быть в собственности Объединения «Якуталмаз». Должен на нашей площадке один быть хозяин. Тогда, этим районом и управлять легче будет, и отдача от каждого передела будет совсем другая.

Да и ответственность конкретная.

Вот такая нелёгкая предстоит нам с вами работа в ближайшие годы.

Сегодня мы ничего обсуждать не будем. Я вам доложил. Задача всем, я надеюсь, ясна. Всем подготовиться, как следует, и на следующем нашем таком же совещании, а оно состоится через месяц, всем предлагаю обдумать сегодняшние наши предложения и, через месяц, высказать по всем этим делам своё мнение.

Ну, а по строительному комплексу, я думаю, тут надо обсудить чисто организационно-тактические проблемы. На следующем совещании я вас всех познакомлю с нашим новым руководством создаваемого нами Строительного Комплекса. Обсудим, и как нам его лучше назвать. Всем всё ясно? Вопросы будем задавать через месяц. Всем спасибо. До свидания.

12

Зима восемьдесят четвёртого стала настоящим испытанием для Мирного. Для всех – и алмазодобытчиков, и строителей и всех монтажных субподрядных организаций. Но особенно эти испытания выпали на работающих здесь северян, на людей. Не только живущих в этих экстремальных, как теперь говорят, условиях. Но в этих условиях работающих, добывающих для Страны Советов так необходимые ей Алмазы. И технические – для всё более растущей промышленности, для станкостроителей, для разного направления автоматчиков, энергетиков, буровиков, да разве всех перечислишь. Теперь, когда эти Алмазы появились в стране, оказывается, ни одна отрасль не может обойтись без сверхпрочных минералов. Кроме прочности обладающие, как всё более выясняют учёные, ещё многочисленными свойствами физического характера, без которых не может развиваться ни наука, ни промышленное производство.

Но, это – если только технические. Основной же доход Стране приносят алмазы Ювелирные, доля которых в общем объёме добычи из Якутских Кимберлитовых трубок составляет более пятидесяти процентов! Эта самое высокое содержание ювелирных алмазов в руде среди всех месторождений Мира!

Но вот, зима восемьдесят четвёртого. Испытание не только для рабочего люда, для всех жителей Западной Якутии. Главное испытание, главная ответственность естественно ложится на Руководителей. На руководителей Республики, отрасли, на руководителей предприятий.

Дело в том, что последние три года выдались засушливыми.

Летом жара непрерывная, доходящая до сорока градусов плюсовых даже в тени. Ни дождинки не

«высыпало» небо на землю.

А зимой затяжные холода, с температурой, уже минусовой, ниже сорока пяти – пятидесяти градусов. И ниже! Зимы, к тому же малоснежные. Снежный покров не обеспечивал весной достаточного водосбора. А он нужен. И в питьевых водохранилищах, но особенно он нужен Гидроэлектростанции.

Уровень воды в водоёме Вилюйской ГЭС опустился на шесть метров ниже критического уровня! А всё на Севере, вся жизнь – от электричества! Электроотопление, подача тепла и воды в жилые дома, в промышленные цеха, работа всех предприятий, с их энергоёмким оборудованием, да что там говорить! На Севере шагу не ступишь без электроэнергии!

Специалисты быстро подсчитали – оставшейся в водоёме Вилюйской плотины воды хватит для работы Чернышевской электростанции едва ли до середины зимы! А там – беда! Может остановиться всё! Но, главное – отопление. Грозит Северным городам и посёлкам самое опасное – остановка отопительных котельных!

В городе создается инициативная группа по разработке необходимых мер по выработке, а главное, по осуществлению этих разработанных необходимых мер по ликвидации создавшегося опасного положения. Туда входят ученые и проектировщики института «Якутнiproалмаз», директора промышленных предприятий, Главные специалисты Объединения и Комбинатов, Партийные и Советские руководители города, района. Возглавил рабочий Штаб по чрезвычайному положению Генеральный директор Научно-Производственного Объединения «Якуталмаз» Пискунов. Владимир Венедиктович. Именно здесь, именно тогда, в эти тяжелые для алмазодобывающих предприятий годы, Пискунов проявил себя как выдающийся организатор.

Когда всё хорошо, тогда всем хорошо, и все хороши. А вот при условиях, когда надвигается беда, которую можно преодолеть, не допустить только общими, но чрезвычайными усилиями, вот тогда на свет Божий выдвигаются Таланты!

Таким, именно Талантом Организатора, Руководителя и проявил себя в создавшихся условиях Владимир Пискунов.

Решено: во-первых, ограничить потребление электроэнергии в быту и на предприятиях. Для этого: прекратить ночное и вечернее освещение городских и поселковых улиц. Ничего – беда, она ведь для всех беда. Посидим этой зимой по вечерам и дома. Да в сильные морозы по улицам и так-то мало желающих погулять да повеселиться. Особенно без снега.

Вся Западная Якутия погрузилась на эту зиму в темноту...

Следующим шагом стал анализ выполнения Годового Государственного плана по добыче алмазов. Пискунов сумел убедить Правительство Союза, что в эти тяжелые два года Объединение не пойдёт на перевыполнение плана добычи так необходимых Стране алмазов. Объединение выполнит Государственный план, но не более того. Министр Ломако поддержал Пискунова, а в Правительстве согласились. Это дало возможность досрочно, по выполнению плана, остановить энергоёмкие цеха, драги и гидравлики приисков, перерабатывающие алмазоносные пески Обоганительные фабрики. Уже это одно позволило продлить обеспечение электроэнергией Северных городов и посёлков почти до весны.

Следующим важным мероприятием, очевидным для всех обеспечение надёжной и постоянной работы дизельных электростанций, то есть работу всех дизельных двигателей, от которых работают городские котельные агрегаты.

С пуском в работу Чернышевской ГЭС значение дизельных котельных в городе сошло на нет. Но они постоянно поддерживались в рабочем состоянии, запускались, в период ликвидации аварий на линиях

электропередач, которые случались довольно часто в первый период запуска и «раскручивания» энергетического комплекса. Но период освоения энергетических коммуникаций давно закончился, вся энергетическая система уже много лет, как отлажена, надёжна в работе. И вдруг вот эта нехватка воды в водоёме Гидростанции. Нужно было срочно вернуться к работе дизельных станций.

Собственно говоря, в этом возвращении не было никаких проблем. Все дизельные электростанции коммунальными службами рудника «Мирный» постоянно поддерживались в хорошем рабочем состоянии. Нужно было топливо. Хорошие запасы дизельного топлива. Солярки. Она, впрочем, тоже была. И в больших количествах. Но это запасы для автомобилей. На автотранспорте держалось обеспечение товарами, продовольствием и другими, необходимыми для жизнеобеспечения огромного района материалами. И эти стратегические запасы дизельного топлива никак не могли быть рассчитаны на работу дизельных электростанций.

Да их, этих запасов, для Электростанций и не хватило бы. Одна электростанция съедает солярки за зиму больше, чем весь транзитный транспорт автобазы рудника «Мирный», который и обеспечивал все городские автоперевозки.

Вот тут и проявились истинные способности Пискунова, как организатора Государственного масштаба. Убедившись, что все подготовительные мероприятия по подготовке города к зиме раскручены, Пискунов оставляет все городские и Объединенческие дела на своих заместителей, сам выезжает в Москву, в Правительство, в необходимые Министерства и Ведомства, связывается с Министерством Обороны, Гражданской авиацией. И организует разовый, но мощный по объёмам, завоз дизельного топлива на промышленные площадки Объединения. Задействованы тяжёлые самолёты Гражданской авиации, и, что особенно важно с точки зрения организованности и оперативности – задействовали Военную авиацию. Авиация ВВС в считанные дни завезла расчётное количество топлива на Север – на Айхал, Удачный. Заполнили и все подготовленные ёмкости Мирнинского района.

Конечно, это была героическая работа.

Все эти мероприятия обеспечили надёжную жизнь городов и посёлков в текущую зиму.

Но всё это были полумеры. Вернее, всё это временная обеспеченность. Надёжная на сегодня, но временная в перспективе.

Главное – надо задействовать открытое недавно Газовое месторождение в районе Тас-Юрях! Надо в городе иметь постоянный, надёжный источник отопления городских котельных.

Источник, независимый ни от погоды, ни от атмосферных явлений, ни от аварийных ситуаций на линиях электропередач.

В Институте в экстренном порядке составляются проекты по началу разработки этого газового месторождения – по бурению эксплуатационных скважин, по строительству Газопровода, длиной более двухсот пятидесяти километров, строительству и монтажу оборудования Газокомпрессорной станции.

Но главное, газ ведь надо кому-то подать! А это – срочное строительство Газовой котельной в городе Мирный. Все силы района, силы всех строителей и монтажников бросили на выполнение этих срочных работ.

И – совершенно чудо. «Новое советское чудо» – как писали некоторые газеты за рубежом. Газовое месторождение ТасЮрях запустили через полтора года! Уже в зиму восемьдесят пятого года Северная газовая котельная дала тепло в дома города Мирного! Это дало возможность остановить в городе в скором времени самые энергоёмкие потребители – Электростанции.

Работа проведена огромная!

...Конечно, сегодня, сидя в тёплой комнате уютного родного дома в благоустроенном Подмоскowie, легко всё это описать. Но как только задумаешься, как только вспомнишь, как всё это происходило, в каком напряжении, в какой сумасшедшей «гонке» всё это велось, даже самому, участнику событий, в это не верится.

Да, главным организатором, руководителем всех начинаний, раскручивания и осуществления задуманного мощного производственного рывка, спасшего города и посёлки Севера Западной Якутии от неминуемой беды, был Генеральный директор.

Пискунов Владимир Венедиктович. Но что он мог бы сделать один, без помощи талантливых и оперативных помощников?

Перед глазами встают – вечно в работе, вечно в движении, работающий сутками Красноштанов, Роберт Фёдорович, главный помощник Генерального, его Заместитель, на кого и легла основная нагрузка по всем намеченным Городским чрезвычайным Штабом делам. И его, не менее оперативные соратники – Карачабан Николай Георгиевич, Главный механик Объединения, Жуковский Владимир Петрович, Главный энергетик. И тысячи рядовых работников, в непроходимой тайге, в жару и в морозы сделавших своё дело в рекордно короткие сроки. Менее, чем за два года!

Не от начала работ! От времени принятия решения!

Даже по меркам работы тогдашних строителей, монтажников, производственников стремительного и решительного в темпах освоения Севера Советского производства, эта оперативность, самопожертвование – и через много лет удивляет...

С тех пор, вот уже не одно десятилетие, люди на Севере Западной Якутии, алмазодобытчики, живут, работают и развиваются в стабильных, надёжных условиях.

Краснопёров еще раньше, ещё после стремительного запуска объектов проходческого комплекса на подземном руднике «Интернациональный» поверил Пискунову.

Поверил и пошёл за ним.

Теперь, после того как города и посёлки всей Западной Якутии снова освещались по вечерам и ночью, когда о нехватке электроэнергии все уже потихоньку начали и забывать, Пискунова поняли, приняли, поверили ему все жители и работники огромного Алмазодобывающего Края.

Вскоре они его избрали своим представителем в Высшем органе Государственной власти. Пискунов стал депутатом Верховного Совета СССР.

13

Наконец пришел приказ Министерства Цветной Металлургии о назначении Краснопёрова Георгия Александровича Директором Алмазодобывающего рудника «Мирный». Надоело Георгию, да и тяжело, совмещать должности и главного инженера рудника, и его директора. Хоть и числишься и.о. но всё равно, директор же. И ни обязанностей от этого и.о., ни ответственности не уменьшается. После получения приказа появилась возможность, наконец, подумать о создании команды, с кем будешь работать.

Главный инженер. Тут у Георгия не было ни минуты раздумий или сомнений. Конечно же, назначим Леоненко Валерия Николаевича, главного инженера карьера «Мир». Георгий познакомился с ним впервые еще будучи главным инженером прииска «Ирелях». Зимой на прииске застой, драги и гидравлики в ремонте, земляные работы вести невозможно – всё мёрзлое.

Вот Георгий, посоветовавшись с Сафоновым, и взялся за разработку хвостов фабрики № 3. Хвосты

любого обогатительного агрегата это же своеобразный естественный отбор полезного ископаемого, это же вторичное сырьё для получения алмазов, это вторичный обогатительный процесс. В головке любого такого отвала скапливается добываемый минерал, в нашем случае алмазы, головку этих хвостов можно заново собрать и пустить на вторичное обогащение через агрегаты фабрики. И содержание в таких «хвостах» порой намного превышает содержание в руде или в первичных песках. Вот, добыть вторичным процессом, отгрузить на обогатительную фабрику, получить дополнительно немалое количество алмазов и предложил Краснопёров директору рудника. Согласие, конечно же, было получено. Сафонов сказал тогда Георгию с усмешкой:

– Я понимаю, Георгий Александрович, вам, после Уральских нагрузок скучновато у нас, поэтому и выдумываете себе новые работы, да новые заботы. Я согласен, действуйте. А за инициативу вашу я вам тоже сделаю подарок. Передам вам пятикубовый шагающий экскаватор. ЭШ-5/45. С длиной стрелы почти в пятьдесят метров удобнее вам будет и быстрее подавать на борт и отгружать собранные бульдозерами пески на фабрику. Свяжитесь с карьером «Мир» и заберите у них этот экскаватор.

Вот, тогда и познакомился Георгий с Леоненко. Они уединились в кабинете главного инженера карьера, поговорили. Георгий рассказал о своих замыслах, Валерий Николаевич передал Георгию подробную карту глубин хвостового хранилища. И очертил границу безопасных работ для тяжелой техники.

– За этой границей опасно, Георгий Александрович. Дальше, до глубин более тридцати метров почти чистая вода. Лёд на поверхности этой воды хотя и достигает в некоторых местах толщины более двух метров, но он загрязнён песчинками хвостов, это снижает его прочность. Лёд этот ведёт себя при значительных нагрузках непредсказуемо. Даже при наших постоянных морозах. Он как бы подтаивает изнутри при солнечном обогреве. Представляете! Песчинки внутри такого льда от солнца нагреваются, подтаивают лёд изнутри, делают его хрупким! А у нас ведь зимой почти всегда солнечные дни. Ни тучек на небе, ни даже облаков. Поэтому – будьте внимательны и осторожны.

На этих льдах могут обнаружиться очень коварные «дыры». А если провалится бульдозер в такую «дыру» – его никогда и ничем мы не сможем поднять. Бульдозер – черт с ним, спишетя. А бульдозерист? Он не успеет выпрыгнуть, времени ему не хватит. И достать мы его из этой тридцатиметровой иловой бездны никогда не сможем! Не удивляйтесь, Георгий Александрович, моей осведомлённости. Нам ведь Рудник давно поставил задачу – разработать эти хвосты. Вот я и изучал обстановку.

И всевозможные неизвестные условия, с которыми мы там можем встретиться. Мы на этих хвостах думали даже организовать специальный участок. Но, раз за это берётся Прииск – лучше не придумает. Для Рудника это идеально – прииск работает и добывает алмазы круглый год! Летом из песков Иреляхских россыпей, зимой – из хвостов фабрики. Идеально! И как раз вовремя. Раньше – этих хвостов было ещё мало – серьёзную разработку не организуешь. А если начать такие работы позже – упустишь время. Это, во-первых. Но это даже и не самое главное. Главное – не начни мы сейчас эту разработку – много обогащённых песков уйдёт «на глубину» и простой бульдозерной добыче они станут недоступными. Недостигаемыми!

Хорошо они тогда поговорили, заинтересованно, полезно.

И Георгию Леоненко запомнился. Толковый, с исследовательской жилкой инженер, умный руководитель, оперативный организатор. Вот поэтому, как только Георгия утвердили директором рудника, кандидатуру главного инженера он не искал среди специалистов Объединения, он её знал ещё до своего назначения.

Вторым лицом на производстве Красноперов считал всегда – Начальника производственного отдела. Именно в этом отделе собираются, обдумываются и выдаются готовые решения по любым

производственным переделам. Именно этот отдел внедряет все принятые решения в жизнь, в производство. Что бы не придумал Главный, что бы не выдали проектировщики – всё это нужно ещё внедрить в производство. Для этого нужны исполнители. Вот, производственный отдел и является главным исполнителем на горном предприятии – и разработчиком таких идей, и организатором их внедрения.

В выборе кандидатуры Начальника производственного отдела рудника у Георгия тоже не было сомнений. Калитин. Владимир Тихонович.

На прииске он был хорошим Георгию помощником. Думающий инженер, и, главное, ответственный. Хозяин своего слова.

А что нужно на производстве от главного специалиста? Конечно – сообразительность, оперативность, ответственность. Этому не научишь. Эти качества – они у человека или есть, или их нет.

Всему остальному можно научить.

Вот, с этими главными кандидатурами Красноперов и вышел на Пискунова.

– Ну, против Леоненко у меня возражений нет. Хотя есть у нас и более опытные специалисты, о которых я думал, как о твоих помощниках. Но раз ты решил, быть по сему. Но Калитин? У него же нет никакого опыта сколько-нибудь серьёзной руководящей работы! Я его и сейчас ещё представляю пацаном, каким знал по работе на прииске. С этим-то ты подумал?

– Я его видел в деле. Знаю его по практической работе. Да, молод. Но способен! Уверен в нём, Владимир Венедиктович.

– Ну, понятно. Ты подбираешь своих, вернее, близких себе людей. Собираешь команду, с которой хочешь быть уверенным, с которой легче будет и принимать решения, и работать. Ну, что ж. Может это и правильно. Смотри. Тебе жить, тебе работать. Но потом не жалуйся! Давай, назначай своих помощников. Пусть кадровики готовят представления и приказы по объединению.

По остальным главным специалистам у Красноперова не было особых проблем – Главный механик, Главный энергетик на руднике были достаточно опытными специалистами, а менять проверенных в работе людей, только производству вредить. Тоже и с главным обогатителем, бухгалтерией, всеми экономическими службами. В общем, основных помощников Георгий себе подобрал, команду сколотил, пора приступать к настоящему делу.

Уже через две-три недели совместной работы с новыми помощниками Георгий понял, что в производство ему особенно вмешиваться не стоит. Леоненко с Калитиным быстро взяли все производственные дела в свои опытные и, главное, умелые руки, путаться у них под ногами – только делу мешать. Директор решил – теперь главная для него забота – Город! Отопление, канализация, водоснабжение. И Водоочистка! Пить надо чистую воду. Это для Северян особенно важно – в условиях окружающих город горных разработок, в условиях большого сброса отработанных после обогатительных фабрик, драг, гидравлик загрязнённых вод.

Воду Город пил из Иреляхского водохранилища, образованного большой «камнеабросной» плотинной. Такие плотины строились тогда только в Советском Союзе и больше нигде в мире. (Значительно позже Георгий побывал на такой же плотине, «камнеабросной», в Африке, в Гане, где такую плотину построили для местной Гидроэлектростанции. Руководители Гидростанции рассказали тогда Георгию, что они эту плотину построили по Советской технологии строительства таких плотин в Чернышевском, на реке Вилюй, для Вилюйской Гидроэлектростанции, куда они специально ездили изучать опыт строительства таких плотин).

Георгий хорошо изучил плотину Иреляхского водохранилища ещё когда строил рудник

«Интернациональный», когда они строили насосную станцию водоснабжения подземного рудника. Уже тогда Георгия насторожила большая фильтрация по подошве плотины. Проектировщики уверяли тогда Георгия, что это естественная фильтрация по каменистой «подошве» и ничего опасного в этом нет.

Но Георгий знал, по работе на Уральских реках, как опасна любая фильтрация для земляных плотин. В водохранилище накоплено более двадцати миллионов воды. Не дай, как говорится, Господи, но вдруг прорыв? Город построен на горе, но нижнюю, всю прибрежную часть города снесёт, это уж точно. Но что будет внизу, ниже по течению реки? Посёлок Алмазный снесёт полностью! Далее стремительный поток понесётся по Ботубии, а через неё по Вилюю, к Якутским посёлкам. Что станется с ними? Что водяной вал накроет Крестях, это очевидно, без всяких расчётов, а если накроет и Сунтар? Эти равнинные города и посёлки, расположенные на тундровых «низинах», что будет с ними? Последствия просто непредсказуемы!

Проектировщики Института «Якутнипроалмаз» предусмотрели в своём проекте обеспечение безопасности плотины. Они запроектировали замораживание основания плотины путём бурения специальных проветриваемых естественным способом скважин. При Якутских морозах это видимо надёжный способ.

Да, надёжный, проверенный на сохранении мерзлоты свайных оснований многоэтажных домов. Но, это по «сухому»! Без воды.

А плотина – почему в её «подошве» фильтрация?

В Институте Георгий очень тесно работал с талантливым учёным Николаем Звонарёвым. Они сблизились ещё на строительстве подземного рудника, которое и курировал отдел Звонарёва. Именно по подземке Звонарев писал свою докторскую диссертацию. Умница.

К нему и поехал Георгий в первую очередь, рассказал о своих опасениях.

Институт на плотине тут же организовал наблюдательный пост, молодые учёные-проектировщики изучили работу замораживающих скважин. Причины фильтрации. Через некоторое время выяснилось, что фильтрация к концу лета увеличивается.

И вообще – ведёт себя переменчиво. То больше воды, то вроде и уменьшается фильтрационный поток. Но – главное. В фильтрационном потоке обнаружили илистые выносы. Откуда? Размывается по «подошве» нижнее тело плотины? Опасно! Даже – опасно – это не то слово. Смертельно опасно. Мало того, что город может остаться без воды, что будет «внизу», с якутскими поселениями? Что будет с нашим посёлком Алмазный? Это всё в случае прорыва плотины. Всё там внизу будет снесено до основания, а потом солидные организации начнут искать научные обоснования катастрофы. И найдут, обязательно найдут какие-нибудь атмосферные несоответствия. А на самом деле – элементарный недосмотр, элементарное безразличие тех самых живых людей, которые поставлены руководить, которые обязаны обеспечить безопасность, надёжность этих объектов.

Именно к таким опасным объектам и относятся плотины, накапливающие в своих водоёмах огромные объёмы воды.

Решили – не рисковать. По верхнему «мокрому» откосу – отсыпать дополнительную бровку плотины!

Шириной – в два бульдозерного «ножа». Много работы.

Огромная глубина, да ещё такой шириной – уйма работы. И затраты запредельные. А что делать? Отсыпать!

По новой бровке по предложению ребят Звонарёва пробурили ещё два ряда замораживающих скважин, объединили их в одно фильтрационное кольцо и стали поддерживать там постоянную отрицательную температуру искусственно. Путём установки на скважинах специальных воздушных

насосов!

Фильтрация воды в подошве плотины резко снизилась.

Видимый поток исчез вообще! Конечно, где-то вода всё-таки просачивалась. Под напором такого мощного скопления воды земные толщи где-то оттаивают, вода всё равно просачивается. Но вся вода, что появлялась ниже плотины, стала абсолютно чистой! Значит, выноса илистых отложений из самого тела плотины нет! А это главное условие устойчивости земляных плотин.

Надёжность плотины была обеспечена.

Параллельно велась реконструкция насосной станции городского водозабора.

Когда Георгий в первый раз зашёл в здание насосной, он был поражён беспечности обслуживающего персонала. Насосная оказалась «общественной мойкой». Туда приезжали известные люди и мыли свои автомобили. В здании стоял постоянный туман, струи воды хлестали из трубных соединений, вода лилась и сверху, и внизу, струями по горизонтали.

Георгий приехал в Насосную без предупреждения, его там никто не ждал, и Георгий там, в здании насосной, обеспечивающей водой весь город! – никого не застал. Ни дежурных, ни охраны, ни души. Мыл какой-то пацан автомашину на улице, за воротами станции, из шланга, выведенного от одного из насосов, кто здесь старший, кто дежурит – пацан ничего не знал. А может просто не захотел говорить об этом какому-то странному, неизвестному начальнику, который зачем-то сюда приехал. Может, приехал тоже машину помыть?

Георгий позвонил, прямо отсюда, из насосной, начальнику ПТСИЖХ, (предприятие тепловых сетей и жилищного хозяйства) Перевозникову, в чьём управлении была и плотина, и насосная, да и вообще все водоподающие, все водоочистные, и все канализационные организации города. Это Предприятие, так загадочно почему-то названное, обслуживало весь город. По всем видам городского обеспечения.

Перевозников приехал, весь деловой, весь могучий, с пылающими от негодования глазами, тут же начал названивать, кого-то вызывать, греметь своим могучим голосом, разносить в пух и прах кого-то. Георгий не стал дожидаться развязки. Или – наведения порядка.

– Завтра, к десяти часам, я вас, товарищ начальник, жду у себя в кабинете.

Георгий даже не сказал начальнику, что он поехал по другим его городским объектам.

Он объехал все котельные, все очистные сооружения – как водоочистные, так и канализационные, объехал городские подстанции. Всё это обеспечивало надёжную, безопасную жизнь города.

При авариях на любом из этих объектов – страдал Город. Люди.

Не просто в нём живущие, страдали люди в нём работающие. Обеспечивающие в конечном порядке добычу алмазов. Ради которых, алмазов этих, и существовал Город. Ради чего и жили здесь люди.

Часто можно слышать от горняков, обогатителей – это мы добываем алмазы. А вы, все остальные, вы нас просто обслуживаете! Георгий, в своей работе слышал такое не раз.

Нет! Господа хорошие – всегда при этом отвечал Георгий.

Алмазы в нашем крае добывают все – здесь живущие, здесь работающие. Работники Дворцов культуры и кинотеатров, служащие всяких контор и организаций, парикмахеры и продавцы магазинов, работники бани и прокуратуры, работники совхозов, птицеферм и овощных теплиц – все, кто здесь с нами работает, кто здесь с нами живёт – все они Алмазодобытчики. Без них мы, горняки, обогатители, геологи – и шагу бы не смогли ступить. Все мы одна большая Алмазодобывающая семья!

После своей «инспекционной» – по другому её не назовёшь – поездки по городу Георгий не просто был обескуражен, он был буквально потрясён! Живя в этом прекрасном новом городе, он никогда и в мыслях не допускал, что этот город живёт в такой грязи и неухоженности на основных объектах его жизнедеятельности. Грязь, даже в лаборатории проверки чистоты воды, утечки воды у агрегатов, грязь и какая-то необжитость в производственных помещениях... Как будто не для себя живут здесь люди, а для постороннего дяди какого-то.

– Вот что, – сказал он на второй день Перевозникову. – Я понимаю, человек ты заслуженный, многое сделал в период строительства и становления города. Снять с работы я тебя не могу. Да мне, наверное, и не дадут этого сделать. Предлагаю по-доброму – подавай заявление. По уходу на пенсию. Потрудился ты славно. Не хочу омрачать твою старость. Но пойми – сейчас время перешло в другое измерение. Нужна вдумчивая, надёжная работа. Нужно терпение и настойчивость в наведении порядка. Это должны делать молодые. Они должны сейчас взять все трудности городского устройства на себя. Вот, молодых мы и назначим на руководство обслуживанием Города. Прости. И не обижайся. Проводим мы тебя достойно, с почётом. Но проводим.

Вскоре Город возглавили молодые энергичные инженеры Николай Демидов и Анатолий Панов.

Уже через два года все канализационные стоки города стали собираться на новой «Станции очистных сооружений». А ещё через год питьевая вода, поступающая в дома и квартиры жителей города Мирный от полностью реконструированной насосной станции, проходила качественную очистку через новую «Станцию водоочистки», с редкой по тем временам технологией – биологическая очистка воды. Да и общий порядок в городе – и с «тротуарами», и с зелёными насаждениями, и с чистотой во дворах да «тупых» переулках – значительно улучшился, всё городское хозяйство было в короткие сроки приведено в нормальное, «жилое» состояние.

14

Заседание Совета трудового Коллектива Объединения «Якуталмаз» растянулось на несколько часов. Обсуждается один, но главный вопрос – коренной реконструкции структуры Объединения. Пискунов подробно доложил о своей давней задумке – объединить всю Западную Якутию, от Усть-Кута до Северного Ледовитого Океана в одну производственную структуру – Объединение «Якуталмаз». Речники, авиация и автотранспортные предприятия, строители и геологи, дорожники и жилищно-коммунальные службы, школы и учебные заведения, колхозы, совхозы и мелкие сельхозартели – всё под одну руку, под твёрдую руку Алмазодобывающего предприятия, всё объединить в одно могучее объединение – «Якуталмаз».

И доводы в пользу такого объединения были вполне обоснованными. Так или иначе, и в большом и в малом всё здесь, в Западной Якутии, зависело от алмазодобычи. Все мелкие и крупные затраты окупались Алмазами. Каждый рубль здесь, каждую копейку обеспечивал Его величество Алмаз.

Долго обсуждали схему создания Строительной организации.

ПСМО. Производственное Строительно-Монтажное Объединение.

Теперь все виды строительства – и промышленное и жилищнобытовое – отдавалось новому строительному Объединению.

В общем-то, обсуждать и спорить было не о чём – всё правильно, строительство надо брать в свои руки и строить то, что нужно Алмазодобытчикам. Но решение упёрлось в распределение квартир. В докладе предусматривалось – для скорейшего создания строительно-монтажных организаций, укомплектования их квалифицированными кадрами, выделять строителям половину всех видов построенного жилья. Директора запротестовали.

– У нас на предприятиях огромные очереди. Люди ждут получения квартир десятилетиями. На десять-пятнадцать тысяч работающих мы получаем по десятку квартир в год. Если мы половину построенного жилья будем отдавать строителям – когда же мы решим свои квартирные вопросы?

– Но это необходимая мера. Давайте так – эту льготу строителям дадим на два года. На период организации, комплектования, «раскручивания» всего строительного комплекса. Через два года строители будут получать положенные им по закону десять процентов. Но пока вот так – пятьдесят процентов. Иначе мы будем создавать свою строительную организацию десятилетия. И отдачи от такой организации мы долго не получим.

Пискунов попросил высказаться директоров предприятий.

В основном все – и директора, и другие члены Трудового коллектива – поддержали Пискунова. Всех захватили смелость и размах в расширении производственной деятельности Объединения. Создавался один, единый алмазодобывающий комплекс.

Но, вот города. До каких пределов может расширяться город?

В определённый момент, достигнув своего необходимого максимума, город начинает «поедать» своего хозяина. Он заставляет своего «хозяина» тратить на себя всё больше и больше. Процесс расширения Города может стать просто неуправляемым.

К примеру, город достиг определённого уровня по обеспечению жителей и квартирами, и социально бытовыми организациями. Может пора остановиться, хватит ему расти и развиваться? Определиться, с научными расчётами и подсчётами, сколько осталось работников – алмазодобытчиков ещё без жилья, задаться программой и построить только то, что необходимо? Уже для живущих и работающих в городе горняков, обогатителей, геологов? Расширятся, но по схеме: снёс старое – построил новое. Или – наоборот. Сколько построил, столько и снёс. Но – чтобы без увеличения числа жителей. Город, достигший своего необходимого предела должен не расширяться, а улучшаться.

Не строить новое, а улучшать, совершенствовать, реконструировать, наконец, то, что уже есть, уже работает.

Но, нет! Общественность требует – надо строить новые школы, детсады, клубы и спорткомплексы. А новая школа – это новые работники. И, как правило, молодые. Значит – новые дети, новые рабочие места. И снова строим. И снова – новые работники, новые дети, новые рабочие места. И так бесконечно. А работники основных предприятий, добывающих алмазы, как жили в жалких «балках» десятки лет, так и доживают там до старости. А когда ушли на пенсию – там уж и вообще им не до квартир. Давай, старики, выселяйтесь-ка на «материк»! А на «материке» – куда?

– Нужна чёткая, научно обоснованная программа по развитию города! А то, как бы не получилось, что строители у нас для себя только и будут строить. Построили, поселились – и снова строят. Это как детская сказка про белого бычка.

Обо всём этом и сказал Георгий в своём выступлении.

Георгия поддержали проектировщики института. А действительно, до каких пор, до каких размеров мы должны строиться?

Нужна чётко разработанная программа.

– И ещё одна, немаловажная проблема с развитием нашего города, нашего Алмазодобывающего комплекса. – Продолжал Краснопёров. – Пенсионеры. Содержание одного пенсионера в нашем Северном городе, где своего ничего нет, всё – и стройматериалы, и продовольствие, и промтовары – всё завозное, содержание одного пенсионера обходится нам более четырёхсот тысяч рублей, или более шестисот тысяч

долларов, в год.

Построить один стоквартирный дом скажем, в Иркутске, или в западных районах страны, это равнозначно стоимости проживания на севере всего лишь трёх пенсионеров. Так не лучше ли нам строить жильё на «материке», там давать квартиры нашим пенсионерам! Они заслужили спокойной жизни в тёплых краях.

А их квартиры здесь, в наших городах, перейдут молодым работникам Севера. Детям, внукам тех же пенсионеров, а если их нет – другим нашим работникам. Вот что, по-моему мнению, нам надо предусмотреть в наших долгосрочных планах. А там, учитывая развитие нашей отрасли, и вообще можно замахнуться на работу «вахтовым» методом. Как работают, например, Северяне Канады, некоторых других стран. И даже южане, скажем, некоторых районов Африки, Австралии. В джунглях, например, работают только «вахтой».

Много на этом Совете прозвучало дельных предложений.

В общем, программа развития объединения, предложенная Пискуновым, была принята.

И уже через два года мощное предприятие – Научно-Производственное Объединение «Якуталмаз» – работало на территории всей Западной Якутии, объединив все виды хозяйственной деятельности этой огромной территории.

На том Совете, немного изменили и название:

Производственно-Научное Объединение. ПНО. Все-таки предприятие в первую очередь производственное.

15

Георгий с Чирковым – начальником автобазы, заканчивали обход его цехов. Все вспомогательные помещения уже изрядно постарели. Всё в деревянном исполнении, много гнилья, разошедшихся, с потрескавшимися стенами помещений. Большегрузные карьерные самосвалы ремонтируются на открытом воздухе. И это в зимние Якутские морозы. Какой там ремонт! Да и для транзитного транспорта нет ни утеплённых стоянок, ни ремонтных помещений. Что уж говорить о цехах, если у рабочих нет приличных бытовок. У начальников служб и отделов кабинеты разваливаются.

– Ну вот, Николай Иванович, а говоришь – всё у нас в порядке. Какой уж тут порядок, когда всё почти изношено, всё уже разваливается от времени! Сколько лет всем этим помещениям?

– Не наша вина, Георгий Александрович. Цехам автобазы более тридцати лет сроку. Строили временно – вот-вот начнём добывать алмазы, вот, тогда и построим всё в самом лучшем виде. Да так и живём десятилетиями. Всё чего-нибудь не хватает – то денег нет, то у строителей людей не хватает.

– А если своими силами? Давай, создадим комплексную ремонтно-строительную бригаду. И в ремонте она нам будет нужна, и построить что-то сами сможем. Я ведь думаю не только о промышленных цехах. Почему бы нам не взять несколько девятиэтажек? Одну, скажем, будет для себя строить Автобаза, одну ПТЭСИЖХ, одну на двоих – Фабрике 3 и карьере «Мир», поодиночке им тяжеловато будет, а там и ВГ к кому-нибудь пристроим. Самим надо квартиры строить, не дождёмся мы ни от строителей, ни от Объединения выделения нам нужного количества квартир. Сейчас вон, видишь, Строительное Объединение создаём, им почти всё жильё отдавать придется, потом ещё какая-нибудь случится оказия, и будем мы всю оставшуюся жизнь так и ходить по начальственным кабинетам с протянутой рукой. Как считаешь?

– Да мы, все начальники цехов, мы все давно уже об этом говорим! Нам отвечают – нет денег. Или –

строители не успевают. Если вы решитесь на это, да мы все вас поддержим! А бригаду что, бригада, создадим. Основа есть – в каждом цехе есть небольшие ремонтные бригады. Усилим, добавим строителей, а они у нас есть, много настоящих строителей работают по разным нашим специфическим специальностям. Соберём всех в одну бригаду, если обеспечим материалами да работой, так и заработки будут у них приличные. Да вы, Георгий Александрович, только решитесь, все вас поддержат.

– Вот, давайте, на строительстве Спортзала набьем руку, наберёмся опыта, там у нас комплексная бригада строителей уже практически существует. От каждого цеха люди в той бригаде работают. Сдадим Спортзал в эксплуатацию, а бригаду распускать не будем, займемся чем-нибудь посерьёзнее. Давайте обсудим всё это на очередном пленарном заседании руководителей цехов и отделов.

История с этим спортзалом. Есть приличные спортсмены, есть тренеры, а заниматься ребятам негде. Пускают их на короткое время то в школьные небольшие спортивные помещения, то ещё где перебиваются ребята с тренировками.

На собрании трудового коллектива решили – а давайте построим свой собственный спортивный зал!

Привлекли в частном порядке проектировщиков, создали стройбригаду из рабочих всех цехов – пропорционально численности – назначили начальником стройки толкового специалиста, заместителя начальника фабрики № 3 по хозяйственным делам Эдуарда Шахмана. Толя Соловьёв, начальник фабрики не только не возражал, он сам предложил кандидатуру своего заместителя – «этот сделает! Ответственный и толковый мужик!

Ему любое дело поручить можно. У него принцип жесткий – делать так делать. Да. Такую стройку кому попало не доверишь!».

Назначили начальником строительства Шахмана – и вот, спортзал уже почти «на выходе», скоро комиссией принимать можно будет!

На ближайшем еженедельном совещании поговорили и о строительстве своих домов.

Экономисты возмутились.

– Как это строить самим? Да ещё капитальные многоэтажные дома! И силёнок не хватит, да и где мы возьмём деньги на это строительство?

– Сколько прибыли остаётся в нашем распоряжении после всех отчислений Объединению – спросил Георгий начальника финотдела.

– Около десяти миллионов рублей ежеквартально.

– И что мы с ними делаем?

– Как что? Снова перечисляем Объединению!

– Но это же наши деньги! Мы рассчитались со всеми долгами, по всем видам отчислений, зачем же мы снова нашу уже часть прибыли отдаём Объединению?

– А вы спросите об этом у Зельберга. Он вам популярно объяснит – и зачем, и почему!

Семён Ильич Зельберг – это заместитель Генерального директора по экономике и финансам.

– А зачем нам у Зельберга спрашивать? Это же наша доля прибыли, мы сами вправе ею и распоряжаться!

– Ну, не знаю. Такого у нас ещё не было. Всю прибыль, и нашу, и не нашу, мы всегда причисляем Объединению. Они, положенные суммы, перечисляют в свою очередь Министерству.

Затем, часть наших денег возвращается нам обратно в виде Капитальных вложений. Вот эти деньги

мы и можем тратить и на капитальное строительство и на другие цели.

– А на какие ещё другие цели?

– В основном, конечно, на Капстроительство. Объединение имеет свои статьи затрат, согласованные с Министерством. Вот, туда эти деньги и направляются.

– Ну, а что с нами сделают, если мы свою, причитающуюся нам прибыль, направим на строительство ремонтно-хозяйственной базы наших цехов? В Автобазе, считай, совсем нет ремонтной базы! Автомобилисты ремонтируют свои машины на открытом воздухе. Ладно летом, а зимой? При наших-то морозах! Даже на нашем знаменитом карьере «Мир» негде провести качественный ремонт больших бульдозеров. Или буровых станков. Я уж не говорю о ремонте экскаваторов! На «ВГ» насосная утопает в воде по самые двигатели. Люди ходят весной, при запуске насосов в воде, промокая иногда до самого пояса. Да, да, не усмехайтесь! Я сам всё это видел, своими глазами. Механизмы фабрики 3 внизу залиты «илами» по самое не могу. Нужно устранять течи, нанимать специально людей. Нас спрашивают начальники – чем платить, а мы даже свою долю прибыли отдаём объединению, а потом перед ним же отчитываемся за перерасход всяких смет и зарплаты.

Давайте так. Начальникам финотдела и планового – посмотрите наши права в этих делах. Посмотрите в положении о Руднике, об Объединении, что мы там можем, а чего совсем уж не имеем права. Изучите статью затрат по строительству хозспособом. Как это строительство финансируется, в каких объёмах.

Вместе с юристами – разобраться со всеми нашими правами и доложить в следующую пятницу, на нашей «планёрке».

И управленцы Рудника нашли таки «лазейку» для директора, как можно использовать эти деньги для собственных нужд, для развёртывания солидного строительства. Хозспособом.

За короткие сроки был введён в эксплуатацию Спортзал Рудника. И вскоре спортсмены Мирного засверкали медалями разного достоинства вначале на республиканских соревнованиях, затем на Всесоюзных, а затем и на международных. Появились мастера международного уровня в художественной гимнастике, в минифутболе (вернее сказать в «Футзале», вновь тогда появившемся футбольном соревновании), а воспитанник юношеской команды боксёров-тяжеловесов, Паршин, даже стал Чемпионом мира среди старших юношей!

В городе тогда подобралась толковая ребятня, искренние любители спорта. Особенно – в футболе. Конечно, «большой» футбол на Севере, с его коротким летом (а весны да осени на Севере практически не существует) особенно не разовьёшь. А вот «минифутбол» – этот спорт как будто специально для северян придуман! Братья Юрий и Володя Проминские, Виктор Колобаев, организовали мирнинских пацанов в футбольный клуб (так и называли клуб – ПИФ – «пацаны, играющие в футбол») и постепенно, постепенно наращивали в команде сыгранность и футбольное умение. А вскоре пришло и мастерство. Ребята становятся сначала Чемпионами России, а потом и призёрами международных кубков.

Однажды Володя Проминский вместе с Витей Колобаевым пришли к директору. Вечером, после работы, в кабинет.

– Георгий Александрович! Вот, наш Председатель Федерации Футзала России Панаев приглашает вас поехать с нашей командой на Финал Кубка Чемпионов. В Мексику. Вот приглашение. А вот оформленные выездные документы. Соглашайтесь, Георгий Александрович. Впервые команда города Мирного завоевала право участвовать в таких престижных соревнованиях.

Международных. Кубок Мира! Соглашайтесь!

– Так, работы же не впроорот! Как же я уеду!

– Работа никогда не кончится. А Кубок! Впервые попали. А попадём ли еще когда!

– Хорошо. Я поговорю с Пискуновым.

Хорошо тогда съездили, интересно. Ребята завоевали бронзовые медали, а к ним ещё и специальный Кубок! Пили всей командой шампанское из этого кубка. Команда решила одну медаль вручить Директору и повесили её торжественно на шею Красноперову. До сих пор висит эта медаль у Георгия на почетном месте, на Стене Сувениров.

Вернувшись в Мирный, Красноперов приказал включить в штатное расписание Спортклуба профессию футболист. Зельберг с Потаповым, начальником ОТиЗ Объединения, возмутились было, но Красноперов созвонился с Пискуновым, нашел его в Москве, в командировке, рассказал, как много это значит не только для футболистов, но и для города, для Объединения, что ребята вышли на такой уровень, когда надо тренироваться специально, профессионально.

– В Москве я встретился с Николаем Николаевичем Озеровым. Вы хоть знаете, что мы, наша команда, и вообще наш спортивный коллектив Объединения входит в знаменитое и заслуженное общество «Спартак»?

– Да знаю, знаю.

– Так вот. Озеров обещал нам своё полное содействие и поддержку. Когда команда будет приезжать в Москву, он обещает ей места тренировок на базах «Спартака».

– Ну, ладно, ладно. Убедил. Вводи своих футболистов в штатное расписание. Я позвоню Зельбергу, чтобы не «возникал».

Так впервые в штате Горнообогатительного предприятия, рядом с чисто горняцкими профессиями, появилась новая, спортивная – футболист!

А ещё через несколько лет команда города Мирного по «футзалу» стала Чемпионом Мира!

Но это всё дела хоть и не очень далёкого, но всё же будущего.

А пока директору надо было решать дела строительные. Организовывать собственное строительство. Хозспособом. Ещё ведь надо было и добиться разрешения на такое строительство!

Уже через два года появились тёплые ремонтные помещения не только на Автобазе, но и в карьере «Мир», на «ВГ» построили новую, оборудованную по последнему слову техники Насосную станцию и даже, по договорённости с проектировщиками Института, заказали проект обновления обшивки здания самой фабрики 7. Уж больно убого выглядела эта фабрика.

Но главное всё же – это жильё. Провели переговоры со строителями. Управляющим Стройтрестом тогда назначили опытного, а главное, толкового инженера Кузьменко. С ним Георгий сразу договорился, что все задуманные на Руднике стройки пойдут через него. Ему – объёмы и доходы, руднику – готовые объекты. Не только промышленного, но и социального назначения. Да и легче работать с кем-то одним. Все хозяйственные стройки, АБК автобазы и жильё на прииске Ирелях – всё это берёт на себя Кузьменко и выполняет силами Стройтреста, но, при нужде, и с помощью рабочих рудника. Нехватка людей – главный «бич» строителей.

– Если поможете людьми – дело у нас пойдёт быстро – довольно потирал руки Герман Алексеевич.

Стройтрест полностью взял на себя строительство жилья в посёлке Алмазном, в цехах рудника вёл все работы по обновлению ремонтной базы.

Строительство девятиэтажных домов в Мирном, опять же по специальной договорённости и с помощью рабочих производственных цехов, пропустили через договоры с новым строительным

Объединением. Начальники цехов контролировали и ход строительства, и качество выполняемых работ, и сроки ввода. Через год рудник получил три тридцатишести-квартирных дома – по одному Автобаза и ПТСИЖХ, один дом на двоих поделили карьер «Мир» с фабрикой 3. С жильём немного разгрузились. А на следующий год заказали уже четыре дома, с выделением квартир и комплексу «Водораздельные Галечники».

Теперь стали думать о строительстве жилья «на материке».

Почти треть жителей города пребывали в преклонном возрасте.

Пенсионеры. Городу содержать их на Севере накладно, да и самим пенсионерам хотелось бы перебраться в более тёплые края.

На Совете Трудового коллектива Рудника решили – начать надо строительство жилья на материке вначале для пенсионеров. Если всё получится, если получим достаточно земли и согласия местных властей – будем думать и о строительстве жилых посёлков, а может и целых микрорайонов, в разных городах для внедрения «вахтового» метода работы на Северных предприятиях, в конкретном случае – в цехах Мирнинского Рудника.

Георгий, при встрече с Генеральным, рассказал о своих задумках Пискунову и получил от него полную поддержку.

– Действуй. Лихое дело – начать. А отработаешь технологию получения разрешений и отвода земли под наши стройки – все наши предприятия поддержат тебя и все ваши, Рудника, начинания. Все подключатся к такому получению жилого на «материке». Давай, поезжай в разведку. Веди переговоры. Много, для начала, не набирай объёмов, но помни и то, что у нас почти сто тысяч трудящихся, а с семьями это более трёхсот тысяч – и всем хотелось бы работать здесь, на Севере, а дети, семьи жили бы постоянно в более удобных для проживания местах. Так что, лишней земли под наши стройки не будет. Поезжай! Держи меня постоянно в курсе событий.

И Георгий поехал по городам Союза.

16

Георгий сидел в небольшом кабинете Валериана Андреевича Тризны уже больше часа. Всё они вроде обговорили, нашли общий язык по строительству жилых домов в Ярославле для работников Объединения «Якуталмаз». Стройплощадок в городе достаточно, стройтресты не загружены стопроцентно, есть и материалы. Всем бетонным заводам сейчас ох как не хватает заказов на хорошие объёмы работ! Уже больше года нет полной загрузки. Конец восьмидесятых годов. По непродуманной, нелепой «перестройке» начали стремительно разворачиваться, всё ускоряясь и ускоряясь, безвластие, безденежье, дезорганизованность.

Солидные заказчики простаивают без денег, разваливаются на глазах промышленные предприятия. Денег ни у кого нет. И эти Северные заказы «Главверхневолжскстрою» ох как кстати!

– Всё, что мы здесь с тобой сейчас обговорили – пойдём к начальнику Главка, согласуем намеченную программу. И – за работу.

Чего терять время. Раз есть деньги, будем строить! А нам – да какая нам разница кому строить, местному ли заказчику, северянам ли! Главное – плати денежки. Конечно, не помешало бы согласовать и с городским начальством. Но – это уже наши проблемы!

Георгий побывал на городских стройках, увидел почти везде затишье и бездеятельность. Поговорил с начальниками строек и заводов Стройиндустрии. Встретился с главными специалистами и Управляющими

Стройтрестов. Со многими он был знаком ещё по работе в Ярославле. Поэтому с ним, в основном, люди были откровенны. Из всех этих разговоров Георгий вынес одно – договора, как с трестами, так и с руководством главка – это всё сегодня ненадёжно, все эти организации, в непредсказуемости придуманной кем-то «перестройки», могут «лопнуть», исчезнуть в одночасье.

– Ты заручись поддержкой «города». Что бы не случилось в жизни нашей Страны, – городская власть в каком-то виде всё равно, сохранится. Заручись их поддержкой. А может и договорами. А мы, производственники, все здесь сидим как на пороховой бочке, каждое утро, просыпаясь, узнаем, прежде всего – а всё ли на месте. Не ликвидировали ли нас.

Георгий побывал у Виктора Владимировича Воланчануса, Председателя Ярославского Горисполкома. Тот собрал по поводу предложений Георгия совещание исполкомовских специалистов, всё обсудили на самом высоком городском уровне. Для быстрого решения всяких согласований и возникающих вопросов за Георгием закрепили одного из заместителей председателя.

– Помогай, Михаил Васильевич, северянам. Чтобы не было у них нашей волокиты.

(Сейчас трудно в это поверить, но все договорённости по Ярославлю – и в «Главверневожскстрое», и в Горисполкоме обошлись без всяких доплат, «откатов», взяток. Тогда об этих «коммерческих отношениях» никому и в голову не приходило заикнуться. Дело делали!).

Заключили договора напрямую с Железобетонными заводами, со строительными Трестами – и в первые же два года совместной с ярославцами работы Северяне стали получать квартиры, как в строящихся городских домах, так и в отдельно построенных домах только для северян. В городе Ярославле расселили более пятисот семей северян.

В стотысячном коллективе работников Объединения «Якуталмаз» работали люди самых разных национальностей. С первых лет создания и начала строительства Советского Алмазодобывающего комплекса в Якутию потянулись молодые энтузиасты из всех Республик Великой страны. В основном, конечно, русские и украинцы. Особенно много ехало специалистов с Украины. В общем составе работников Объединения украинцев в восьмидесятых годах числилось более сорока процентов.

Работали на предприятиях Объединения и люди других национальностей – казахи, татары, узбеки, буряты. Да разве всех перечислишь! Это был действительно многонациональный коллектив. И когда на заседании трудового коллектива Рудника Георгий объявил о программе строительства жилья на «Большой земле», посыпались просьбы и предложения строить такое жильё не только в Российских городах и областях, но учитывать и многонациональность нашего коллектива.

Конечно, надо было организовать такое строительство прежде всего на Украине.

Георгий с группой специалистов объехал многие города Украины, где они вели переговоры по строительству жилья для Северян. Наиболее благоприятные условия предложены были в Полтаве, где трест «Облполтавстрой» принимал заказ от северян на любые объёмы жилищного строительства.

– Сколько профинансируете, столько и построим.

– А вам, строителям, сколько квартир мы обязаны будем отдавать? Десять процентов, как по Закону о подрядном строительстве?

– Вы нам деньги платите. Нам делать нечего! Понимаете?

Трест на грани остановки, развала! Какие там квартиры – всё забирайте себе. А мы, на те деньги, что у вас заработаем, как-нибудь свои квартирные проблемы порешаем сами. Вам, по вашему заказу, всё отдавать будем!

И действительно, украинский Трест к тому времени сидел уж откровенно без работы.

Были заключены договора и начали строить стоквартирные дома в Полтаве, Диканьке и в городе Лубны.

Заложили коттеджный посёлок в живописном Славянске. И вскоре северяне имели возможность приобрести эти коттеджи в собственность.

И квартиры, и коттеджи северянам Рудник продавал по себестоимости строительства, а тогда это были, как говорится «копейки»: за прибылью никто не гнался, главное – чтобы окупились затраты.

Побывал Георгий с помощниками в Крыму. Василий Васильевич Ершов, заместитель по строительству, Леон Вартанович Израельянец, начальник отдела снабжения, поддержали директора. И именно на них ложились отныне главные нагрузки по организации строительства жилья «на материке». В том числе и в Крыму.

Ещё в Полтаве Георгия познакомили с директором санатория «Дружба», что в Евпатории, с Евгением Ивановичем Сушко.

Евгений Иванович сразу понял, какие выгоды сулят и его санаторию, и городу Евпатория такие связи с северянами. Он пригласил Георгия в гости, в свой Санаторий, организовал для него хорошую, теплую встречу, разместил жить в одном из самых богатых номеров санатория, связал его с руководством города.

Были намечены серьёзные переговоры. К встрече с руководством курортного города подъехали в Евпаторию и Ершов с Израельянцем.

Руководство северного Алмазодобывающего Рудника было буквально «ошарашено» предложением руководства города Евпатория.

– Если вы, северяне, действительно хотите осесть, как говорится, по-настоящему в нашем городе, мы вам предлагаем весь «пустырь», от города Евпатория до границы с городом Саки. Это широкая, почти восемьсот метров, полоса берега Черного моря, длиной почти двадцать километров. Граничит со знаменитым Всесоюзным грязевым курортом «Саки», где очень полезно будете лечить ваш северный артрит с остеохондрозом, которым, как мы давно уже знаем, болеют почти все северяне. Осмотритесь, вот, с нашим главным архитектором обойдите всю эту землю, сориентируетесь, поезжайте домой, согласуйте эти наши предложения, если согласны, давайте письмо, мы рассмотрим на исполкоме и выдадим вам специальное постановление. Возьмёте землю эту в аренду. Для начала лет на пятьдесят. А там, смотришь, и вообще выкупите этот берег в собственность. При хорошей работе, да при хороших отношениях в наше время всё возможно!

– А от нас, что от нас надо будет.

– Да, практически, ничего. От всей вашей стройки – здесь, у нас в городе, мы же будем получать свои проценты жилья, часть вашей прибыли, хоть по договору, хоть через налоги, в любом случае вы нам будете отчислять определённые деньги. Если будут хорошие объёмы строительства, то и деньги эти будут солидными. Сегодня, в складывающихся государственных обстоятельствах, городу выгодно работать с надёжным и стабильным предприятием, или, как теперь везде начинают говорить, с хорошим «спонсором». А куда уж надёжнее вашего Алмазодобывающего комплекса – алмазы, я думаю, востребованы будут всегда! При любой «перестройке». Но, это так, не для записи.

Про перестройку. Мы тут со своими посоветовались и решили, что лучшего партнёра нам не придумать, вот потому и делаем вам такое предложение, чтобы у вас отказа не было. Кто же от такого подарка, на берегу Чёрного моря, откажется! Тут что хочешь строй – и жильё будет «нарасхват» и при хорошей цене, и базу отдыха сможете здесь создать, на многие годы обеспечив приятным отдыхом своих

работников. И главное – лечением!

Да ещё каким! У нас здесь не просто «грязи», у нас здесь целые «грязевые озёра»! То, что как раз вам, промёрзшим на северных своих работах, и нужнее всего. Решайте. А мы уже всё для себя о вас решили.

Одна спецпросьба. Или, если хотите – спецусловие. Посмотрите нашу школу. Городскую среднюю школу. Она вроде и неплохая – и классы хорошие, и оборудована неплохо. Но уж очень маленький спортзал! У нас есть проект пристройки к этой школе.

Стоит он около миллиона рублей. Мы хотим, если мы с вами «завяжемся», мы хотим чтобы вы эту пристройку и «пристроили».

Извините за каламбур. Затраты ваши мы учтём при дальнейших взаиморасчётах. При большом строительстве часто ведь будут возникать ситуации – «вашим-нашим». Ну, вы понимаете, о чём речь. Вот, ваши затраты по этой школе мы в дальнейшем и учтём.

Признайте, что при том кусочке земли, что мы вам «отрезаем», школа, это ведь минимальная просьба! Согласны?

– Конечно. Я думаю, мы решим этот вопрос. У меня к вам просьба. Чтобы мне было с чем выходить на Совет трудового коллектива, я должен с собой что-то привезти. Какое-то официальное решение. Предлагаю так, то наше письмо, о котором вы говорили, мы сейчас, сегодня же подготовим и передадим вам. Вы его за пару дней рассмотрите и выдайте нам или, как вы говорите, решение исполкома, или хотя бы письменное согласие заключить с нами договор, в котором мы и перечислим все условия нашего сотрудничества. А иначе, признайте, вот я приеду, расскажу всё красочно, а потом что-то пойдёт не так и всё сорвётся. На основании вашего Решения мы заключим договор с вашими строителями и буквально через месяц-другой мы начнём у вас работы. У меня появится право финансирования хотя бы, для начала, пока проектировщики будут работать над проектом застройки Побережья, этой вашей пристройки к школе.

Чего откладывать. Работать так работать.

– А с вами, я смотрю, легко вести дела! Вы не из тех, кто «откладывает в долгий ящик». Это приятно. Хорошо! Давайте ваше письмо. Решение мы вам выдадим через два дня. Сегодня у нас что? Среда? Вот, в пятницу, давайте так, к шестнадцати, подходите сюда к нам, в исполком. Получите готовое решение!

В оставшиеся два дня Георгий со своими соратниками занялись санаторием «Дружба».

Они с Сушко заключили договор о путёвках для северян. Санаторий практически простаивал. Пустовал. В начинающееся безденежье некому стало выкупать Черноморские путёвки. Ни украинские предприятия, ни российские не имели возможности приобрести путёвки для своих работников. Всё рушилось. Не до отдыха становилось. Сама работа на глазах исчезала.

– Давайте, Евгений Иванович, для начала мы выкупим у вас пятьдесят путёвок. Для пробы. Посмотрим, как они у нас разойдутся. Я позвоню в бухгалтерию, деньги переведём завтра же.

Распределим по цехам и пусть наши отпускники едут сюда, отдыхают. А дальше, дальше обсудим ваши предложения, просьбы и заключим с вами долгосрочный договор.

– Я вам вот что предлагаю – забирайте наш санаторий в своё ведомство! У вас огромный коллектив, вам южный санаторий не помешает. Да и не только для себя – вы наши путёвки можете продавать по всей Якутии. Вашим северным якутским районам наши, доступные по цене путёвки, всегда будут нужны!

Уверяю вас – в убытках не будете.

У нас всё здесь есть – прекрасные спальные корпуса, лечебные наши отделения оснащены и оборудованы медицинскими приборами самых последних достижений медицинской науки.

Берите, не пожалеете.

Сейчас в этой наступающей неразберихе нам главное объединится с надёжным предприятием, с надёжным ведомством. И вы сюда приехали, я думаю, с теми же намерениями. Правильно, сейчас такие времена, что можно за бесценок приобрести любую собственность, чтобы через несколько лет стать монополистом в любой отрасли. Тут уж, как говорится, не теряйся. Бери, скупай всё, что плохо лежит, что «повисло» в этом безденежном хаосе. И будешь на высоте!

Ну что, Георгий Александрович, будете покупать наш санаторий? Даже не покупать, а так забирать. Мы стали самостоятельными, не подчиняемся никакому теперь министерству, акционируемся, вот и примем решение трудового коллектива – войти в состав Объединения «Якуталмаз». Главное закрепить наши решения юридически, а что кому будет должен – с этим разберемся позже! Решайте!

– Думаю, Евгений Иванович, такое решение мне одному здесь принять не под силу. Такое решение может принять у нас только Совет трудового коллектива. И не отдельного предприятия, а всего Объединения! Давайте так. Мы с вами подпишем Договор намерений. Я его оглашаю у нас, на собрании в Мирном. Предварительно согласовав, конечно, с руководством Объединения. А затем уже наша делегация приедет к вам сюда и будем работать конкретно по приёмке всей вашей собственности в состав нашего объединения. Или рудника – как мы там решим. Согласны?

– Да. Конечно, начинать надо, видимо, с этого.

По путёвкам санатория «Дружба» в Евпаторию работники Рудника поехали уже в следующем месяце. Через два месяца строители приступили к Пристройке средней школы города Евпатория.

17

Так получилось, что из Магадана Красноперов с Пискуновым возвращались вместе. Остальные члены делегации Объединения «Якуталмаз» улетели на день раньше. Пискунов остался ещё на день по каким-то своим организационным делам, а Красноперов выпросил разрешение задержаться на сутки, чтобы повидаться с родственниками и друзьями. Друзей в Магадане у Георгия было не мало – ещё по «золоту», ну а родственники, это Рита с Толей, Поплевины, сестра жены Георгия, Нины Александровны, с мужем Анатолием. Чувствовал Красноперов, что в Магадане он может больше и не появиться – странное какое-то настроение было у совещания «золото-алмазодобытчиков» в Магадане, какое-то напряжение непонятное. Не так, как в былые времена – всё дружно, тепло и гостеприимно.

Шла эта непонятная всем «перестройка». Куда она вела, чего добивалась – разные были у людей понимания. Да и кто тогда мог что-нибудь понять, в той непрерывной, бестолковой говорильне!

Всесоюзное совещание руководителей предприятий «Главалмаззолото» проходило не как всегда, как во времена «Союззолото», не в городском Дворце культуры, а в Актовом зале Управления «Северовостокзолото». Руководители предприятий золотодобычи и алмазодобычи вместе собрались впервые, поэтому не чувствовалась та прежняя, дружеская, почти «родственная» близость среди руководителей, когда встречались старые знакомые в обнимку, с шумными охами да ахами.

Рудаков сделал короткий вступительный доклад, даже не доклад, а информационное сообщение по общей обстановке в отрасли. Выступили некоторые директора Объединений. Затем с большой речью по перспективе развития Алмазодобычи в Якутии выступил Пискунов. Его слушали с большим интересом, так как о добыче алмазов никто из приехавших делегаций толком ничего не знал. И вскоре, без каких либо прений Совещание закрыли.

Пискунов с директором института Козеевым ушли на встречу с Магаданским руководством, видимо

чисто дружественный визит, остальные члены делегации занялись своими делами, кто чем, но в основном разошлись по магазинам – как же, быть в Магадане и уехать без элитной красной рыбы!

Никто тогда не знал, и даже не догадывался, что был участником последнего совещания Объединённой отрасли добычи золота и алмазов. Не пройдёт и года, как вся эта, отлаженная десятилетиями, структура развалится, разъедется по своим отдельным мелким «закуткам» и Великая отрасль, дававшая Великой стране более трёхсот пятидесяти тонн золота и много миллионов карат алмазов расплзётся по своим мелким «квартирам», и далеко не всем, участвующим в этом последнем совещании предприятиям, удастся выжить, продолжить работу.

Суммарная годовая добыча золота в стране упадёт до ста тонн. А богатой и независимой ни финансово, ни материально, ни от кого отрасли добычи алмазов, вскоре нечем будет платить зарплату своим работникам и – невиданное дело – на алмазодобыче месяцами люди будут сидеть без зарплаты. И всё это случится в очень-очень близком будущем! А пока члены делегаций разъезжались по домам – непривычно скромно, без жарких прощальных банкетов, без дружеских застольных обменов новостями и заздравных тостов. Без дружеских объятий!

От Магадана до Якутска лететь как от Якутска до Москвы – почти шесть часов. Было время поговорить.

– Как твои дела по «материковым» задумкам. Расскажи – когда всё успокоилось в самолёте спросил Пискунов.

– На «материке» сейчас, Владимир Венедиктович, только ленивый ничего не приобретает. В стране ни у кого нет денег, всю страну можно сегодня скупить «на корню». Любые стройки, самые роскошные санатории и дома отдыха, «хоть в горах, хоть на морях»!

– Всё это я знаю не хуже тебя. Ты давай поконкретнее, что практически сделано?

Краснопёров подробно рассказал о принятых решениях, о заключённых договорах в Центральной России, на Украине, в Крыму.

– Есть хорошие предложения по Иркутску, Владимир Венедиктович. У нас там сейчас на строительстве наш старый знакомый, Юрий Иохвидов, помните такого? Вот, он берётся организовать и городские стройки, и в области. Я побывал в Китое, это меньше ста километров от Иркутска. Встретился там с местными городскими руководителями. Они нам могут отвести целый микрорайон для строительства жилья. Для наших северян. Там на площадке всё есть – и вода, и канализация, и тепло, и электроэнергия. К площадке, что нам могут отвести для нашего строительства, там подведены все сети! Вот вам решение проблемы работы на Севере «Вахтой»! Лёту от нас до Иркутска всего-то около двух часов. Представляете – семьи живут в тепличных условиях. Люди полмесяца работают у нас, на наших предприятиях, по двенадцать часов, а полмесяца живут дома, в семье. И пенсионеры переезжают из наших городов на «материк»! Это пятьсот тысяч рублей экономии в год нашему Объединению с каждого пенсионера. Почему бы от сэкономленных средств нам материально не помочь тем же пенсионерам!

– Да, заманчиво. Давай, работай в этом направлении. С получением конкретных решений местной власти! Мне Сафонов говорил, что хороший источник лечебных вод ты нашел в Бурятии? Сафонов даже съездил туда, подлечил свои ноги. И даже спину. Так?

– Да, было дело. Я побывал в Кирене, это Южное Забайкалье. Там отличные источники лечебной воды. Уникальная, знаете ли, вода.

Мне рассказал один тамошний начальник – приехал к ним однажды военный, бывший «афганец», ранен он был, да так странно ранен – осколком вскользь по голове. Почти по лбу.

Рана у него там на голове этой никак не заживала. Слезится и слезится, но не заживает. Приехал он

там к кому-то то ли к родне, то ли к знакомым, ну, вот, узнал об этом источнике, а он там, этот источник, прямо на берегу речки Иркута фонтанирует. Он решил промыть свою рану. Раз промыл, два, и через неделю рана эта у него зарубцевалась! Заросла натурально, собственной кожей. Представляете? Он годами лечился, у каких только, говорит, врачей не побывал, каким только академиком не показывался – не смогли залечить! А тут за неделю! И всё зарубцевалось. Так он, говорят, пришел в райисполком, к Председателю, показал ему свою рану и давай его ругать!

«Вы – говорит – преступники! У вас такой редкий лечебный источник! Вам бы его для людей оборудовать, а он у вас без всякой пользы в речку обратно стекает. Как вам, говорит, перед людьми-то не стыдно».

Был я на этом источнике. Действительно, бьет ключ из-под земли и обратно в Иркут стекает. Поставили там местные жители самодельные ванны, сами купаются, детей купают. И никто не хочет оборудовать место это лечебное как следует.

Но в Кирене – пансионат. На этих же водах. Вот там Сафонов и подлечился. Доволен, по-моему. И всё это мы можем купить, Владимир Венедиктович! Своя водолечебница будет. Уж очень они сейчас бедствуют. Я побывал в Ангарске, в проектном институте. Заказал проект водолечебницы. На источнике этом.

Там большая сейсмическая опасность, поэтому проект может выполнить только специализированный институт. Получим проект, посмотрим с Козеевым. Тогда и будем выходить на вас со своими предложениями.

– Да! Для нас, северян, это получилось бы отлично! И рядом, не надо «на юга» летать! Давай, делай, рассмотрим!

– И по Китою – тоже?

– Конечно! Всё будем смотреть. Готовь материалы – и для техсовета, и для Совета трудового коллектива! Подключай наш Институт, пусть тоже поработают. Если мы всё, как ты рассказываешь, сделаем, вечная благодарность будет нам с тобой от родного коллектива! Как ты считаешь?

– Да! Дождешься благодарности от родного коллектива!

Я вообще последнее время многое не могу понять, Владимир Венедиктович! Что с нами происходит? С Автобазы приходят люди и рассказывают – был у них Первый секретарь Горкома.

Ну, встречу устроили, собрали людей в Красном уголке. Поговорили, вопросы – ответы. А он вдруг говорит – если у вас есть что сказать про руководителей, если есть у вас на них жалобы – пишите. Анонимно пишите! Мы рассмотрим! Это что – новые взаимоотношения рабочих и руководителей? Руководителей предприятий и Горкома партии? Куда же мы идём? Что это за «перестройка» такая? Куда и для кого мы перестраиваемся?

– В Москве знаешь как про перестройку эту говорят? Это – говорят – как в густом лесу при ветре – вверху вершины деревьев шумят, а внизу – тишина! Куда-то не туда поворачивает наша «перестройка». Вот и в партии начались шатания. Ты знаешь, что появилось мнение, надо Коммунистическую партию России создавать?

– Но это же конец Союзу!

– Ну, это не обязательно. Есть же у нас свои партии в республиках? У всех есть, только Российской Коммунистической партии нет. В республиках свои Центральные Комитеты, свои Политбюро. И никакого развала.

– Но ведь Россия – связующая республика! Вокруг неё всё у нас крутится. И на ней всё держится! Кому-то это видимо не по вкусу? Кто-то против?

– Ну, так-то уж усложнять не надо.

– Вы чего-то не договариваете, Владимир Венедиктович!

Что-то знаете, но пока, видать, нельзя распространяться! Неужели наша Партия, её Руководство, как тот скорпион, в минуту опасности, сама себя уничтожит?

– Ладно. Проехали. Давай сменим тему. Кстати, ты ведь, Георгий, как-то сам, помнишь, на Пленуме Горкома, сам говорил, что «Перестройка» – это не электрическая лампочка, её не включить, не выключить не получится! Этот процесс длительный. И цель её, этой перестройки, не всем сегодня понятна. Помнишь?

Выступление своё? А сейчас всё упрощаешь.

– Да, включить то её включили. А вот выключить, это теперь вряд ли у кого получится. На пленуме Горкома, с высокой трибуны, открытым текстом, много ли скажешь?

– Всё! Сменили тему!

– Сменили... Владимир Венедиктович! Тут совсем недавно возник ещё один интересный Проект. Организовать «Туризм».

Вы посмотрите, сколько в последнее время едет разного народа в город Мирный! Сколько разных гостей! И Правительственные делегации, и гости иностранные, и просто знакомые и родные в гости к нашим Мирнинцам едут. Вот мы тут собрались недавно да и решили – организовать на Чернышевском водохранилище туристический отдых. Полетали над «морем» на вертолёт, нашли недалеко от берегов наших, Чернышевских, шикарный безымянный, необитаемый остров и решили построить там Домик, гостиничного типа, небольшой, человек на десять-пятнадцать для одного «заезда», сделать его полностью благоустроенным и принимать там гостей! По путёвкам. Скажем, для начала – «отдых выходного дня»! Мы завезли туда стройматериалы, отправили небольшую строительную бригаду, и они нам «Домик» там уже, практически, «слепили». Теперь – пробурить на «сказочном» острове скважину для воды, завезти, смонтировать и обустроить дизельную электростанцию, смонтировать там компактный электродвигатель – и для отопления, и для горячей воды, вот тебе пожалуйста – полное благоустройство! Посадим туда «дежурного» – вначале – «на зарплату», а потом, постепенно, если дело наладиться, и на «самоокупаемость» перейдём. Скажем так, подберём туда в качестве «обслуги» – мужа и жену. Чтобы и за порядком следили, и обедами горячими гостей обеспечили. Ну, чем не «Турбаза»? Организуем «Турбюро» или даже «Турагенство» – в Мирном, а затем в Москве, в Якутске. Иркутск у нас тоже рядом. Поедет народ! Мы туда на вертолёт прилетели, пока там с «бригадой» своей по острову этому ходили, пилоты на спиннинг вытащили щуку – приличную, килограмм на пять-шесть не меньше! Вот – и отдых, и рыбалка. Рыбы же там «немеряно»! И всё «непугано»! А – прогулка по морю?! У нас в Чернышевске живёт моторист, Витя Кобыльников, у него катер, приличный, человек на двадцать вместимостью. Чирков, Николай Иванович, помог ему недавно с ремонтом этого катера. Хороший провели ремонт, с полной заменой «днища», с обустройством «бытовок», перебрали все механизмы, сейчас на нём и Президента Республики прокатить не стыдно.

Вот! Заключим с Виктором «Контракт», он нас и будет «катать» по этому морю. На остров и обратно. Ходу до этого острова от «Залива», от Чернышевской Пристани, часа четыре. Вполне по времени можем уложиться с отличным отдыхом на море в два дня. В пятницу вечером выехали, в воскресенье, или на худой конец – в понедельник, вернулись! Как вы, Владимир Венедиктович, считаете? Получится у нас? Вы возражать не будете?

– Да мне-то что возражать! Делайте! Ребят только подобрать на эту «затею» толковых надо. Должно получиться! Почему бы нет?

– В туристский «комплекс» придётся включить и Гостиницу. Нашу «Зарницу». Схема приблизительно пока такая: людей привозим в Мирный. Размещаем в Гостинице. А уж из Мирного – тематические маршруты. Это и знакомство с городом и его предприятиями, поездка в Ленск – там опять же прогулка на теплоходе по реке Лене, скажем – до Ленских «столбов» и обратно, поездка в Чернышевск с отдыхом на острове и возвращение в «исходный» город. Это или Москва, или Иркутск, или любой другой город, как будет спланировано уже «Агенством».

Может быть создадим Кооператив, но при Руднике, сами они не выживут. Конечно, первое время придётся какие-то деньги вложить, но, со временем всё это будет вполне «окупаемым». Если повезём ещё и «иностранцев»! Вот, такая пока «задумка».

– Хорошо. Согласен! Пробуйте. Туризм в Якутии давно уже развивать пора. Всё руки ни у кого «добраться» не могут. Давай, подбирай хорошую группу, с экскурсоводами продумай, есть кто на примете?

– Конечно, есть! У нас во Дворце работают талантливые «затейники»! Организуем!

– Добро. Ну, что ещё у тебя? Давай, выкладывай, а то уже подлетаем. По глазам вижу, что-то у тебя еще осталось, так с языка и «просится»!

– Да! Конечно. Последнее, Владимир Венедиктович. Все материалы по преобразованию Рудника «Мирный» в Мирнинский Алмазодобывающий Горно-обогатительный Комбинат готовы.

Я был в Юридическом Управлении министерства. Там согласны, что с таким приказом к Министру ходить не надо. Приказ может подписать и Заместитель Министра, начальник «Главалмаззолото» Рудаков. Валерий Владимирович. Рудаков, кстати, с этим тоже согласен. Я у него побывал тоже. Так что, всё теперь зависит от вас – документы готовы и ждут вашей подписи.

– Что ж. Добро. Подпишем. Готовь представление в Министерство.

– Я же говорю – всё готово!

Через полгода Рудник «Мирный» приказом Заместителя Министра, Начальника «Главалмаззолото» Рудакова Валерия Владимировича был преобразован в Мирнинский Горно-обогатительный Комбинат.

Наконец-то справедливость восторжествовала!

18

Доработали карьер «Мир». До глубины почти 460 метров.

Получился один из самых глубоких карьеров в рудной промышленности не только Советского Союза.

Более тридцати лет выдавал знаменитый карьер алмазонасную руду на обогатительную фабрику. Получены из той руды миллионы и миллионы карат высококачественных алмазов. Более половины из них – ювелирные. Те, из чего умелый огранщик сделает ювелирный шедевр – бриллиант! Но и технические алмазы, они тоже широко используются в растущем хозяйстве стремительно развивающейся промышленности Социалистического государства. Более двух миллиардов долларов в год зарабатывает Страна на международном рынке алмазов. И первенец этой алмазной отрасли, выдавший в далёком 1957 году первый добытый отечественный алмаз – это как раз и есть карьер «Мир». И вот – доработали. До предельных глубин.

Отдел Николая Звонарёва института «Якутнипроалмаз» выдал новый проект. Углубить карьер ещё на шестьдесят пять метров, довести глубину отработки карьера до 525 метров. Это – максимальные

возможности открытого способа отработка. Далее – подземка. Подземный рудник. Глубже этих отметок – руда открытой разработки становится дороже подземки. Да и объёмы горных работ чрезмерно большие. Даже для Открытой разработки.

На дне отработанного карьера Гареев с Ершовым организовали прощальный митинг. Пригласили ветеранов, участвовали практически все работники карьера. Из Москвы приехал Евгений Петрович Калашников. Много было воспоминаний, рассказов, тёплых, дружественных речей.

Карьер остановили на реконструкцию.

Но продукцию карьер ещё давал: теперь в отработку пошли заготовленные запасы в резервном складе руды. Карьер ежегодно выдавал руды больше, чем перерабатывала фабрика. Эти излишки складировались в специальный рудный склад. Вот эти рудные запасы и пошли в работу. Их должно хватить на весь период реконструкции карьера. Ну, с некоторым, конечно, добавлением из других источников, из мелких карьеров, которые задействованы в период реконструкции основного карьера.

С этим рудным «складом» связана ещё одна интересная история. Пошедшая, правда, на пользу всему авиационному обеспечению города Мирного. Когда зашел разговор о предстоящей организации рудного склада, вернее – его расширении, Сафонов, уже как главный инженер Объединения, предупредил Красноперова:

– Там Терещенко, начальник Авиаотряда, претензии к нам имеет – наши «отвалы» карьера «Мир» закрывают ему «локаторный» обзор неба над городом. Его диспетчера этого неба уже почти не видят: наши отвалы поднялись и перекрывают «обзор» авиационному радиолокатору. Ты бы встретился с Терещенко, разобрался, что там ему от нас требуется!

Георгий встретился с Терещенко и его специалистами по этим «Локаторам». Они побывали на самой верхней точке карьерных отвалов, убедились, что да, отвал перекрывает видимость и обзор диспетчерам. Решили, вначале, надо переносить локатор на новое место.

– А как будете работать? Во время «переноса» этого? Полёты самолётов придётся прекратить?

– Ну, так не строить же новый локатор?

– А почему не строить? – вмешался инженер службы обеспечения. – Локатор наш всё равно слаб, сегодня уже нам маловато его параметров. Мы получили новый, более мощный Радиолокатор. Вот, пусть Рудник нам под новый локатор помещение и построит. На новом месте! Мы сразу решим обе задачи – и проблему нашей «видимости» и успешное расширение склада Руды для Рудника «Мирный»!

– Ну, что, Георгий Александрович? – Улыбнулся Николай Николаевич. – Осилите? Это была бы нам солидная помощь.

Мы ведь к новому локатору никак подступится не можем именно из-за денег! Нет у нас пока таких денег, чтобы построить новую «локаторную»! Оборудование мы смонтируем сами, а вот помещение нам не осилить – и сами мы не сможем построить, и «подрядчика» нанять нет денег!

– А проект есть у вас.

– Есть. Полностью – и помещения, и размещения оборудования. Только – без привязки на местности. Если мы вот сейчас, сегодня, здесь, все вместе выберем место установки этого локатора, нам Институт привязку эту за две недели сделает. Мы уже связывались с Институтом.

– Давайте так. Сейчас место выберем. А что его выбирать – вот, самое высокое место, и здесь никаких работ вести больше мы не будем, вот, здесь его, ваш Локатор, и надо поставить! Завтра вызывайте проектировщиков, согласуйте с ними это место, мы подпишем с Институтом «Договор» и проплатим

проектирование Здания Локаторной. Составляйте «Акт выбора площадки». Строительство самим нам «не потянуть», своими силами. Но, ты, Николай Николаевич, договариваешься с Грабцевичем, он даёт согласие, мы заключаем с ним Договор на строительство, он строит. Мы оплачиваем.

Вот, такая схема.

Во время посещения строительства Локаторной Терещенко вдруг предложил Красноперову:

– Давай, Георгий Александрович, съездим сейчас на нашу «взлётную полосу». Ты знаешь, что у нас нет «дорожки разбега» для реактивных самолётов? Поэтому и летаем на ИЛ-18!

– А в чем проблема.

– Наша «полоса разбега» коротка для реактивных самолётов.

Надо удлинять. Вот, сейчас на взлётной полосе я всё и объясню.

Давай, не пожалеем немного времени, съездим на «полосу»!

Оказывается, у Терещенко есть «Контракт» с солидной Firmой по сооружению таких полос, и строители готовы приступить к работе, но надо выполнить большой объем отсыпки, по вертикальной планировке взлётной полосы. А у «подрядчика» нет для этого в Мирном соответствующей техники. Ни бульдозерной, ни скреперной. Надо завезти гравийный грунт, отсыпать новую «полосу», и разровнять! Спланировать. А нечем!

– Помоги, Георгий Александрович. Весь наш воздушный Флот, да и все пассажиры тебе в ножки за это поклонятся!

– Да, поклонитесь, дождёшься от вас... Какой объём работы?

– Два бульдозера и три самосвала, ваших, сорокатонников, на две недели.

– Ну, куда нам деваться, Николай Николаевич, летать-то всем надо. И нам тоже. Сделаем. Готовь всех, кто будет этим заниматься, с понедельника начнём работу.

Все работы были выполнены за одно лето. Грабцевич поставил отдельную бригаду на строительство «Локаторной», через два месяца Службы Терещенко приняли здание в эксплуатацию.

Вскоре в Мирном стали приземляться реактивные самолёты.

Как пассажирские, так и тяжелые грузовые.

... В стране «бушевала» Перестройка. Страна стремительно разорялась. В магазинах исчезли сначала продукты и продовольственные магазины зияли пустыми полками. Затем опустели и магазины промышленных товаров. Останавливались заводы, фабрики. Директора предприятий судорожно предлагали себя в продажу за бесценок любому покупателю, лишь бы с деньгами. Но и с деньгами началась чехарда! Зачем-то начали менять привычные денежные купюры на новые. Заменяли пятидесятирублёвые, затем сотенные и, наконец, вся устоявшаяся за десятилетия денежная масса рухнула. Заменяли все деньги. На какие-то новые. Но без всякой денежной реформы – просто заменили все, бывшие в ходу купюры на новые и всё! Без всяких объяснений, без всяких обоснований.

Ну, и наконец, совсем уж в наглую – отобрали все банковские сбережения у населения. Вот это уже серьёзно. Этот грабёж особенно ударил по «северянам» – с их заработками, со всеми там надбавками и коэффициентами, у северян и вклады в Сбербанке были соответствующие! Пропали вклады в несколько тысяч и даже сотни тысяч рублей. А что! Работал северянин на Северных стройках или предприятиях, зарплату откладывал, накопил за долгие годы, за десятки лет, приличные деньги, надеясь прожить на пенсии безбедно, независимо от суммы начисленной в старости пенсии и вдруг – на тебе! Все накопления

рухнули за одну ночь! Исчезли! Это ли не грабёж?

По «Северам» прокатилась серия самоубийств. Особенно поразил тогда всех один случай, о котором рассказывали в открытую – в магазинах, на рынках. И не только в Якутии. Георгию эту историю рассказали в Москве. «Неужели правда?».

Пожилая пенсионная пара работала на одном из угольных карьеров, доработались до пенсии, одни, муж и жена, детей, говорят, у них не было. Решили с Севера уезжать. Хватит, наработались, намёрзлись. Приглядели домик в одном из областных городов на «материке», оплатили за домик, но не полностью, а задатком. Получим, мол, документы на собственность, заплатим остальное. Свою квартиру на Севере продали, собрали свои пожитки, хотели отправлять свой багаж в ближайшие дни по новой железной дороге.

А утром! Новые благодетели, что пришли к власти, новые «радетели» за народ, новые «эффективные собственники» объявили о своей большой милости народу – о новой денежной реформе, в результате которой все деньги у людей отобрали! И те, что в Сбербанке, и те, что оставались «под подушкой». Бедные пенсионеры узнают, что их двести тысяч рублей, которые они накопили за тридцать лет безвыездной работы на Севере, превратились в двести копеек! И всё! Больше им денег этих взять негде! И багаж не отправишь, и домик ещё не оплачен, да уже и не будет теперь оплачен, и квартира северная продана, им теперь не принадлежит. Продана! И даже выписаны уже они из этой квартиры! Что делать. Работы нет, денег нет, надежды нет!

Престарелая парочка, старенькие уже, дедушка с бабушкой, взялись за руки и дружно выпрыгнули из окна своей квартиры, что им уже не принадлежала, аж с девятого этажа шестнадцатизэтажного дома. Выпрыгнула. В благодарность новым «менеджерам» за их тёплую заботу! «Старикам везде у нас почет!», Нынче тем народным «радетелям», что принимали «непопулярные», как они с гордостью объявляют, решения, памятники собираются ставить. А кое-кому уже и поставили.

А кто поставит памятник тем разорившимся пенсионерам, что в один миг стали нищими?

И «бабушкам и дедушкам», что выпрыгнули из окна?

* * *

Неожиданно Георгий получил приглашение. На Всесоюзное собрание директоров промышленных предприятий. В Кремлёвский Дворец съездов.

...

Союз Советских Социалистических республик

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 3206

Уважаемый Краснопёров Георгий Александрович Вы являетесь участником Всесоюзного собрания руководителей государственных предприятий.

ПОВЕСТКА ДНЯ: «Стабилизация экономики страны и работа предприятий в 1991 г. в условиях перехода к рынку»

Собрание состоится 6–7 декабря 1990 г.

В Кремлёвском Дворце съездов.

Начало работы 6 декабря в 10 ч. Оргкомитет

С утра, шестого декабря, директора предприятий «Главалмаззолото» собрались в кабинете Рудакова Валерия Владимировича, заместителя Министра, начальника «Главалмаззолото».

От «Главалмаззолото» в совещании участвовали директора золотодобывающих предприятий и все три директора ГорноОбогатительных комбинатов ПНО «Якуталмаз» – Мазур, директор Удачного, Дюкарев из Айхала, и Краснопёров из Мирного.

У Рудакова директора обговорили порядок участия в этом Всесоюзном собрании, выдвинули выступающего. Обсудили круг проблем, которые должен высказать наш выступающий.

Никто ещё не понимал тогда, что весь этот Всесоюзный сбор, весь этот промышленный люд, что до отказа заполнил Кремлёвский дворец съездов – всё это не для обсуждения накопившихся проблем и задач промышленных предприятий, что собрались выдающиеся специалисты и известные на весь мир директора и ученые вовсе не для обсуждения проблем предприятий или даже целых отраслей. Это был первый и последний Сбор Промышленников для подготовки «похоронных» мероприятий Советской промышленности. И поэтому, выступления некоторых директоров, с их текущими проблемами, казались наивными, нелепыми, какими-то «потусторонними», никому не нужными. Да выступающих никто и не слушал, не фиксировал. Никто ничего на том совещании не протоколировал. Потому-то вскоре вся эта говорильня директорам надоела, все поняли бесполезность выступлений с высокой трибуны.

К тому времени Ельцин и его команда покинули Совещание, остался только Горбачев с помощниками, да ещё терпеливо ждал, чем же всё это закончится Председатель Правительства Николай Иванович Рыжков.

Инициатором проведения Собрания, его организатором стал «Союз промышленников», учредителями которого были крупнейшие промышленные предприятия Советского Союза. Директора промышленных предприятий давно уже поняли, что перестройка ведёт всех в тупик.

Председателем Союза был избран Тизяков, тогдашний директор Свердловского завода им. Калинина, входящий в группу Оборонного комплекса, а первым заместителем Председателя избрали Пискунова. Владимира Венедиктовича, Генерального директора алмазодобывающего Объединения «Якуталмаз».

Пискунов и вёл это Всесоюзное Собрание директоров крупнейших промышленных предприятий Советского Союза.

Первое и последнее.

В Президиуме – Горбачев – первый Президент СССР, Ельцин – первый Президент России, Рыжков – Председатель Совета Министров СССР, Силаев – Председатель Правительства России, партийные руководители, Министры.

С докладом выступил Тизяков. Он откровенно обрисовал картину развала Советской промышленности за короткое время Перестройки, задач и целей которой давно уже никто не понимал. Привёл примеры остановки предприятий, разрыва давно налаженных связей между отраслями и предприятиями, полного развала снабженческих организаций.

– Дайте свободу действия директорам предприятий, как вы даёте её создаваемым кооперативам, и мы вам докажем, что предприятия ещё могут ожить, восстановиться – обратился Председатель Союза промышленников к Горбачёву.

Такой критики, которую обрушили на руководство страны с высокой трибуны выступающие в «прениях» участники Собрания, Георгий никак не ожидал услышать. Выступали руководители регионов, партийные и хозяйственные руководители предприятий, крупнейшие Советские ученые – все говорили о прогрессирующем, в результате «перестройки», развале промышленного потенциала страны.

Особенно доставалось Горбачеву. Выступающие обращались напрямую к главе государства, задавали тяжелые вопросы, на которые просили, требовали ответа прямо здесь, на этом собрании.

Горбачев на собрании, как он сам признался, не собирался выступать. Но участники собрания от регионов, от предприятий, потребовали его к ответу. Даже не просили – требовали его выступления. Горбачев выступил. Говорил что-то несвязное, не конкретное. Понесло его, как это с ним часто и бывало, в общие рассуждения о величии времени, о значительности эпохи, в которой мы живём, о необходимости Перестройки, не только в общественной и производственной сфере, но и, как он выразился, в умах, в головах Советских людей.

– Мы должны перестроить прежде всего самих себя, свой образ жизни, по-другому не только смотреть, по-другому жить, по-другому подходить к организации всех сфер нашей деятельности в Стране.

В зале поднялся шум. Горбачева перебивали, не давали говорить. С мест выкрикивали, задавали неприятные вопросы. Горбачев сбивался, не закончив начатой мысли, перескакивал на другие темы, запутался и, сказав – «ну, вот видите, Президента Страны перебиваете, не даёте высказаться до конца, а говорите – у нас нет демократии, нет свободы слова. Представляю, чтобы с вами стало, перебей вы Генерального Секретаря лет этак десять назад!» – и возмущенно ушел с трибуны.

Объявили перерыв.

На сцене быстро организовалось две группы. В глубине сцены, за столом президиума участники собрания окружили Николая Ивановича Рыжкова и оттуда уже слышно было, как шумно, перебивая друг друга, участники собрания засыпали вопросами Рыжкова, и как Николай Иванович не спеша, спокойным голосом на них отвечал.

Другая группа окружила было Горбачева, но он медленно продолжал идти от сцены к дверям, во внутренние Кремлёвские помещения. Люди толпой, опережая друг друга, давясь, двигались за ним, вместе с ним, и Михаил Сергеевич вынужден был остановиться. Узкий переход – от сцены, по ступенькам, до дверей.

Переход этот оказался каким-то мостиком, возвышающимся над параллельным, лестничным проходом. Горбачев оказался выше столпившихся внизу, на лестнице, людей, он как бы вновь оказался «на трибуне», выше людей. С ним, на «мостике» этом, тесно столпились всего несколько человек, в том числе, совсем уж рядом с Горбачевым, плечом к плечу, остановился и Георгий Краснощёков.

Люди внизу торопливо, боясь не успеть, перебивая друг друга, буквально выкрикивали какие-то вопросы, не слушая ответа Горбачева, не слыша себя и соседей, кричали снова, спрашивали ещё о чем-то. Георгий не выдержал и буквально крикнул оттуда, сверху, с «мостика»:

– Вы хоть выслушайте ответ-то! Что вы кричите все вместе!

Задали вопрос, так послушайте, что вам ответят!

И толпа затихла. Они ведь не знали, кто это стоит рядом с Президентом. И строгий окрик их тут же утихомирил!

Вот она, наша партийная выучка! Разбушевавшуюся толпу легко успокоить! Надо только громко и требовательно КРИКНУТЬ! Главное – вовремя!

Горбачев чуть повернулся к Краснощёкову, скосил глаза, рассматривая «защитника» боковым зрением, и продолжал отвечать на чей-то вопрос. Потом повернулся к Краснощёкову полностью и сказал негромко, с полуулыбкой:

– Спасибо за помощь. Но, думается мне, я бы и сам сумел себя защитить. Впрочем, я так думаю,

молодой человек, вы и сами хотите о чём-то спросить?

– Михаил Сергеевич! Только честно!

– Ну-ну. Продолжайте.

– Ради чего «всё это» затевалось?

– Понимаете, молодой человек, так ведь просто, и коротко на такой ваш вопрос не ответишь. Но, раз уж вы просите ответить честно, а я понимаю, что этого моего ответа ждёт множество ваших людей, тех, от имени которых вы сюда и приехали, так вот – когда я получил доступ ко всем государственным документам, я увидел, я понял, в какую пропасть мчится, всё ускоряясь и ускоряясь, наша Страна. И понял, что нужно что-то предпринимать, чтобы всё же не свалиться в эту пропасть!

– Ну, а теперь «не свалимся»?

Горбачев сразу посерьёзней, опустил глаза, буркнул сердито – «Не свалимся!» – и быстро ушел за дверь, в Кремлёвские покои.

«Да! – размышлял в гостинице Красноперов, – менять, конечно, в нашей системе что-то надо. Но не путем же разрушения всего, что уже с таким трудом построили! Что? Опять провозглашаем – «весь мир «насилия» мы разрушим, до основания»? А затем?..

На второй день, утром, телевизионные каналы объявили, что в шестнадцать часов будет показано выступление Горбачёва М. С. на всесоюзном совещании Директоров Промышленных предприятий. Собравшиеся у телевизоров выступления этого не дождались. Да и что там было показывать? Несвязную, бессистемную речь растерявшегося человека? Оскорбительные выкрики с мест участников собрания?

Да, ни слушать, ни смотреть там было нечего...

Когда-то в нашей стране на полном серьёзе обсуждалась тема: «Роль личности в развитии истории человечества». Кажется, было это после двадцатого съезда, когда Хрущев ошеломил Сталина, и «жополизы» от науки тут же запустили в обсуждение вот эту тему, о роли личности. Так вот, думаю, мне, что возглавив и разорив в исторически кратчайшее время Великую страну, Горбачев наглядно продемонстрировал значение этой личности. В Истории. Конечно, всем ясно, что запустил механизм разрушения ещё Хрущев. Но Горбачев с блеском завершил это разрушение, ещё раз, после Хрущева, доказав «ошибочность» утверждения Ленина, что в Социалистическом обществе «даже кухарка» сможет управлять государством.

Нет! Оказывается – не каждая «кухарка» на это способна!

* * *

Рудаков, Начальник «Главалмаззолото», воспользовавшись тем, что практически все директора промышленных предприятий отрасли собрались в Москве, собрал Коллегию Главка. С участием директоров. Странное какое-то у всех было настроение. Похоронное. Как будто чувствовали участники Коллегии, что в последний раз все вместе собрались. Кто-то из директоров выступил. Без всякого энтузиазма. Отвечая на какой-то вопрос Рудакова.

Поговорили ни о чём. Никаких тем, никаких вопросов. Ни у директоров перед Главком, ни у Главка перед директорами. Никаких задач не ставилось, никаких вопросов не задавалось.

Красноперов не выдержал. Попросил слова.

– Господи, – устало вздохнул Рудаков, – ещё один. Ну, давай, выскажись.

Краснопёров к выступлению, да ещё на заседании Главка, конечно, не готовился, да и не собирался он выступать. Но прошедшее Всесоюзное собрание директоров настолько его расстроило и насторожило, что он решил поделиться своими мыслями с партнёрами. Просто высказаться, высказать свои подозрения, свои сомнения, увидеть реакцию опытных в их производстве людей, может он зря «запаниковал», может зря почти всю ночь маялся, думал – а что же всё-таки происходит в нашей стране?

К чему всё идёт? Зачем, для чего, ради чего вся эта «перестройка»? И что впереди?

– Я хочу сказать, Валерий Владимирович, вот о чём, – начал Георгий неуверенно. – Мы живём в каком-то непонятном состоянии. В какой-то постоянной недосказанности, в недопонимании. Создаётся такое впечатление, что мы не хотим осознавать, что вокруг нас происходит. Мы живём и делаем вид, что нам нет дела до того, что вокруг нас делается.

А дела то наши становятся всё хуже и хуже. Вы посмотрите на магазины, даже в Москве уже есть практически нечего. А вокруг Москвы? Я побывал в Ярославле, там полки пустые вообще!

Сырки плавленные в некоторых магазин расставлены – кусочек от кусочка на два метра, в дистанции, чтобы полки чем-то занять и всё! Остальные витрины пусты совсем! Создаётся такое впечатление, что в стране всё рушится. Мне кажется, наступает время, когда всё надо брать в свои руки. Вчера позвонил на нашу стройку в Евпатории. Мирнинский Банк деньги на стройку перевёл, но стройка денег не получила. Деньги где-то затерялись в пути. Может, нам надо брать Банк в свои руки? Уже даже в Мирном, на собственные городские стройки деньги поступают с задержкой. Звонят водители из Минска. Мы получаем там большегрузные «Белазы». Большую партию, больше двадцати автомобилей. Водители звонят – нет денег, деньги переведены, но до Минского автозавода не дошли? Потерялись где-то в пути. Договорился с директором завода, «Белазы» нам отпустят. Под честное слово. Это порядок? И так везде. Может и нам, предприятиям промышленности надо переходить на те условия хозяйствования, на которых работают сейчас создаваемые повсеместно Кооперативы? Сегодня в стране можно купить всё что захочешь. Наступило какое-то повсеместное безденежье.

Можно купить в собственность на «материке» сельхозпредприятия – совхозы, там, колхозы, и полностью себя обеспечивать продовольствием. Надо брать в свои руки обработку алмазов, создавать своё ограночное производство, и торговать не только сырыми алмазами, но и бриллиантами, создавать собственные Банки, и самим руководить финансовыми потоками, не терять деньги, не искать их потом, после платежей, по стране.

Надо что-то делать. Дальше так жить нельзя!

Георгий говорил, но видел, что его слова впустую повисают в воздухе. Его не понимали. Даже товарищи «по цеху», директора смущённо опускали глаза и не смотрели в глаза Красноперову.

«Куда это ты, мол, «поплыл»?»

– Наговорил ты здесь, – после некоторого молчания сердито произнес Рудаков. – А Банки, это вообще не наша «епархия».

Ну, ладно, продолжим работу Коллегии.

– А насчёт собственной огранки, надо бы подумать, – сказал кто-то из членов Коллегии. – Интересная мысль.

И всё. Конечно, Краснопёров и сам не понимал, что увязывает сегодняшнее состояние предприятий с очень недалёким будущим. Не могли они знать тогда, что пройдёт всего лишь очень короткое время, что менее, чем через год не будет ни этих предприятий, ни Министерств, не самой этой Коллегии. Они продолжали с серьёзным видом обсуждать какие-то текущие дела, и не знали, что сами они вступили уже в

«Безвременье»!

Никто не знал тогда, не понимал, что обсуждают всё это они, вот в этом составе, в последний раз.

19

«Перестройка» стремительно шагала по стране, разрушая на своём пути всё, что с таким трудом строилось, создавалось десятилетиями. Останавливались и распродавались заводы, фабрики, кинотеатры, детские сады, стадионы, Дворцы спорта. Опустели магазины, прилавки городских рынков и небольших базарчиков. У новых эффективных собственников повсеместно возникали на пустых местах ларьки и магазинчики, быстро заполнялись какими-то частными прилавками опустевшие здания спортивных сооружений, детсадов и управлений остановившихся предприятий, всё у них, у новых собственников, годилось в дело, всё шло под торговые учреждения и помпезные офисы. Цены на всё – на продовольствие, товары первой необходимости – взлетали до невиданных прежде уровней. В стране наступало полное безвластие – делай что хочешь. И кто что хочет!

«Берите свободы столько, сколько сумеете проглотить!».

И глотали. И свободу, и ближнего, и всё, что плохо лежит. Вокруг больших и малых городов выросли непонятные «кордоны». Дюжие молодцы, в камуфляжной форме, с автоматами в руках останавливали на дорогах, вблизи городских окраин грузовые автомобили, которыми выживающая деревня везла на городской рынок выращенные в своих ещё пока не разоренных хозяйствах овощи, молоко, масло, мясо. Распорядительные молодцы изымали у водителей документы сопровождения грузов, рассчитывались наличными по стоимости всего груза, уточняли с водителем цены, и не рядились. Выплачивали, за всё количество, сколько значилось в документах, по испрашиваемой сопроводителем цене. Затем показывали водителю место, куда надо свалить груз. В заранее заготовленные ямы.

А на рынках городов, на прилавках магазинов – пустота.

«Вот, смотрите, к чему привёл вас социализм! Вот как вас кормят проклятые коммунисты!» – кричали на всех перекрёстках, площадях и площадках новые агитаторы.

Георгий сам, со своими спутниками, видел не одну такую сцену, когда возвращался из поездки по южным районам в Москву.

Останавливали дюжие молодцы и легковые машины.

– Откройте багажник. Продовольствие не везёте?

– Да вот, только небольшой пакет с хлебом и помидорами.

Поесть вечером.

– Проезжайте.

Да, да. Если едешь куда-нибудь, бери поесть с собой. По дороге все кафе, рестораны, столовые работают. Но кормить нечем.

Иногда повезёт, сварит хозяйка суп какой-никакой. Ну, а иногда просто – хлеб с чаем. Без сахара.

Всё это командированные по делам своей, ещё кое-как и кое-где существующей, службы хорошо помнят те поездки по стране. Даже в ресторанах столичных гостиниц поесть было нечего.

Продовольственные продукты до города не доходили, всё сбрасывалось в заготовленных заранее земляных ямах. И тут же ямы эти зарывались. Бульдозером!

Эх, люди, люди...

В Мирнинском Гоке был срочно организован и укомплектован предприимчивыми специалистами Отдел обеспечения рабочих продовольствием. Коммерческий отдел. Возглавил отдел Виктор Сорокин, старый соратник Красноперова ещё по Уралу.

Виктор собрал в отдел толковых помощников, они разъехались по стране добывать, что смогут.

И всё, что добывали, везли в Мирный. И водой, и воздухом. В магазине ГОКа не переводились ни продукты питания, ни промтовары. Появились новые японские телевизоры, магнитофоны, «видики» и видеокамеры, всякая аппаратура, которую раньше можно было купить только в «Берёзках». Всё это ребята Сорокина везли в Мирный прямо самолётами, и всё это распродалось работникам ГОКа или в магазине, или непосредственно по цехам.

Да, наступили странные времена – ничего нигде нет, и всё где-то, у кого-то, есть. Были бы деньги. Всё можно купить, всё можно приобрести!

Только места знать надо.

Однажды зашел Сорокин в кабинет к Красноперову. Обычно они общались часто, но по телефону. Некогда Сорокину было ходить по кабинетам – постоянно в разъездах, постоянно в хлопотах – то где-то что-то приобрел, то отгружал приобретенное в аэропортах. А тут в кабинет. Собственной персоной.

– Поговорить надо.

– Ну, давай, поговорим.

– Встретил я в Иркутске интересного человека. Директор совхоза. Специализация совхоза – мясомолочное производство.

Всё у него есть – и мясо, и молоко, и масло. Сметану не знают куда девать. Настоящая у них беда – нет сбыта. Нет, конечно, покупатели-то есть, но нет доставки. Доставлять продукты своего производства совхозу нечем. Дорог к совхозу совсем нет. Совхоз этот находится на самом севере Иркутской области, на границе с Якутией. Прямо с нами граничат. Расположен – ну прямо на берегу реки. Река Лена. Да, опять же наша река. И вся связь совхоза с «большой» землёй только по реке. У него и транспорт свой есть. Речной транспорт. И буксиры есть у него, и баржи, и даже теплоход пассажирский. Люди, говорит, раньше так хорошо ездили от своих деревень до железной дороги. До ближайшей станции. При советской-то власти всё у них было. Оно и сейчас всё это есть, да нет топлива. Соляры нет. Вот и стоит весь транспорт на приколе. А сбыта продукции нет, нет и денег. Скоро кормить животных нечем будет. Кормов-то купить не на что! О зарплате в совхозе уж и не говорят, не вспоминают даже. Раньше животину на острова вывозили, загонят стадо на баржу и перевезут на остров. Там без всяких пастухов это стадо и паслось на вольных травах всё лето. Доярки только плавали на острова эти коров доить. А теперь и стадо вывезти нечем на пастбища, и тех коров, что когда-то завезли, обратно в коровники перевезти нечем. И дояркам не на чем съездить, подоить тех коров. Вода там большая, на лодке не переплывёшь. Бедствует совхоз, а помогать ему теперь никто и не собирается. Всякие райотделы в исполкомах все как повымерли. Может, поможем?

– И что предлагается?

– От нас до них на вертолёте чуть больше часа лёту. Мы можем у них и мясо брать, и молоко, и даже сметану. Флягами сметану эту можем возить в наш магазин. Свеженькую. И масло свежее, только от маслобойки. Да, да, у них там целый маслозавод!

И, главное, всё ведь предлагается по себестоимости забирать.

Считай, за копейки. Нам здесь с вами прибыль не нужна, вот и продадим людям за эти копейки! Мы между собой так порешили, что очень из этого может получиться выгодное дело.

– Встречаться надо! Давай, организовывай встречу.

– Кого включать в делегацию?

– Экономистов, включай, бухгалтерию, ну и замов включи обоих, и по хозяйству, и по экономике. Съездите сначала сами, всё обговорите, проект соглашения подготовьте, Договор грамотный. А там уж и мы, с парторгом да с профсоюзным начальством подъедем. Тогда всё и порешим окончательно. Да, тогда все решения и подпишем.

Свежие продукты ребята из коммерческого отдела стали завозить в магазин Гока еженедельно.

20

Страна менялась. И менялась очень быстро. Менялись и люди. Все какими-то стали нервными, обзлѣнными. Даже на простые обращения откликались если, не грубо, то неприязненно, со злостью и даже с оскорблениями. Куда вдруг подевались вчерашние доброжелательность, дружеское участие?

Накалялась обстановка и в производственных цехах. За многие десятилетия сложившиеся коллективы вдруг начинают чуть не ежедневно митинговать и, совсем уж новое – на серьёзных предприятиях, вчера ещё дружно работающих над выполнением государственного плана – начались забастовки! По любому поводу. Плохие дороги – не поедem! Мало зарплаты – не будем работать! И постоянно ведь находились организаторы, зачинщики! Как правило, недавно поступившие на работу. Как правило, специально откуда-то приехавшие.

Уж к нам-то, на Север – специально что-ли они к нам приезжали!

Начались разногласия в руководстве. Анатолий Верменич работал секретарѣм парткома Управления Объединения. Странное какое-то положение было у этого парткома. Он не объединял все парторганизации предприятий Объединения. На всех предприятиях были свои парткомы, которые самостоятельно входили в состав Горкома КПСС и парткому Объединения организационно не подчинялись. Тем не менее, Секретарь парткома Объединения по общему неофициальному признанию считался старшим среди партийных Секретарей предприятий, он открывал и вѣл все официальные Общеобъединенческие мероприятия – партийные конференции, партхозактивы и тому подобные собрания. Вот, Верменич и возглавлял такой партком.

Как-то Краснопѣров, будучи в Управлении, на средней галерее встретился с Верменичем. У них всегда были хорошие отношения. Встречались они по-дружески, здоровались без всяких условностей, у них часто возникали откровенные разговоры – и по текущим делам в Объединении, и по делам государственным, общесоюзным. Что, где, как...

Начиналась новая компания по выдвижению кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. В Объединении «Якуталмаз» таким кандидатом всегда являлся Генеральный директор. Да кому ещё и быть в депутатах Верховного Совета как не директору! Именно ему решать все «канительные» вопросы в Правительстве! А Депутату Верховного Совета конечно же решать их легче, хотя бы потому, что не принять Депутата ни один чиновник не имеет права, да просто не осмелится! Да и разговаривает Депутат с чиновниками не как проситель, разговаривает как законодатель! И отказать ему в чем-то – это же можно нарваться на Депутатский запрос! Да и в городе – ну кто может быть авторитетнее Генерального директора? Если он не самый авторитетный, значит он уже не Генеральный! И в самой работе Верховного Совета? Ну, кто может квалифицированнее сформулировать текущие нужды Объединения в различного рода законодательных документах? А алмазодобывающая отрасль во всех Постановлениях стратегического развития страны, как в решениях Верховного Совета, так и в решениях партийных Съездов, всегда чѣтко и развѣрнуто обозначалась. Поэтому, выдвижение Пискунова, как Генерального директора, ни

у кого не только не вызывало сомнения, но даже и в мыслях как-то не возникало сомневаться в таком выдвижении.

Но – в стране бушевала «перестройка». Кто-то, невидимый, ловко вёл разрушение страны по четко разработанному сценарию. И главным действием этого сценария, это теперь всем стало ясно, разрушить стабильность ситуации в стране – в большом и самом малом! – разрушить единство – в коллективах, в населении, смуту всякую вносить на собраниях и любых общенародных сборах, митингах. Смутьяны профессионально, как по написанному, высказывали везде и сеяли смуту, смуту, смуту...

Поздоровавшись, Верменич неожиданно предложил Краснопёрову:

– Зайдём ко мне в кабинет. Поговорить надо.

Зашли в кабинет. Посидели.

– Чай будешь. Кофе, знаю, ты не пьёшь. А чай, вот, давай заварим свеженького.

Выпили по чашке чаю. Верменич будто не решался начинать разговор. Но начинать-то всё равно надо, раз пригласил...

– Георгий Александрович, – вдруг начал он официально, – есть мнение выдвинуть твою кандидатуру в Кандидаты. В Верховный Совет СССР.

Георгий аж поперхнулся от такой неожиданности.

– Это у кого же такое мнение?

– У нас. С Сафоновым. Лев Алексеевичем.

– Толя? Ты в своём уме? Вы хотите столкнуть нас с Пискуновым лбами, или хотите пожертвовать мной, заранее зная, что вариант проигрышный, и подрубить сучок под Пискуновым? Что происходит, Толя? Куда мы идём? Что вы с Сафоновым задумали?

А ты с Пискуновым говорил? Он же директор, а ты партийный секретарь. У вас же всё должно быть совместно!

– Давай, Георгий, мы с тобой наши отношения с директором обсуждать не будем.

– Ничего себе, не будем. Ты же мне что предлагаешь? Ты же мне, Директору Гока, предлагаешь конфронтацию с Директором Объединения. Это же смута! А дурной пример, как ты отлично знаешь, заразителен! Это что же такое начнётся у нас в Объединении.

Ты, секретарь парткома Управления Объединения, это что же такое ты мне предлагаешь? Вот что, Анатолий Павлович! А давай вынесем это твоё предложение на рассмотрение парткома? А?

– Ничего никуда мы выносить не будем. Это же предварительный разговор. Вот, если ты согласишься, тогда и на парткоме обсудим. И на парткоме Гока, и на парткоме Объединения. Да и Горком подключится. И везде ты получишь поддержку!

– Даже так... Хорошо всё продумано. Это что, вы, действительно, так далеко уже зашли? Чем же это Пискунов вам не угодил? Тем, что много делает. Больше, чем вы ожидали?

– Ну, ты не обобщай. И не перебарщивай. Скоро, смотрю, во врагов народа нас запишешь. Тебе предложили, ты должен дать чёткий ответ – да или нет. И без лишних рассуждений.

– Да нет, Толя. Это вы меня, если не во врага народа, то куда-то точно уж записали. Загубить решили?

– Знал бы твою реакцию, лучше бы не начинал этот разговор. Ладно, я так понимаю, ты говоришь – нет!

– Я решительно говорю – нет! И – брось ты эту затею, Толя. Плохо всё это может кончиться. Ты что, не видишь, куда всё катится? Мы с тобой коммунисты. Мы что же, сами начинаем всё разрушать? То, к чему раньше призывали, что строили сами, защищали сами. Что, партия сама разрушает то, что сама же создала, построила? Что я завтра должен сказать своим рабочим, а, Толя? Скажи, посоветуй, ты же Секретарь!

– Не горячись. О нашем разговоре пока не распространяйся.

И не торопись с выводами!

А через несколько дней, и Сафонов вдруг проявился с неожиданной стороны.

В связи с развивающимися событиями в стране Пискунов по многу времени отвлекался от руководства Объединением. Став заместителем президента «Союза промышленников», войдя в различные депутатские организации, став членом различных партийных и околопартийных комитетов и комиссий, которые занимались организацией новой Коммунистической партии РСФСР, предстоящей её конференцией или даже съездом, он подолгу находился в разного рода командировках, подолгу отсутствовал в Мирном, не бывал не только в Управлении, но и на предприятиях Объединения.

Все нити руководства предприятиями Объединения всё больше сосредотачивались в руках Сафонова. Его обязанности давно уже переросли рамки обязанностей Главного инженера.

Но особенно возросли в сложившихся условиях его Права! Сафонов постепенно становился единоличным руководителем «Якуталмаза». И в развивающихся разрушительных процессах Сафонов не только не встал на борьбу с возникающими оппозиционными настроениями, но и, по-видимому, стал их поощрять.

В городе всё сильнее развивались митинговые движения, критикующие не только существующую власть, но и партийные, и профсоюзные органы.

Странно повели себя в зарождающихся антипартийных настроениях и в открытых противопартийных демонстрациях так же и работники Горкома партии. Они во всех таких мероприятиях оставались в стороне. Георгий сам был свидетелем: как-то вечером, на молодёжном митинге, видимо организованном городским комитетом Комсомола, секретари городского комитета КПСС, Власов, Демьянов, Председатель Горисполкома Николаев, спокойно стояли кружочком рядом с митингующими и равнодушно выслушивали откровенно антисоветские, антипартийные разглагольствования молодых активистов. Георгий даже подумал тогда, а уж не сами ли горкомовцы всё это и организовали?!

Не удивительно, что как раз в эти годы начался массовый выход из членов КПСС рабочих на предприятиях. Горком завалили заявлениями коммунистов о выходе их из партии.

Будучи на обогатительной фабрике Георгий спросил одного недавнего коммуниста, добровольно вышедшего из партии:

– Что случилось? Почему ты вышел из партии? Вступая, ты же всё знал, ты же обязался выполнять и Устав, и Программу партии. Клялся перед товарищами, что будешь всё это выполнять! И вдруг – добровольное исключение!

– Ошибаетесь, Георгий Александрович. Я вступал не в эту, не в Горбачевскую партию. Вы, руководители, как будто не видите, как будто не понимаете, что происходит! А мы, простые коммунисты, от нас сейчас уже мало что зависит, мы своим выходом из членов КПСС выражаем свой протест предательству интересов Партии! Её руководителями. Не волнуйтесь, в случае нужды мы все встанем под ружьё, на защиту интересов Родины. Вы только, начальники, не струсьте, не откажитесь от борьбы. Иначе, не за кем нам идти будет. А толпой неорганизованной, много ли сделаешь?

Однажды, по делам службы Георгий зашел к Сафонову. Последнее время они как-то реже стали

встречаться. Только на разного рода совещаниях. Георгий не заходил к Сафонову, после того разговора с Верменичем, а Сафонов Краснопёрова не приглашал.

Закончив с каким-то небольшим делом, Сафонов вдруг резко спросил Краснопёрова:

– А как твои дела на «материке»? Как продвигаются твои проекты по строительству жилья для пенсионеров?

– Жильё мы строим, Лев Алексеевич не только для пенсионеров. Для всех желающих строим. Продаём по себестоимости.

– Но пенсионерам вы же выделяете квартиры бесплатно!

– Да, тем, кто оставляет нам жильё в городе.

– А если в городе остаются в квартирах дети тех пенсионеров?

– А какая нам, Лев Алексеевич, разница, оставлять квартиру детям наших пенсионеров, работающим в системе Объединения, или выделять эти освободившиеся квартиры вновь нанимаемым, приезжим работникам? Квартиры-то все равно остаются в нашем ведомстве. Вот мы и решили, если остаются работать дети, значит пенсионер пусть квартиру детям и оставляет. Но он сохраняет при этом своё право на получение бесплатной квартиры «на материке». По-моему, это справедливо.

– Справедливо... Легко быть справедливым и вершить добрые дела за государственный счёт. Вы с Пискуновым своими «добрыми» делами разоряете Объединение! Кто вам дал право разбазаривать государственные деньги? – И всё это с какой-то откровенной злостью...

Краснопёров был поражен. Даже не тем, что сказал Сафонов, а тем, как он это всё высказал.

– Лев Алексеевич, – мягко начал Георгий. – О строительстве «на материке» есть решение Совета трудового коллектива.

И не только Мирнинского Гока, но и всего Объединения. Вы на Совете были, голосовали «за», как же теперь вот эти слова ваши понять?

– А так, что денег у Объединения нет на ваши строительные «прожекты». Будем прекращать эти стройки. На следующем Совете вам Зельберг объяснит, чего нам, Объединению, стоят эти стройки. А вы ведь ещё и на всякого рода санатории замахнулись, на бесплатные, или почти бесплатные, курортные путёвки. Так ведь нам с вами никаких алмазов не хватит.

– Еще недавно вы, Лев Алексеевич, всё это одобряли. Что происходит? Неужели ваши «оппозиционные» настроения так дорого стоят, и так далеко зашли?

– Ты вот что, Георгий! О настроениях пока помолчи! А то ведь так не только далеко, а далековато, мы с тобой зайти можем!

Это уже была открытая угроза!

Георгий долго потом размышлял – рассказать об этом разговоре Пискунову, или промолчать. Если рассказать, это же будет похоже на откровенный «донос»!

«Промолчу пока, – подумал он. – Там видно будет».

Но события развивались стремительно. Где-то видимо прошла команда – Россия созрела!

Началась активная компания против руководителей промышленных предприятий. Вышло постановление Правительства, согласованное с Профсоюзами. О Промышленных предприятиях. Там четко обозначили, что отныне директоров предприятий необходимо не назначать, а избирать! Избирать на общих собраниях, конференциях или подобных сборах трудовых коллективов. Ладно, вновь назначаемых

руководителей. Но прошла команда провести через процедуру выборов и действующих директоров! Все директора и Управляющие трестов Объединения «Якуталмаз» с возмущением отказались участвовать в этой позорной процедуре.

В Мирнинском Гоке намечался к проведению Партийно-хозяйственный актив. С подведением итогов работы прошедшего года.

Забот с отчетным докладом у Георгия особых не было, все плановые показатели выполнены – по основной продукции, экономике, финансам. Не только в целом по предприятию, но и по всем цехам. Красноперов подробнее остановился о работе по городу, где Демидов с Пановым в последнее время действительно навели достойный для северного города порядок. Особой гордостью руководителей Жилищного хозяйства стало внедрение Паспортов готовности жилых и обслуживающих город помещений к зимнему сезону. На все жилые дома, на котельные, сети отопления, на объекты канализации и водопровода составлялись теперь паспорта готовности к зиме. Паспорта эти вручались руководителям обслуживающих подразделений города и четко, в течение года контролировались по исполнению. Легче стало следить за городским порядком и руководителям всех служб города, и самим городским жителям. Количество аварий в городе резко сократилось. Особо отметил Георгий в своём докладе самоотверженную работу руководства жилищного хозяйства и всех работников специализированных служб по устранению аварии на газовой котельной прошлой зимой.

Авария произошла ночью. Как-то непонятно произошла утечка газа из снабжающего котёл газопровода. И тут же произошел взрыв. Сам котёл пострадал мало, немножко нарушена была обшивка котла, незначительно, на её восстановление не понадобилось много времени. Да и с аппаратурой, что частично вышла из строя, тоже много возиться не пришлось. Автоматчики и обмуровщики, что работали тут же, в Котельной, на окончании монтажа и ввода второго котла, быстро, за одну ночь устранили повреждения именно по котлу. Но взрывом разнесло крышу и перекрытие левого угла здания котельной, где собственно и произошла эта утечка газа. Зима. Мороз – ниже пятидесяти. К тому времени всё отопление города было уже переведено на газовую котельную. Естественно, после взрыва всё отопление города мгновенно отключилось. И запускать котёл, при температуре в самом здании котельной ниже сорока градусов, тоже дело абсолютно не реальное.

Что делать? В городе срочно, в ту же ночь, был создан городской штаб по ликвидации аварии. Возглавил штаб Лев Алексеевич Сафонов, главный инженер Объединения. Дело в том, что для ликвидации аварии пришлось привлекать подрядные и субподрядные организации, которые не входили в зону подчинения Мирнинского Гока и власти руководства Комбината для привлечения к работам этих организаций элементарно не хватало. Красноперов сам предложил возглавить штаб Сафонову, Горком партии с этим предложением согласился.

И надо отдать должное Сафонову. В сложных условиях ликвидации этой аварии Лев Алексеевич проявил себя истинным организатором. Вот уж поистине – человек познаётся в беде. В этой, общегородской беде, Сафонов проявил себя блестяще.

Сафонов в одну ночь раскрутил выполнение плана ликвидации аварии по Северной газовой котельной, которые срочно были разработаны членами вновь созданного штаба Леоненко, Главным инженером, и Ершовым, Заместителем директора Гока.

Лев Алексеевич собрал в кабинете начальника котельной, где для обогрева был установлен временный калорифер, всех руководителей строительных и монтажных организаций города, и каждому дал конкретные задания по восстановлению перекрытия и крыши котельной, с конкретными сроками окончания работ.

– Только так, товарищи, – объявил всем Сафонов, предотвращая хитрые вопросы начальников, – задания выполняются всеми привлеченными организациями беспрекословно. Вопросов, где что взять, или оттуда снимать людей – не задавать.

Каждый из вас, товарищи начальники, все вопросы организации выполнения задания обеспечивает самостоятельно. Мы в штабе решаем только проблемы технического порядка – вопросы соблюдения проектных решений и обеспечения безопасности. Контролирует нашу работу Горком партии, со всеми последствиями. Вопросы есть? Вопросов нет. За работу товарищи.

А мы займёмся обеспечением города теплом на тот период, пока снова не запустим Газовую Котельную в работу.

Все аварийные работы закончили за одну неделю. А на время аварийного простоя газовой котельной запустили старую схему с дизельными двигателями и электродвигателями. Молодцы Демидов с Пановым. Сохранили остановленные котельные в рабочем состоянии! Это и спасло город от замерзания.

Вот об отличившихся людях на ликвидации именно этой аварии и рассказал Георгий на собрании Партийно-хозяйственного актива Мирнинского Гока.

Актив уже заканчивался, председательствующий – Председатель профкома Комбината Володя Черемных – вяло вызывал ещё желающих выступить, как кто-то из «команды» Автобазы вдруг заявил:

– А что же вы, товарищи руководители, не вспоминаете о Предписании Правительства о выборах Руководителей предприятия. Вы игнорируете Постановление об этих выборах или боитесь их? Сейчас у нас полный сбор представителей цехов Комбината. Почему бы нам не воспользоваться этим собранием и не провести такие выборы?

В зале наступила абсолютная тишина. Все смотрели на Красноперова – ну-ка, как директор отреагирует!

Черемных тоже повернулся к директору.

– Как вы считаете, Георгий Александрович?

– А что ж ты меня-то спрашиваешь? – улыбнулся Георгий.

– Ты же председатель собрания! Вот и спрашивай у собрания!

Как решите, так и будет. Предложение поступило – ставь на голосование!

В зале облегченно зашевелились, напряжение сразу спало.

Кто-то закричал – «Да кому это надо!», «кончать собрание надо!» – ну, и другие, подобные же выкрики.

– Да нет, товарищи, – неторопливо объявил Черемных. – У нас полномочное собрание. От делегата Автобазы поступило конкретное предложение. Мы просто обязаны или принять его, или отвергнуть. Давайте проголосуем!

При голосовании мнения разделились, но большинство всё же проголосовало за продолжение собрания.

– Тогда предлагайте повестку, – объявил Черемных. – Автобаза, давайте, вы же инициаторы!

– Да какая повестка? Было же сказано – выборы директора!

– Ну, директор-то у нас есть. Выбирать его не надо. Значит, вопрос стоит о доверии директору. Так? Давайте сформулируем вопрос следующим образом: «В связи с рекомендациями Правительства о переизбрании действующих директоров промышленных предприятий заслушать отчет о работе Директора

Мирнинского Горно-обогатительного Комбината Красноперова Георгия Александровича и принять решение о переизбрании его на эту же должность»! Немного длинновато, но зато всё предусмотрено. Как, товарищи, принимаем такую формулировку?

– Не мудри, Владимир Фёдорович! Запиши просто и коротко: перевыборы директора!

– Как, товарищи?

– Давай второе – коротко и конкретно!

– Хорошо! Голосовать будем?

– Да зачем голосовать? И так всё ясно.

Но, тут вмешался Георгий.

– Нет уж, товарищи! Надо голосовать. Время сейчас непростое, обязательно найдётся «горячая голова» и опротестует наши решения. Скажет – собрание не решало! Так, светский, ни кого ни к чему не обязывающий разговор вели между собой, а решать ничего не решали! Никто ничего не голосовал!

Проголосовали. Приняли вторую формулировку.

Георгий снова прошел к трибуне.

– Мой доклад на этом собрании прошу принять за отчет о моей работе, так как всё, о чем говорилось в докладе, происходило непосредственно с моим участием. Более того, под моим руководством. Если говорить о загруженности, так начинаю рабочий день в восемь часов утра, заканчиваю в десять-одиннадцать вечера. Это подтвердят ваши начальники, которые частенько заезжают ко мне поздним вечером. В цехах бываю постоянно и вы это знаете. Круг рассматриваемых вопросов, приглашаю – выберете депутацию, пусть с секундомером в руках проверят занятость директора в течение дня на его рабочем месте. Я же скажу так – если с утра документы отдела кадров, а это личные дела наших работников, или поступающих на работу, или увольняющихся, «дела» эти мне ежедневно, толстую папку, приносит Эльвира Алексеевна в кабинет, на стол, так вот, если до девяти утра я эти документы посмотреть не успею, то папка откладывается до следующего утра – в течение рабочего дня эту папку посмотреть уже не получится – минуты свободной для этого нет.

Ну, вот так, если коротко, о нашей, директорской, загрузке. Ну, а о работе я подробно рассказал в своём докладе. Давайте, принимайте решение. Я соглашусь с любым, и оспаривать принятое вами решение не буду. Спасибо за внимание.

Вопросов собрание не задавало, выступающих не было.

За то, чтобы оставить Красноперова директором, собрание проголосовало – за – «единогласно».

21

Страна разваливалась. Стремительно. На глазах и с участием всех до этого «стойких и преданных строителей социализма». С их молчаливого согласия. И даже с некоторой помощью. На поверхность снова всплыли разного рода крикуны, критиканы.

Всё те же, и всё по тому же сценарию. Когда-то они кричали против «врагов народа». Потом стали кричать за «врагов народа».

Кричали за Сталина. Потом все дружно стали кричать против Сталина. Ура-а-а за колхозы – хула-а-а против колхозов. То за индустриализацию – то против. И так всегда – как только менялась власть или хотя бы конъюнктурность власти, так быстро «по теме» формировались и крикуны.

Странно повели себя в это сложное время партийные руководители. Они тоже, как будто подыгрывая, стали нагнетать обстановку. Причем, иногда прямо-таки под выдуманными предложениями, по надуманным пустякам. Не смогли в новой обстановке найти себе применения? Неправильно сориентировались? Или выполняли прямые указания из Москвы? Также – задача со многими неизвестными! Может, это сама партия, подделываясь под Горбачева, под «горбачевцев», подчинившись вечным «крикунам» – сама себя и уничтожила? Не исключено. Как-то уж очень быстро все они, партийные руководители, на местах, как-то уж очень дружно все «перестроились»!

Как-то, Пискунов, пригласив с собой некоторых руководителей предприятий Объединения, объезжал подразделения совхоза «Новый» – основной сельскохозяйственный цех Объединения «Якуталмаз». Совхоз выдавал предприятиям Объединения ежегодно более семисот тонн мяса, тринадцать с лишним миллионов яиц, полностью обеспечивал потребность в курице и цыплятах, а там ещё сметана, масло, молоко... По крайней мере, детские сады всех городов и посёлков объединения были полностью обеспечены свежими продуктами. Да ещё и в продажу населению оставалось немало.

Руководил совхозом долгие годы Цибульский, толковый и конкретный директор, и пока он руководил, совхоз работал и развивался, никогда никаких серьёзных проблем у него в работе не возникало. А если они возникали, Цибульский всегда их решал оперативно и самостоятельно. У него были отличные отношения с директорами предприятий Объединения, при любой нужде все директора, к кому бы он ни обратился, выделяли в помощь Цибульскому и людям, сколько надо, и технику, какую попросит. Ещё бы, единственный Совхоз на несколько десятков предприятий, на более чем сотню тысяч работающих. Главный кормилец! Кто же такому откажет?!

Но вот, в развернувшейся неразберихе, Цибульский неожиданно уехал, по каким-то личным причинам, на родину. В Ташкент. И, как у нас на Руси водится – только хозяин за порог, тут же и начинаются всякие «нелады». Директора толкового никак подобрать не могли, менялись они чуть ли не ежемесячно, и на фермах как-то сразу разладилась вся работа, да так, что порой Генеральному приходилось вмешиваться в события. Вот, Пискунов собрал директоров да начальников и поехал по участкам совхоза. Посмотреть на сложившиеся дела и оказать, если понадобится, конкретную помощь.

– Слушай, Георгий, – обратился Пискунов к Красноперову, после посещения одного из участков, – взял бы ты шефство над Тас-Юряхом. Ну, посмотри ты на эту нищету! Коровники разваливаются, в Клуб заходить опасно, как бы потолок не рухнул, да не придавил кого. Давай, построим пару хороших домиков, пригласим грамотных специалистов, неужели не наведём порядок? Возьмись, ты уже давно доказал, что умеешь строить. Помоги совхозу!

Красноперов тут же организовал специальный отдел по оказанию помощи совхозу, назначил хорошего организатора, кстати, специалиста сельского хозяйства, на Тас-Юряхе создал строительный участок, привезли круглого леса, запустили годами простаивающую пилораму. Всю эту «сельхоззаботу», всё это хозяйство Георгий подчинил непосредственно своему заместителю, Владимиру Полякову, и началась работа. Уже через год Тас-Юрях получил новый коровник, сразу же заложили второй.

В посёлке за лето срубили из бруса четыре коробки четырёхквартирных домов для молодых специалистов, в следующее лето решили дома достроить, отделать, запустить в работу, сдать совхозу шестнадцать полностью благоустроенных квартир, ну и закончить строительство второго коровника. Так же, полностью благоустроенного.

Людям понравилось. На собрании участка работники, поблагодарив директора за помощь, предложили – «А заберите нас в состав Гока! Как собственный сельхозцех Комбината!». Красноперов объяснил собранию, что, во-первых, этого сделать нам никто не разрешит, а во-вторых, зачем нам это. Мы помогаем совхозу, а все мы так или иначе являемся работниками объединения «Якуталмаз». И создавать

лишние структуры нам ни к чему.

Раньше, до этой странной перестройки, Горком партии обязательно обобщил бы опыт помощи Мирнинского Гока совхозу «Новый», поставил бы Красноперова в пример другим директорам да начальникам!

А тут вдруг, через какое-то небольшое время, Красноперова вызывают в Горком партии. И не просто вызывают, а поставлен вопрос на Бюро Горкома «О неудовлетворительной работе руководства Мирнинского Гока в деле оказания помощи сельскому хозяйству».

И уточняют, по телефону: «конкретно, по участку Тас-Юрях совхоза «Новый».

Оказывается, кто-то из инструкторов Горкома побывал в ТасЮряхе, вернулся в Горком и раскритиковал перед секретарями Красноперова в пух и прах!

«Жилые дома пустили в зиму недостроенными, второй коровник в зачаточном состоянии, не хочет Красноперов работать на селе, надо заслушать его на Бюро Горкома!».

Георгий возмутился.

– Никакого отчета я делать не буду! У меня что, в обязанности входит этот участок? Генеральный попросил помочь совхозу, я и делаю. А вы что, уже и в обязанность мне это вменили?

Доклад инструктора Красноперов назвал тупостью несусветной, а безграмотное вмешательство работников Горкома в эти дела назвал безделием.

– Вам что, делать стало нечего? Заняться нечем? У меня люди всё лето дома не жили, сутками работали в посёлке, в двухстах километрах от дома, за одно лето построили и сдали в полной готовности один коровник, заложили второй, собрали из бруса четыре коробки четырёхквартирных домов, со сдачей летом следующего года, а вы, вместо того чтобы поблагодарить рабочих-строителей, вы нас раскритиковали? И где вы только таких тупых помощников себе находите... – заявил он Демьянову. Отношения с Горкомом были основательно испорчены...

А дальше – еще больше... Работники Горкома, бывая в цехах Гока, да по-видимому и не только Гока, стали внушать рабочим, что надо на руководителей писать жалобы, доносы.

– Пишите анонимно! Мы всё будем рассматривать!

Куда же «двинулась» наша партия? Ну, Генсек предатель, это уже становилось ясно всем. Но мы то, на местах, почему нас-то вдруг как будто всех, разом подменили? Мы-то что «окрысились» друг на друга?

Вспомнился Георгию и ещё один эпизод...

Как-то пожилые люди целой группой пришли на приём к директору Комбината. И не только пожилые, были среди них и относительно молодые. Были они все в черном, как монахи да монашки, что ли. Со странной пришли просьбой.

– Мы уж куда только не ходили, нигде нас не понимают. Умные люди посоветовали – к директору, Красноперову, идите. Этот поймёт.

– Да в чём дело-то.

– Мы вот все собрались, верующие. А помолиться нам и негде. Мы уж не о церкви просим. Хотя бы под молельный дом нам место выделите. А мы бы уж как-нибудь сами денег собрали бы, да и церквушку какую-никакую сами бы и построили. Вот. У вас помощи просим, Георгий Александрович!

Красноперов задумался.

– Знаете что? А вы обратитесь ко мне с письмом. С ходатайством об этом деле. От всех верующих в

городе. Я так думаю, если строить, то строить надо достойный Храм для города Мирного.

Как для столицы Алмазного края! Я вас поддержу. Даже проект этой церкви закажу. Нет. Закажите вы, по своим каналам. Через своих священников. А мы примем решение, с Советом трудового коллектива, и проектные работы профинансируем!

– Да всё у нас уже готово, Георгий Александрович! Вот оно и письмо наше. Или ходатайство, это как хотите. Вот, пожалуйста.

– Таня, – позвал секретаря Георгий. – Вот эту вот бумагу зарегистрируй прямо сейчас. Нет, сама зарегистрируй. В общем отделе не затерялась бы. Зарегистрируй и верни мне. И – особенно не распространяйся. Добро?

Георгий переговорил с институтскими проектировщиками, они с энтузиазмом согласились сделать проект.

Узнали в Горкоме. Демьянов позвонил.

– Георгий Александрович! Будешь в наших краях – зайди ко мне. Поговорить надо.

– В пять часов я буду в Горисполкоме. Зайду и к вам. В пять часов устроит?

– Вполне. Заходи.

Вся «Советская и партийная власть» города Мирного размещались в одном здании. Аккуратное четырёхэтажное здание, предусматривающее размещение всех городских властей – на первом этаже разместили Горком комсомола, второй этаж занимал Горисполком, со всеми своими отделами и комитетами, третий был отведен Городскому Комитету партии. На четвёртом, в большом актовом зале проводились разные городские мероприятия – сессии горсовета, Пленумы горкома, разного рода семинары и конференции. Удобно для людей – всё начальство в одном месте. Любые городские проблемы решались без толкотни, переходов и переездов.

Красноперов, прибыв в Горисполком, вначале зашел к Секретарю Горкома. К Демьянову. Он догадывался, о чем пойдёт разговор. О церкви. С Лысенко, замом Предисполкома, Георгий уже вкратце обговорил этот вопрос. О возможности строительства в Мирном небольшой хотя бы церквушки. Важно принять решение, а там видно будет. Церквушку построим или настоящий Храм. Проектировщики что-нибудь придумают. Светлана Юрасова, главный в институте городской проектировщик, уже сказала Георгию: «Конечно. Строить так строить. Сделаем. Достойное должно быть сооружение!».

– Что же это вы, Георгий Александрович, – встретил Демьянов Георгия с «подковыркой» – церковь, говорят, решили построить в городе? И проект уже заказываете. Не стыдно? Коммунист. Директор. Вы что же, верите в бога?

– В Бога, Иван Кириллович, по-моему, все «втихаря» верят.

Только признаться в этом, даже самим себе, стесняются. У меня была целая делегация верующих. С просьбой были, помолится им негде. Вот мы и решили – быть Божьему Храму в Мирном!

А вы что, против? Времена-то другие пошли, Иван Кириллович!

Говорят – по другому сегодня мыслить надо... Перестройка, говорят, и в мозгах у людей должна произойти тоже...

– Жалко мне тебя, Георгий. Плохо ты кончишь. А я тебе постараюсь в этом помочь...

– Вот, вот. Так, Иван Кириллович, и говорите. Не я плохо кончу, а вы меня плохо кончите! Если, конечно, успеете.

Демьянов успел. Хотя партия и развалилась.

Потому, наверное, и развалилась, что наши партийцы в беспокойное время такие вот мстительные дела торопились закончить, а не о сплочении партии пеклись.

(Много позже, через несколько лет, когда Патриарх Всея Руси освещал Мирнинский Храм, узнал Георгий, что вручили Демьянову церковный орден за особое усердие в строительстве этого храма. Узнал об этом Георгий из местной городской газеты – ребята ему переслали. Прочитал Георгий и горько рассмеялся.

Вот они наши партийцы! Наши идеологи! А как ведь внушали! И мы ещё удивляемся – почему КПСС развалилась?).

Впрочем, судя по тому, как партийные руководители «устроились» после этой Второй октябрьской революции, невольно подумаешь, что это именно они, партийные руководители, совершенно сознательно и обдуманно и разрушили Советский Союз!

Советская власть тоже в эти непонятные времена или растерялась, или от всеобщей неразберихи потеряла уверенность и металась из одной крайности в другую. То собирали Советы, то их распускали. То это были Городские Советы, то городские муниципалитеты, то и ещё какие-то непонятные органы.

В Удачном вообще сочинили новую систему местного самоуправления. Там Городскую власть отменили и все права и обязанности Председателя Совета возложили на директора Горно-обогатительного комбината, на Мазура, Вадима Дмитриевича. Чтобы в одном лице всё было, решили – и директор Градообразующего предприятия, и Глава города. (фактически-то, так оно на самом деле и было!). И, с прямым подчинением Якутску!

Но, до городских начальников скоро дошло, что властный и независимый директор Удачного Мазур Вадим Дмитриевич очень быстро в неограниченной власти освоился и начинает все их предписания и распоряжения посылать куда подальше.

«Начальники» спохватились, взмолились перед Якутском – верните нам власть обратно, пусть Мазур как командовал Комбинатом, так пусть и продолжает командовать, а городскую власть как-нибудь верните уж нам. Якутск долго молчал, раздумывая, а надо ли действительно возвращать всё обратно, «на круги своя»? Пока думали, Мазур и командовал!

«Удачинцы» до сих пор вспоминают это совмещение власти Мазура – и как директора Комбината, и как Главу Города – вспоминают, как самые лучшие времена в организации жизни города.

И действительно, куда насаждают столько власти на одно в городе производство. Как вот, например, командовать городом Мирным директору Комбината, на чьём балансе город постоянно находится, когда в этом городе командуют ещё и руководители Объединения «Якуталмаз», и городской комитет партии, и городской Совет с Горисполкомом. И все сидят на Его Величестве Карате, на добываемых в городе алмазах! Ну, куда столько начальников, когда все городские проблемы решаются непосредственно Гоком?

Красноперов разработал однажды схему упрощения административного руководства городом, написал толковую Докладную записку в виде конкретных предложений сокращения этого руководства, отправил записку – В Москву, Министру Ломако П. Ф. и зам. Министра Рудакову В. В., в Якутск – президенту Николаеву М. Е..

Предлагалось – перевести Управление Объединения в Якутск.

В Мирном оставить только Управление Мирнинского Гока.

И что Красноперов получил? Нагоняй. От своих прямых начальников. А Административное

руководство над добычей алмазов увеличилось вчетверо! Теперь появились Административные и руководящие представительства и в Якутске, и в Москве!

Да... Любим мы кормить «служивых» людей.

Наконец, наступил итоговый фарс горбачевской перестройки – ГКЧП!

И организация этого ГКЧП, и результат его трёхдневного существования – всё думающему человеку говорило и подтверждало – в стране происходит гигантская, откровенная, ничем не прикрытая провокация. Да какая там провокация! Откровенная измена! И изменники – высшие руководители страны.

Становилось понятно – почему так непредсказуемо, и так невнятно вели себя партийцы на местах.

С утра, 19-го августа, по телевизору почему-то вместо обычных программ, звучала классическая музыка. Затем стали показывать балет. Утром! «Лебединое озеро»!

Это настораживало. Не то, что беспокоило, но как-то неуютно, тревожно становилось человеку. Как-то – не по себе... «Балет» по утрам у нас, в России, всегда известие нехорошее. Или умер кто-то из «значительных», или ещё какое несчастье.

Северяне, как и дальневосточники, позже всех в стране узнают новости. В том смысле, что поздно вечером узнают. Если в Москве девять утра, то в Мирном уже пятнадцать. А на Востоке так и вообще уже ночь. Темно.

Но Георгий узнал о «заварухе» в Москве рано, одним из первых. Ему позвонил московский товарищ и рассказал о происходящих в столице событиях.

– У вас там ещё тишина? У нас здесь бунт, революция, восстание. На улицах танки, стрельба, автоматные очереди. У нас здесь настоящая Война!

Москвичи против москвичей, русские против русских.

Всё. Доигрались. Доперестраивались.

Краснопёров созвал начальников цехов.

Пока люди собирались, Георгий успел внимательно выслушать обращение «заговорщиков» к Советскому народу. Ничего особенного. Никаких сенсационных сообщений. Никаких не устанавливается особых режимов.

Начальники цехов собрались быстро. В полчаса.

– Вот что, товарищи, что происходит в Москве мы с вами не знаем. И узнаем, думается, не скоро. Если вообще узнаем, что там, в верхах, творится. Но бед эти великовельможные «выкрутасы» могут принести немало. Если мы, и особенно наши люди в цехах, поведут себя неадекватно. Предлагаю и прошу вас: во-первых – набрать в рот воды. Никаких высказываний, никаких интервью – ни газете, ни телевидению. Особенно тебя, Саша, прошу, – обратился он к Збарадскому, начальнику фабрики № 3, – ты у нас известный «демократ». Потерпи, пожалуйста, помолчи, до лучших времён. Во-вторых – соберите своих активистов, пусть в цехах призывают к спокойствию. Я из Москвы почти ежечасно получаю информацию. Если узнаю что-то «из рук вон», обещаю, тут же вам сообщу. В общем, никаких, пока, не предпринимая действий. Спокойствие и порядок. Всем работать. Жизнь нам покажет, что надо делать. Связь со мной держать постоянно.

Когда все разошлись – телефонный звонок. Варавва, городской прокурор.

– Ну, и что ты обо всём этом думаешь? – и после короткого молчания: – Слушай, ты у себя один?

– Один.

– Ничего, если я сейчас подъеду? Поговорить надо.

– Подъезжай.

Красноперов вызвал секретаря.

– Таня. Сейчас сюда приедет Варава, пусть заходит сразу. И пока он будет у меня, никого сюда не пускай, пожалуйста.

– Ну, и что ты обо всём этом думаешь? – Начал, устроившись в кресле напротив Георгия, прокурор с той же телефонной фразы. – Я решил именно с тобой обо всём этом поговорить. Ты же у нас самый «приземлённый». А то начнут сейчас большие начальники о заоблачных высях рассуждать. Что происходит? Что будем предпринимать!

– Ничего пока не будем предпринимать. Успокоиться всем надо и подождать. Посмотрим, как там, в столицах, события развернутся.

– Как ты думаешь – это конец? Конец всему, чем живём, чего добились, чего настроили!

– Думаю, тяжелые времена наступают. Но за Советскую власть мы ещё поборемся.

– Что, в леса уйдём? В партизаны?

– А если случится, пойдёшь?

– Пойду. И не для того, чтобы в кустах отсиживаться!

– Ну, значит, волноваться давай пока не будем. Подождём развития событий. А по вашей линии, по линии прокуратуры, что говорят?

– Всё глухо по нашей линии. Ни один телефон в Якутске не отвечает. Потому к тебе и приехал. Дошли слухи, что ты получаешь информацию из Москвы. Значит, считаешь ничего пока предпринимать не надо?

– Ну, а нам-то, что нам-то за нужда «бежать впереди паровоза»? Давай уж развязки дождёмся. Пусть Москва думает.

К вечеру, наконец, узнали всё в подробностях, что там, в Москве, происходит. И снова решили – ну, а нам-то, Северянам, зачем напрягаться? Когда и в Москве толком не знают, чего они там сами хотят!

22

Якутия готовилась встречать Ельцина. Председатель Верховного Совета РСФСР посещение самой Северной Республики обновлённой России хотел начать знакомством с Алмазным Краем. Маршрут был разработан так, что вначале Ельцин «со товарищи» приезжал в Удачный, знакомился с самым богатым в мире алмазодобывающим Горно-обогачительным Комбинатом, смотрел алмазы в цехе сортировки крупнейшей алмазообогатительной фабрики № 12, обедал и сразу, без всякой ночёвки, и даже промежуточного отдыха вылетал на самолёте в Мирный. Здесь ужин, «ночёвка», а на второй день – знакомство с городом, осмотр со смотровой площадки карьера «Мир», обед и встреча с трудящимися города Мирного в городском кинотеатре «Якутск». Вечером того же дня – вылет в Якутск.

Всё «сжато» по времени. Городские начальники улетели в Удачный, встречать будущего Президента России, всю организацию мероприятий в Мирном – встречу в аэропорту и проведение мероприятий по посещению объектов, возложили: от Горсовета – на Зампредисполкома Лысенко, от Объединения – на Красноперова.

А подготовка предстояла немалая – нужно было прежде всего обеспечить надёжную междугородную, и – в случае, если вдруг возникнет необходимость – надёжную международную связь!

Городским связистам такую ответственную работу не доверили – связисты прилетели из Центра. А им понадобилось – специальное помещение, куда они должны разместить специальную аппаратуру, и ещё тысяча необходимых, но неизвестных местным товарищам вещей, связанных с безопасностью, охраной и много чего непредвиденного.

В гостиницу неделю никого не поселяли, всё там оборудовали и готовили для кратковременного размещения Московской делегации, сопровождающей Председателя!

Северяне удивлялись – первое посещение и так неудачно выбрали время.

Во-первых – накануне нового, 1991 года. Столько возни с предновогодней подготовкой! Не просто ведь праздник, а Новый год, святое для всякого русского событие (приезд Ельцина намечен на 27 декабря!).

Во-вторых – морозы. Температура и в городах, и в тайге давно уже опустилась много ниже пятидесяти! В такие морозы не до гостей! И встреча – не встреча, скорей бы в тепло, и прогулки по городу – одно мучение. Только на автомашине – а это какое же знакомство! Да, к тому же – туманы! Какой осмотр города в такие туманы?

Ну, и в третьих и в самых, наверное, главных – в эти декабрьские дни в Якутии можно еще и застрять надолго. Из-за тех же туманов. Северные морозы сталкиваются где-то на границе с Иркутской областью с тёплыми воздушными массами и это воздушное перемешивание выдаёт такие туманы, что порой по полмесяца и даже временами и подольше свету белого ни днём ни ночью не видно, всё укутано плотными Северными туманами. Какой там взлёт или посадка – в двух шагах ничего не видно! Подолгу в такое время люди сидят в аэропортах.

Георгий с Виктором Лысенко сидят в Горисполкоме, в кабинете Председателя, на прямой связи с Удачным.

– Что, прилетели? – бойко откликнулся Виктор на зазвеневший телефон. – Держите нас в курсе всех передвижений! У нас всё готово! Встретим прямо в Аэропорту, не волнуйтесь, всё здесь у нас есть, всё здесь у нас на старте! – Связь есть, связь надёжная, хоть об этом можно не беспокоиться.

Лысенко с Красноперовым не одни. Руководители почти всех крупных предприятий города здесь же, в Горисполкоме. Встречать же всем надо, всем вместе!

Лысенко держит постоянную связь и с Диспетчером в аэропорту.

– Ну, как там у вас, хоть чуть-чуть прояснилось?

– Нет, Виктор Петрович, нисколько. Темнеет уже, сейчас включим всю портовскую «иллюминацию», может хотя бы освещением пробьём туман?

Туман не пробил. Вскоре стало окончательно ясно – посадки в Мирном нет и не будет.

Московские гости из Удачного улетели напрямую в Якутск.

Там Аэропорт ещё принимал.

Так и не удалось Борису Николаевичу встретиться с алмазодобытчиками в Мирном. Не состоялась такая встреча и позже – не до алмазов Ельцину было. Но реорганизацию Алмазодобычи он всё же провёл.

Через некоторое время Мирный посетила ещё одна делегация Верховного Совета России – прилетел Хасбулатов с группой депутатов. Те сразу прилетели в Мирный. В аэропорту их встречали всё те же Лысенко с Красноперовым. Уже темнело – северный день короток.

Что смотреть, куда смотреть? Вечер. Побывали только на смотровой площадке карьера «Мир».

Ничего не увидели – туман скрывал даже борта карьера, не только саму выработку, со всем там смонтированным оборудованием, экскаваторами да автотранспортом. Собрались у Первого секретаря Горкома, у Власова Василия Михайловича. У Хасбулатова график посещений оказался ещё более сжатым – уже сегодня их ждали в Якутске. Предложили пообедать в ресторане – Хасбулатов наотрез отказался – лететь надо, говорят, погода может испортиться, тога засядем где-нибудь, в промежуточных селениях, век нам оттуда не выбраться!

– Летом надо приезжать к нам, тут летом такая благодать!

– Летом конечно! Только сами знаете, мы предполагаем, а ...

Столы буфетчики накрыли прямо в кабинете секретаря горкома, там и перекусили. И быстро – на самолёт.

Прощаясь, Георгий сказал негромко Хасбулатову – «Только бы вы не дрогнули, не растерялись!».

Хасбулатов внимательно посмотрел на Георгия, прямо глаза в глаза, ничего не ответил, молча, пошел на трап.

Откуда было знать Красноперову, что его прощальные слова окажутся пророческими?

23

Указ Ельцина об акционировании Производственно-научного Объединения «Якуталмаз» привёз Рудаков. Вечером, буквально в день его приезда, были собраны в кабинете Генерального директора руководители предприятий Объединения и Рудаков зачитал им Указ Президента России.

Генеральным Директором Объединения работал уже Сафонов.

Лев Алексеевич. Пискунов переехал таки в Москву, куда давно стремился, как все говорили вокруг. Что он туда так рвался Красноперов так до конца и не понял. Занимал он в Москве разные незначительные должности, то в Представительстве Объединения, то одно время исполнял обязанности даже заместителя Министра промышленности, но чем занималось это Министерство в период глобального разрушения Советских Предприятий, думается они, работники этого министерства, и сами не знали. По крайней мере, когда Красноперов, навестив Пискунова в этом Министерстве, встретил там знакомых людей и спросил их откровенно, чем они здесь занимаются, самый умный ответ был – а ничем! Вскоре это министерство ликвидировали. А ведь эта добрая сотня-полторы людей, и всех надо было поить-кормить! Вот уж поистине «левой руке нет дела до того, что делает рука правая»!

Получалось, что Сафонов был последним Генеральным Директором Объединения «Якуталмаз», так в процессе своей деятельности на этой должности ничем особо и не отличившийся.

Так, рядовой, средней руки директор, назначили, ну и работал.

И первый Генеральный директор славного Объединения, который не «Создавал», а «Разрушал». Или, вернее сказать – запрещал. Чего бы директора Комбинатов ни предлагали – И Уркин, покойный, Царство ему небесное, и Мазур, и Красноперов – всё Сафоновым или не принималось, или просто напросто запрещалось. Именно при Сафонове у Комбинатов были отобраны Расчетные счета в Банке, оставлены только Счета текущие, чтобы Объединению было куда перевести деньги предприятиям на текущие выплаты, в основном – на выплату заработной платы.

«Вы разоряете Объединение!».

И Гоки не могли уже ничего себе ни построить, ни приобрести – без ведома и согласия руководства Объединения. А вот этого согласия руководство и не давало. Сколько было денег! Сколько можно было

построить для своих работников, для своих людей!

Сколько можно было приобрести для своих трудящихся!

Нельзя! Запретить! Не пущать!

Впрочем, надо учитывать и то, что Сафонов просто не успел ничего полезного сделать. Времени не хватило.

Последний Директор. Дальше пошли всё Президенты, да вице-президенты. И не Объединения «Якуталмаз» а какой-то, кому-то, только не алмазодобытчикам, нужной Компании!

Из Указа Ельцина, который зачитал им Рудаков поздним июльским вечером в кабинете директора Объединения, директора предприятий Объединения поняли только, что отныне Алмазодобывающего Предприятия, которое вот уже четвёртый десяток лет добывает драгоценный камень Алмаз, обеспечивая техническими алмазами всю точную промышленность Страны, а ювелирными успешно торгует на мировом рынке, давая казне родной страны ежегодно более двух миллиардов американских долларов, снабжая к тому же и собственное ювелирное производство, такого Предприятия отныне существовать не будет.

Его, это предприятие, это Объединение, эту самостоятельную и самообеспечивающуюся отрасль, одного из крупнейших в мире производств редчайшего из драгоценных камней – алмаза – вдруг зачем-то надо стало акционировать. Кого-то не устраивало, что все заработанные ювелирными алмазами деньги достаются государству. Кто-то решил, что этими деньгами государство должно с кем-то поделиться еще...

В кабинете повисла мёртвая тишина.

– Вопросы есть? – закончив читать Указ спросил Рудаков.

Он так и сидел, опустив голову, ни на кого не глядя.

Все молчали.

– Тогда так, товарищи. Завтра Указ надо обсудить в коллективах. Выбрать делегатов на учредительное собрание, которое мы проведём в Большом зале Дворца Культуры. Это будет Собрание трудового коллектива, которое – во-первых даст согласие на организацию Акционерной Компании «Алмазы России», и – во-вторых, выберет делегатов на Республиканское Учредительное Собрание, которое собственно и учредит Компанию, примет и утвердит Учредительные документы. Почему Учредительное собрание республиканское? В соответствии с Указом Президента, акционерами Компании будут и Правительство России, и правительство Якутии, и некоторые другие организации, как Российские, так и Якутские.

А трудовым коллективам Объединения Президент страны предусматривает своим Указом только двадцать пять процентов всех акций, на которые будет распространяться конечная прибыль. Вот за эти наши двадцать пять процентов мы и должны участвовать в учреждении новой Компании. Не понятно?

– Да, уж. Больно мудрёно. Осмыслить, досообразить бы всё это надо!

– Досоображайте!

На этом и разошлись.

День был дан начальникам цехов на обсуждение Указа в коллективах, а ещё через день активисты Гока собрались в кабинете Директора для выработки своей коллективной позиции на предстоящем общем собрании представителей трудовых коллективов.

Вопросов было много, ответов не было совсем, предложений было высказано ещё больше, но все они принимались условно, без всякой надежды на то, что будут кем-то приняты. Или учтены в предстоящих обсуждениях Учредительных документов.

Главную идею всё-таки выработали – Горно-обогатительные комбинаты должны в этой Компании стать не только Учредителями, но и равноправными коллективными Акционерами.

«Виртуального» Акционера – трудовой коллектив – никто из активистов Гока и не понял, и не принял.

– Что значит «трудовой коллектив»? Значит никто? С кого спросить при нужде? Кто отвечает за Компанию? Какой-то трудовой коллектив. А кто конкретно? Нужно, чтобы акционерами новой Компании были Гоки! Вот, тогда Директор Гока сможет защищать интересы своего коллектива в Представительных органах Акционерной Компании.

Директору поручили отстаивать эту точку зрения до конца.

Кто-то даже потребовал – если это наше пожелание не будет принято – Учредительные документы не подписывать!

– Представляете, что может произойти? Пройдёт какое-то время, скажем, несколько лет, условия в нашей, вечно недостроенной Стране изменятся, акции членов трудового коллектива кто-нибудь, кто к тому времени наберёт определённую силу, скупит, и чья будет Компания? И где будет тот «трудовой коллектив»? Поэтому, голосуем только при условии, что это наше требование будет учтено. Вернее – принято!

– Нет, товарищи! – вмешался Красноперов. – Предлагать будем, отстаивать это положение будем, но не подписывать Учредительные документы? Нет. Это невозможно. Это будет нарушением Указа Президента. Такие категоричные решения давайте принимать не будем. Подписывать не подписывать, это ведь будет зависеть не только от нас. В формировании Компании участвуют и Правительства, и местные Администрации, и общественные организации. Наше мнение будет выслушано и учтено. Но не более того. Совсем не обязательно, что оно будет принято. Компания уже считайте создана! Указом Президента.

Делегация на Учредительную конференцию Акционерной компании закрытого типа «Алмазы России», выехавшая с многочисленными напутствиями Собрания трудового коллектива Объединения «Якуталмаз», состояла из десяти избранных на том же собрании делегатов, имеющих право голоса и право подписи Учредительных документов: Заместитель Министра, начальник «Главалмаззолото» Рудаков, Генеральный директор Объединения Сафонов, директора Алмазодобывающих Гоков Мазур, Дюкарев, Красноперов, директор Института «Якутнипроалмаз» Козеев, директор Ленского Управления «Алмаздортранс» Кругликов, начальник строительного Управления Фатеев, Заместитель Генерального директора Зельберг, и Председатель Объединённого Профсоюза Дымченко.

Собрание в Якутске проходило в Доме Правительства и было бурным. Делегации отстаивали и экономические показатели, и структурную схему, всем, даже не имеющим к алмазодобыче никакого отношения, хотелось попасть в состав Акционеров Компании. Даже по названию Компании вышли разногласия. Кто-то предложил назвать Компанию не «Алмазы России», а «Алмазы Якутии»! После шумного обсуждения приняли компромисс:

«Алмазы России – Саха»! Оно, это название, позднее и трансформировалось в известное сегодня всему миру – АЛРОСА!

Восемь административных районов республики, которые так или иначе, в силу географического расположения районов, попадали под влияния алмазодобычи, потребовали принять их в состав акционеров. Они должны иметь свою долю в уставном капитале акционеров, хотя бы по одному проценту. На каждый район.

Это предложение Якутских районов все Учредители посчитали справедливым и согласились с руководителями районов.

Но... не хватило процентов.

Вёл собрание Штыров, Председатель Правительства Якутии.

От Правительства России в собрании участвовал и вёл его, совместно со Штыровым, Председатель Госкомимущества Мостовой. Они и принимали решения по всем разногласиям. Формально, правда, они все разногласия ставили на голосование, но кто же пойдёт против Председателя Правительства!

Процентов для наделения районов Республики однопроцентным участием в Уставном капитале Компании не хватило, и ведущие собрание Штыров и Мостовой предложили – уменьшить долю трудового коллектива «Якуталмаз» с 25 процентов, как предусмотрено Указом Ельцина, на эти два недостающие для районов процента. Вместо 25 процентов оставить коллективу алмазодобытчиков 23 процента. Им хватит!

А что! Всё правильно. Получают не те, кто работает. Получают те, кто контролирует работу!

Первым возмутился Красноперов.

– А почему бы не снизить долю Госкомимущества России, или Правительства Якутии? Мы предлагаем сделать сейчас перерыв. Нашей делегации надо обсудить возникшие изменения.

Это ущемление наших интересов!

Красноперова поддержали Мазур и Дымченко. Остальные делегаты из Мирного молчали.

Мирнинская делегация собралась в небольшом помещении, рядом с вестибюлем зала, где проходило Собрание.

– Вам нельзя вести наше обсуждение, Валерий Владимирович! – сказал Красноперов Рудакову. – Вы нас просто-напросто задавите своим авторитетом. Никто против вас и слова не скажет!

– Ты хочешь сказать, что отстраняешь меня от этого обсуждения? – жестко возмутился Рудаков. – Ну, что ж. Обсуждайте!

– И Рудаков покинул совещание.

– Ну, Красноперов, держись. – Сказал мимоходом Зельберг. Тебе этой выходки начальство теперь не простит! Давай, раз ты такой настырный, ты и веди обсуждение.

– Да, давай, Георгий. Твоё ведь предложение! Ставь на голосование, что там обсуждать. Ты что, не видишь, всё уже давно решено! – это Козеев. Он явно что-то знал, но молчал.

Возмутился Дымченко.

– Я буду голосовать против этой поправки!

Мазур его поддержал.

– Нельзя нам с этим соглашаться. Что мы своим рабочим скажем! Да и с акционированием трудового коллектива, исключением из числа Учредителей самих Гоков тоже соглашаться нельзя!

– Хорошо, – объявил «председательствующий» Красноперов, – давайте решать. Но давайте договоримся – как мы здесь решим, так и там, на собрании будем голосовать. Чтобы не было у нас в зале разногласий, у нас, у самих. Согласны? А то – как бы нам потом краснеть не пришлось...

Сафонов поддержал Красноперова.

– Правильно, Георгий Александрович. У нас должно быть единое решение. Или так, или не так! То есть: или мы соглашаемся, или нет. Но мнение должно быть одно, у всей делегации. Согласны?

Все согласились. И согласились, что если даже кто и против, он соглашается с большинством, и на собрании голосует соответственно.

– Как большинство решит, так и будет! И это правильно! – подвёл итог обсуждения Козеев.

Делегаты большинством проголосовали за принятие предложенной Штыровым поправки к Учредительному договору – оставить трудовому коллективу «Якуталмаз» двадцать три процента.

Против голосовали Красноперов, Мазур, Дымченко.

Дымченко и на Собрании проголосовал было против. Но Штыров резонно заметил:

– За учреждение Компании мы должны проголосовать или все, единогласно, или не учреждать Компанию, если хоть кто-то из делегатов будет против. Вряд ли коллектив Объединения уполномочил вас, товарищ Дымченко, голосовать против создания Компании!

Дымченко растерянно посмотрел на своих коллег по Мирнинской делегации.

Нашелся Красноперов.

– Ну, чего же ты? Все же вместе решали!

Дымченко снял свой протест. Акционерная Компания закрытого типа «Алмазы России-Саха» была учреждена единогласно.

24

На Сессии депутатов Городского Совета шло обсуждение бюджета. Бюджета города и района. Тяжело шло обсуждение. Не так бурно, как нервно.

Обсуждался бюджет на 1993 год. Не все ещё понимали, в какой стране живём. Рушились привычные связи. Менялись деньги. Промышленность страны распродавали. Не за деньги даже, за какие-то непонятные «ваучеры». Все их получили, но никто не знал, что с ними делать дальше! Ломалась структура главного, градообразующего предприятия, с таким привычным и таким родным названием – «Якуталмаз»! Как будет складываться финансовая политика нового, с загадочным названием – «Алмазы России-Саха» – неизвестного никому предприятия. Даже не предприятия, в привычном понимании, а непонятной Компании! Акционерной компании! Капитализм какой-то! И сколько теперь эта компания будет выделять городу? Только тот один процент, что выторговали Главы администраций для районов в общей доле Уставного капитала, или ещё будут предусмотрены какие-то финансовые отчисления? Другими словами – кто, за счет чего, и за счет кого будем теперь содержать Город?!

Ответов на эти вопросы на Сессии не было. Председательствующий Морозкин попросил Красноперова, как директора, содержащего на балансе своего предприятия Город, выступить в конце Сессии. Ответить на возникающие вопросы.

– Лучше бы Сафонову выступить, Генеральному директору!

Эти вопросы будут теперь повторяться – зададут их и в Удачном, и в Айхале, да и в Ленске спросят, хоть там и другая немного городская структура. У Генерального всё же побольше информации. Да и прав побольше.

– Да не будет сегодня Сафонова на сессии. Рудаков улетает в Москву, Сафонов предупредил меня, что остаётся его проводить.

Так что, тебе всё о наших возможностях рассказать придётся.

– Я предлагаю это обсуждение бюджетное надо упростить.

Рассмотреть надо потребность! Работники исполкома рассчитали затратную потребность города. Никаких решений принимать не надо, просто – согласиться с расчетами Горисполкома, и в виде заявки

подать в Минфин Республики. Правительство, вместе с руководством Компании, всё рассмотрят и всё порешат.

Сейчас как раз время – в Правительстве вершатся финансовые планы. А с учетом создания Компании – какие теперь будут финансы? Перейдёт ли город на баланс Советов, или республика выделит уже из своих прибылей деньги на содержание города.

Что сейчас можно сказать? И что мы, депутаты, решить можем?

Ничего мы пока не решим, и ничего мы утверждать не можем.

Да, наверное, и не имеем права!

Представители Министерства финансов Республики, участвующие в работе городской Сессии, поддержали Красноперова, такое «половинчатое» решение депутаты и приняли.

А что можно решить, когда не знаешь, какие деньги будут в «кошельке»? Правильно депутаты решили. Вот, пройдет какое-то время, всё отладится, всё успокоится, всё «устаканится», вот, тогда и можно будет принимать конкретные решения – сколько и на что тратить!

Заседание ещё продолжалось, когда к Красноперову подошла секретарь из Общего отдела Исполкома и передала записку. От Рудакова. Срочно приглашает поговорить. До самолёта ещё часа три. Успеть обсудить надо одно дело недорешенное!

В кабинете Сафонова они были вдвоём. Сафонов и Рудаков.

– Что-то произошло? Что за спешка? – Красноперов почувствовал сразу какую-то натянутость, какую-то скованность у обоих.

– Обсудить кое-что надо, Георгий Александрович. – Начал Рудаков. – Я сейчас уезжаю, а вопрос требует срочного решения. Помнишь, ты мне однажды, в Москве, предлагал в составе Объединения создать финансовую Компанию по развитию разных видов Коммерческой деятельности?

– Помню, конечно! Не мне ли вы хотите предложить её создание?

– А кому же ещё? У тебя работают уже два строительных кооператива. И ты правильно поручил возглавить их солидным и опытным людям. Вон, Шахман уже коттеджный посёлок в Мирном заканчивает. Как у вас его называют? Красноперовка? И правильно. Новое дело, чтобы не загубить его в самом начале, на корню не загубить, должны начинать опытные, авторитетные люди. Согласен со мной?

– Что-то больно издали начинаете, Валерий Владимирович.

«Ясно! Решили убирать! Мазура убрали, командует сейчас новой компанией «Алмазы Якутии», под него вроде и создали её. Дымченко тоже убрали. Вроде даже и профсоюз собираются распустить. Ну, до этого наверное не дойдёт. Но Дымченко пока не у дел. Так! И до меня дошла очередь. Прав Зельберг. Начальство нам ничего не прощает. Не забыта наша «оппозиция» на Учредительном собрании! Интересно, какую организацию под меня решили создать?».

Сафонов молчал. Следил взглядом за расхаживающим по кабинету Рудаковым и молчал. На Красноперова не смотрел.

– Решили мы организовать инвестиционную финансовую компанию. Выделить ей от Объединения начальный капитал, скажем, переведём на счет этой компании миллионов пятьсот.

В виде займа. Или кредита – называй как хочешь. Скажем – на три года. Для развития. Заметь – кредит беспроцентный!

Именно для развития компании. Заключим кредитный договор, в нём и оговорим все условия этого

кредита. И ваучеры эти.

С ними тоже ведь надо что-то делать! Ну, получили их люди и что? Куда с ними? А задуманная компания собрала бы все ваучеры и распорядилась ими в своих интересах. Можно, скажем, вложить эти ваучеры в Уставный капитал солидной компании.

Нефте- или газодобывающей. Или ещё куда. Ну, это уже конкретика. Руководители компании сами решат, куда разместить ваучеры эти. И люди, разместив свои ваучеры, нам только спасибо скажут. Ну, а дальнейшую деятельность компании, это уже её новое руководство разработает. Подключим наш институт. Они разработают и программу, и Бизнес-план. И еще всего «вагон, да маленькую тележку», что ещё её руководители пожелают. Сам понимаешь, такую компанию кому попало не доверишь! Вот мы и надумали, предложить возглавить это дело и организовать её по-настоящему именно тебе! Возьмёшься?

– Подумать надо.

– Думать некогда. Я улетаю сегодня, а оставлять этот вопрос недорешенным не хочу.

– Нет, вот так сходу я не могу!

– Стареешь что ли? Раньше тебе никаких раздумий не надо было. Нет, если ты не хочешь, или боишься чего, то всё, забыли! Работай директором хоть до скончания века! И забудем этот разговор! Но, жалеть ведь будешь! Такие предложения может раз в сто лет возникают! Самостоятельная работа, огромная перспектива! На весь ведь мир развернуться можно!

– Соглашайся, Георгий Александрович! – не удержался и Сафонов. – Ты уже давно «выскочил из штанишек» директора рудника. Мечешься по всей стране, работу себе ищешь. И мне с тобой трудно стало. Тебя же постоянно нет на месте! Ты заметил, что я к тебе в последнее время ни с чем не обращаюсь? Хоть по производству, хоть по другим каким делам, я ведь не с тобой, я всё с главным инженером, с Леоненко решаю! А то, что предлагается тебе сейчас, это ж как раз по тебе! Ты в последнее время как раз такими делами в основном и занимаешься! Так зачем маяться, и людей вводить в заблуждение! Тебя ведь работники Управления, подчинённые твои, месяцами не видят! Давай, берись за новую компанию. А я обещаю, буду помогать, чем смогу.

Если, конечно, помощь моя тебе понадобится!

– Ну, что, Георгий! – Рудаков пододвинул кресло, сел напротив Красноперова. – Отпускаешь меня в аэропорт? Могу я лететь спокойно, зная, что ты берёшься организовать новую компанию.

Как, кстати, назовём её? Алмаз-Инвест, например, а? Сделаем её чисто инвестиционной компанией! Назначим тебя пока Директором-организатором новой компании. Оклад директора сохраним.

Ну, а когда подготовишь и утвердишь все Учредительные и другие правовые документы, там уж сам себе зарплату определять будешь. И не думай чего! Одного тебя не оставим. Введём в состав Правления Компании, будешь её равноправным членом. На твоих работников распространим все положенные «алмазодобытчикам» льготы! Ну, и всё остальное, как и для всех предприятий новой Компании – «Алмазы России-Саха». Согласен?

– Согласен, Валерий Владимирович! Отпускаю вас в Москву!

– Ну, вот и спасибо. Желаю успеха. С Богом!

Когда поздно вечером Георгий вернулся в Управление Гока, все, кого он встречал, знали уже, Красноперов больше не директор!

После сдачи всех директорских дел – а что сдавать Главному инженеру? Кабинет? Дела на предприятии Главный знает не хуже директора, а толковый Главный инженер знает ещё и получше. Особенно производство. А это на промышленном предприятии всё же основное. Всё остальное – это же элементарный быт, obsлуга. Валерий Леоненко был толковым Главным. Поэтому, Георгию долго дела передавать не пришлось. За неделю управились. И – отдых!

Это даже не отпуск! Это совсем другое. Первые ощущения – это полная свобода! Никуда не надо спешить, ни за что не надо отвечать, ни звонков тебе, ни совещаний. Свобода и ничегонеделание в первые дни оглушают! Не знаешь – куда себя деть, куда пристроится, чем заняться. И только через какое-то время вдруг спохватываешься – что за безделье? Почему не занят? Что происходит? И, наконец, на тебя обрушивается тяжелейшее – ты никому не нужен! Тебя нет! Ты не существуешь!

Георгий две недели «акклиматизировался» к безделью на даче.

У него был уютный дачный домик, в два этажа. Внизу – гараж и разные хозяйственные помещения, а сверху он поставил готовый дачный домик, какие в городе строила Геологоразведка. Специально, для дачников строили, и продавали свободно. Недорого, просто. Поставил готовый домик на заранее построенный «гараж» и получилось оригинально, практично и красиво. С таким архитектурным вывертом, чего не было у соседей. Со второго этажа просматриваются все окрестности – не так тоскливо, когда один. А Георгий первые дни проводил именно в одиночестве! Отдыхал. От суеты, от занятости, от забот, от всенужности. Отдыхал! Спал, читал какие-то книги – без разбора, подряд, что попадалось под руку! И снова спал! Отсыпался. И так – аж две недели!

Ладно, хватило ума перед «вселенским безделием» дать юристам задание по разработке Учредительных документов создаваемой Компании. Юра Петелин, один из лучших в Объединении юристов, всё подготовил и привёз Георгию для изучения прямо домой, на дачу.

Компанию зарегистрировали в течение месяца. Георгий привлёк опять же толковых специалистов для разработки Программы деятельности новой компании. Всё же хотелось сделать её что-то производящей, не перерабатывающей только финансовые варианты.

Да и какие финансы? Не Банк всё же, производственная Компания. И – чтобы как-то уйти от посредничества.

В общих стратегических формах оговорили будущую деятельность – строительство жилья для Северян на «материке», и обработка алмазов. А что! Пора Объединению создавать собственную огранку!

Для разработки такой Программы нужно время, тут спешить опасно. Даже вредно. Такая проработка требует времени. Тщательности, даже кропотливости. И требуется свобода такой проработки, без ежедневного «опекунства», без «понукаания».

У Георгия опять появилось свободное время.

Как-то, поздно вечером позвонил Сафонов.

– Как, Георгий Александрович, не устал ещё «от нечего делать»?

– А что, есть возможность поработать?

– Есть возможность поучиться. Новому делу, за которое ты берёшься!

– И что такое?

– Тут бумага пришла. Интересная. Высшие экономические курсы. В США! Семинар Академика Василия Леонтьева. Знаешь такого?

– Это, который лауреат Нобелевской премии? Помню. Разработка восстановления экономики Японии

после Второй мировой войны? Так кажется?

– Молодец, помнишь. Так ты зайди завтра. Сначала в Отдел кадров, а потом ко мне. Обо всём и договоримся.

Поездка была ошеломляющая!

Оказывается, Совет по торгово-экономическому сотрудничеству с зарубежными странами США создали в России, в Москве, Американскую фирму «Аваком Интернейшел Инк» для обучения руководителей крупнейших Советских промышленных предприятий в Высшей экономической школе США «Леонтьев бизнес семинар», под руководством Лауреата Нобелевской премии, Американского Академика, с русскими, правда, корнями (первая волна эмиграции), Василия Леонтьева.

Да! Готовили американцы Россию к свободному рынку! И готовили тщательно...

Состав участников Семинара, в котором участвовал и Красноперов, был достаточно солидным. Проходили новый курс рыночной экономики Директора, Главные инженеры, Главные бухгалтера таких предприятий, как «Роснефтегаз», «Юганскнефтегаз», «Куйбышевнефть», Целинный горно-химический комбинат, «Северовостокзолото» и «Армзолото», Одесский портовый завод, «Якуталмаз», ВО «Зарубежэкономсервис» и ещё ряд крупных предприятий из бывших Советских республик, а теперь стран СНГ.(Украина, Белоруссия, Казахстан). Народ собрался толковый, общительный, весёлый. Кроме учебы проводились интересные экскурсии, встречи с деловыми людьми.

Занятия проводились в разных городах и «семинар» постоянно куда-нибудь переезжал. День-два – и группа снова в пути, снова «на колёсах». Жили в пятизвёздочных гостиницах, кормили в ресторанах. Посетили с этим семинаром Нью-Йорк и Вашингтон, Хьюстон и Лос-Анджелес, съездили специально на Ниагарский водопад в Канаде.

Лекции на семинаре читали ведущие специалисты Министерств и ведомств США, ведущих Американских и Мировых банков, Университетов.

Так, «Основные принципы рыночной экономики» – прочитал профессор Нью-Йоркского Университета, Программу Правительственной финансовой помощи странам СНГ – директор Управления Энергетики, базовых отраслей промышленности Министерства торговли США, «Роль Федерального Правительства США в развитии нефтегазового сектора России» – читал Директор программного развития того же министерства, ну и другие специалисты. Всех не перечислишь.

Участники семинара посетили Космический центр в Хьюстоне, побывали на автобусных экскурсиях по всем городам, где проводились семинары, в том числе по Вашингтону, Нью-Йорку, Хьюстону, посетили Штаб-квартиры нескольких корпораций, Банков, побывали на Нью-Йоркской фондовой Бирже. На встречах с руководителями крупнейших промышленных, финансовых фирм и корпораций заводились интересные знакомства, обсуждались взаимные интересы, возможности сотрудничества.

В заключительный день Семинара состоялась многочасовая беседа с Нобелевским лауреатом. Леонтьев рассказал о своём участии в работе, вместе с группой солидных Американских ученых-специалистов, над программой развития экономики СССР.

Эту разработку они вели по просьбе (и по заказу!) Н. И. Рыжкова – Председателя Правительства СССР.

– Странно, что ваш второй Съезд Советов даже не захотел как следует выслушать доклад Рыжкова. То, что происходило в тот день в Москве, в Кремлёвском Дворце Съездов – это позор и для сегодняшней России – высший законодательный орган не захотел обсудить программу дальнейшего развития собственной Страны, улучшения жизни народа, который их, этих депутатов и выбирал, который им, своим депутатам, доверил решать судьбу страны, решать собственные судьбы! В критические годы их жизни, в

критические годы развития Страны, более того, при условиях, когда решалось само существование этой страны!

И на многие годы вперёд! В разработке той Программы участвовали лучшие в Мире учёные разных профилей экономической науки и промышленности. Уверяю вас – вы опытейшие представители промышленности России, поэтому я вам это и рассказываю – если бы Съезд хотя бы выслушал, пусть даже и не принял, но хотя бы обсудил подготовленную нами Программу – Союз бы сохранился, а доведённая до кризиса экономика ваша пошла бы на оздоровление. И вообще, я вам признаюсь, раз уж мы тут с вами говорим откровенно – Экономика Советского Союза, в лучшие её годы, была одной из самых стабильных экономик Мира. Вы прослушали курс лекций по ведению хозяйства, по организации «рынка» в одной из передовых экономических систем Мира. На что вы обратили внимание? Прежде всего? Кто выскажется?

Георгий не выдержал.

– Разрешите мне!

– Представьтесь, пожалуйста.

– Директор Мирнинского Алмазодобывающего Горно-обогатительного Комбината, – Георгий назвал себя. (В командировочном Удостоверении Красноперов значился пока ещё Директором Комбината). – Это в Якутии. Город Мирный.

– Якутия? Ничего себе! Я, к сожалению, так и не сумел побывать в Якутии, хотя всегда мечтал об этом, очень хотел этого.

Не пришлось. Точнее сказать – не получилось. Всё какая-то занятость, дела какие-то! Вправду говорят, что «человек предполагает, а Господь Бог располагает»! Ну, ладно! Коротко, скажите мне, на что вы обратили особое внимание, какую особую закономерность уловили вы из наших лекций? Чем, какой идеей мы смогли бы объединить все наши семинары, все прослушанные лекции в одну, общую тему? Не тему даже, а в одну общую характерность? Закономерность. Вы понимаете, о чём я?

– Я понимаю, Василий Васильевич. Сразу оговорюсь – это моё личное впечатление, я его никому не навязываю, и если я неправильно всё понял, я готов пересмотреть свою позицию. Потому что – это не какая-то убеждённость, это мое предположение.

– Вы начинайте не с извинения своего, не с оправдания точки зрения, а выскажите вначале её, выскажите это своё предположение!

– Нам давали организацию производства и финансовые отношения на примере различных Фирм, Холдингов, Корпораций.

И внутри этих организаций прослеживается очень строгая финансовая дисциплина. Всё, абсолютно всё централизовано! Всё исходит из Главной Штаб-квартиры. Производственные и финансово-экономические планы-задания спускаются исполнительным предприятиям и даже цехам, расписываются не только по месяцам, и даже не только по суткам, расписываются даже по часам. К такому-то часу, дню, месяцу предприятие обязано выпустить столько-то машин, или механизмов, или каких-то других видов изделий – по строго утверждённому графику СВЕРХУ!

При этом должно быть истрачено столько денег и столько-то других материальных затрат! И не больше! Это что, не плановая экономика? У вас всё это разработано в пределах одной Фирмы.

Мы же пошли еще дальше – у нас, в СССР, такие плановые задания разработаны для экономики ВСЕЙ Страны. Чем же наша Всесоюзная «плановая» экономика хуже вашей капиталистической «плановой» экономики для отдельных предприятий?!

Леонтьев присел на кресло к столу.

– Ну, спасибо, молодой человек. Я знал, что у меня будут толковые «студенты», но чтобы настолько! Я рад. Нет, честно, я откровенно рад, что вы поняли самую главную суть всего Семинара. Я эту мысль хотел вам преподнести вот, сейчас, под конец наших занятий, как открытие, чтобы вы осознали, что экономика вашей страны, со всеми её издержками, является лучшей экономической разработкой в Мире! Все, самые могущественные Фирмы, Компании, Корпорации разрабатывали свои внутренние финансово-производственные схемы, взяв за основу ваши, Советские разработки! И прав ваш коллега, то, что лучшие экономические умы на так называемом «Западе» разработали для отдельных организаций, предприятий, заводов, компаний и корпораций, Советские экономисты давно уже применяют в масштабах всей страны. Да какой страны! Одной из крупнейших, одной из могущественных стран Мира – и по площади, и по населению, и по объёмам производства. Так было! И не надо вам уподобляться, как это сейчас модно в России, «иванами, не помнящими родства». И я рад, что на наших лекциях, на нашем Семинаре, вы сами вывели эту закономерность. А мне не пришлось преподносить эту идею, эту основу построения нашего, «капиталистического» предприятия, как неожиданное для вас открытие.

Затем слушателям Семинара Академика Леонтьева вручили почётные дипломы, подарки – в виде модной модели делового кейса, «семинаристы», как слушатели Семинара шутливо называли себя весь этот учебный месяц, сфотографировались все вместе на память и разъехались по домам. Кто-то ещё остался в Америки по своим делам, кто-то, и таких оказалось большинство, вылетели в Москву.

В самолёте к Георгию подошла Валентина Ефимовна, главный бухгалтер Промышленного Объединения «Северогазпром» с бокалом шаманского.

– Георгий Александрович! Вы наш спаситель! Вы отстояли нашу честь, честь бухгалтеров и экономистов, директоров и специалистов, вы подняли наш престиж перед самим Леонтьевым!

Мы вот с девочками хотим сказать вам спасибо и провозгласить тост за ваше здоровье!

К тосту присоединились все участники Семинара, кто был в самолёте.

26

Георгию долго не давала покоя эта мысль – почему, зачем Леонтьев, этот великий экономист, этот академический разработчик лучших схем развития капиталистического мира – зачем он завершил семинар своего имени для Советско-российских специалистов этим странным выводом – все лучшие экономические схемы в мире приняты по разработкам советских экономистов?

А что же наши? Великие либерал-демократы, политики и аналитики, что же это они-то так усердствуют в своих разоблачениях всего советского? Выходит – выросли на советском, получили, нет, не что положено, получили, что хотели, от советского, и теперь советское же и критикуют? По заказу? За большие деньги?

Да уж, денег «Запад» не жалеет. На подкормку «антисоветчиков». Да и не обязательно антисоветчиков! На всех не жалеют, кто из России, кто из бывших Союзных республик, всех принимают и привечают, учат и переучивают. В этом Георгий убедился, побывав на Американском семинаре.

Да и в Мирный господа Учителя зачастили после девяносто первого года. Каждый месяц уважаемые профессора из известных Экономических школ «дальнего», как теперь говорят, Зарубежья, приезжают в Объединение с публичными лекциями по организации рыночных отношений в России. Жили сто лет без иностранных учителей, жили и работали не хуже других, счастливы были и веселы, и вот, на тебе, обрушили рыночную науку на российские неразумные головы!

Однажды Красноперов задал свой вопрос очередному профессору, с энтузиазмом рисуя слушателям схему Управления американским предприятием. Та же, жесткая вертикаль властных распоряжений, плановых заданий, централизованного финансирования.

– Вы нам показываете схему управления одним предприятием в составе крупной производственной фирмы. По сути дела вы нам рассказываете о полном экономическом бесправии этого предприятия в системе Фирмы. Всё у них централизовано! Но ведь наша, так называемая «плановая» экономика, построена на тех же принципах, по тем же управленческим схемам, с тем же жестким централизованным финансированием. Правда, с большей самостоятельностью и большими правами предприятий перед Государством, чем ваши «свободные» и «независимые» предприятия перед своими Фирмами. Но у нас это, такая, как вы нам рисуете, схема, она у нас действует не только в пределах одного предприятия, у нас это работает в пределах всего Народного хозяйства страны! Так в чем же новизна вашей лекции?

Чему вы нас учите? И почему ваша «плановая» экономика лучше нашей, плановой?

И зал, заполненный специалистами Объединения «Якуталмаз», специалистами самого высокого уровня, не только по образованию, но и по огромному производственному опыту – зал на Красноперова «зашикал»!

– Вечно этому Красноперову больше всех надо! Сиди и слушай! Нечего умничать!

Вот так внедрялся «американский» образ мышления в головы наших специалистов!

Все планируют. Весь Мир. И жизнь планируют, и производство, и деньги. И государственные, и деньги частного бизнеса, и свои собственные. Не будешь планировать – прогоришь!

В последние годы Красноперов с разными делегациями побывал во многих странах Мира.

Побывал на обоих американских континентах, в Европе – практически во всех странах, кроме Италии. По Европе они с группой товарищей прокатились на автомобиле. Побывали они и в Индии, Японии. Объехали практически всю Африку. И везде они тщательнейшим образом знакомились с известными предприятиями, организациями. Посещали Банки, финансовые Компании и Корпорации.

И везде, даже на самых небольших предприятиях сталкивались с жесточайшим планированием производства! Да, на тех предприятиях, где они были, они видели организацию производства высочайшего уровня, самый передовой уровень механизации. Но особенно поражает воображение любого, понимающего хоть что-то в производственных процессах, человека на зарубежных предприятиях, так это – повсеместная автоматизация. На одном из заводов «Камацу» в Японии они видели полностью автоматизированный токарный цех. Два десятка станков работают, обрабатывают детали, автоматы забирают у станков готовую деталь, доставляют её в склад готовой продукции, забирают оттуда новую заготовку, подвозят и устанавливают для обработки на токарный станок, и снова забирают и отвозят на склад готовую деталь. При этом в цехе нет ни одного человека! Ни одного рабочего. Георгий с Николаем Чирковым стояли на переходном мостике и глядели на этот невиданный никогда прежде процесс, как замороженные. Не верили своим собственным глазам – цех работает без единого человека!

– Что, Николай Иванович! Не кажется тебе, что мы смотрим на будущее нашей цивилизации?

– Да, Георгий Александрович! На будущее! Только какое? У нас на дворе конец двадцатого века. И уже целые цеха работают без участия человека. А что будет ещё через сто лет, к концу двадцать первого века? Когда вся промышленность перейдёт на автоматику? Где-то будут работать автоматические станки, где-то людей заменят роботы. И куда подеваются те люди, которых заменили автоматы? Капиталист же их просто поувольняет!

Выгонит! Значит – к тому времени нужно будет избавиться от капиталистов? От «эффективных

собственников», как их называют сегодня в России! Значит что? Снова забастовки, бунт и революции? Уже не в отдельно взятой стране, теперь уже во всём мире! Или – всеобщая, всемирная безработица? Этого вы, Георгий Александрович не видите с нашего мостика? В этом, полностью автоматизированном цехе?

– Да, Николай Иванович, с «такого бока» я на эту автоматизацию не посмотрел... Но ведь, впереди сто лет! Придумает еще что-нибудь человечество!

– Придумает, конечно. А есть они у человечества, эти сто лет? И – впереди ли они?

Конечно, специалистам из Союза есть и необходимость, и польза от знакомства с организацией работы зарубежных производств.

И польза немалая – есть там чему поучиться! Но – не более того.

Есть и в России, на Советских предприятиях, тоже есть чему поучиться. И это не раз признавали зарубежные специалисты.

Были как-то в гостях, на карьерах Мирнинского Комбината, горняки из Австралии. Привезли их на смотровую площадку карьера «Мир». Долго изучали панораму карьера австралийцы, никак со смотровой площадки уходить не хотели. Слаженная работа мощных экскаваторов в забоях, натужный рёв двигателей «ползущих» по уступам карьера нагруженных алмазоносной рудой автосамосвалов, заморозили гостей.

– А как вам удаётся содержать в идеальном состоянии такие крутые Уступы? Такого градуса наклона мы на своих карьерах никак достичь не можем! Так, на глаз, градусов шестьдесят с лишним выдерживаете?

– Удерживаем семьдесят. При общем, «генеральном» уклоне карьера в сорок пять.

– Да. Молодцы. У нас сорок пять только самих Уступов. Мы ехали к вам, ну, думали, расскажем этим русским, как надо содержать Карьеры! Теперь видим, не вам у нас, нам у вас многому надо учиться! Впрочем, приезжайте и вы к нам. Нам тоже есть что показать. Особенно понимающему гостю!

Планируют производство везде, во всех странах. Схемы планирования, конечно, разные. Вот, например, что увидели советские специалисты во Франции. Делегация в выходные дни поехала экскурсией посмотреть одно из семи Чудес Света – «Замок Святого Михаила». Что на Севере Франции. Через всю страну надо ехать.

По пути следования посетили Замок Фуко, Французского Министра финансов времён Людовика XIV. После посещения Замка пообедали в уютном кафе, что находилось рядом с достопримечательностью. Обедали громко, с восторгом обсуждали увиденное.

Неожиданно к ним подошел довольно пожилой француз, и заговорил с ними по-русски!

– Рад приветствовать земляков! Рад случаю поговорить на родном языке! Это такая редкость – сегодня почему-то мало стало к нам ездить русских! Что там у вас происходит, в вашей прекрасной стране? Что вы всё «бурлите и бурлите», что вам не живётся спокойно? Вы так многого достигли, вами так восхищался весь мир, и вдруг слышим – в России опять Революция!

Что, опять расплодилось «Буржуины»? Я живу напротив этого кафе. Вон, видите, через дорогу? Это мой дом. Я приглашаю вас посетить моё хозяйство. Очень прошу, я так дано не встречал Русских! – Француз говорил непрерывно, но был так доброжелателен и настойчив, что отказать ему было невозможно. Русские зашли к нему в гости.

– Я пенсионер, – рассказывал француз. – Я всю жизнь проработал на заводе «Рено». Жуткая, знаете ли работа. Конвейер безжалостен и неумолим. Прорыть не даёт никакого, в течение всей смены. Смена у нас восемь часов. Так знаете, не то что покурить, на секунду, скажем, воды попить, отойти от конвейера нельзя. Немногие у нас дорабатывают до шестидесяти, когда можно уйти на пенсию с полной выплатой

пенсионного пособия. Уходят чаще всего в пятьдесят – пятьдесят пять, когда тебе пенсию начисляют только семьдесят-семьдесят пять процентов от максимальной. Я ушел в пятьдесят два. Здоровье стало пошаливать. А вон там – брат мой, он в соседях живёт. У него собственная ферма. Зерно выращивает, пшеницу. По контракту с государством.

– У вас что, у фермеров есть контракт с государством? Нельзя ли подробнее рассказать об этом? Значит, государство участвует всё же в развитии вашего сельского хозяйства?

– А как же? Участвует. Оно выдаёт фермеру план годового производства. В виде государственного заказа. А без этого разве фермеры выживут? У вас-то с этим всё дано отработано. У вас же государственные и колхозы, и совхозы. Но наши фермеры тоже работают в тесном контакте с Министерством продовольствия.

Фермеру выдаётся государственный заказ. И фермер не имеет права его не выполнить – его за это оштрафуют. Но и перевыполнить заказ фермер тоже не имеет права! Иначе будет перепроизводство. И зерно придётся выбрасывать. Или хранить до следующего урожая. Но это дорогое удовольствие. Хранить зерно нисколько не дешевле, чем его вырастить.

– А бывает так, что государству в текущем, скажем, году не надо столько зерна, сколько может вырастить фермер – в соответствии с тем же прошлогодним госзаказом? Тогда как поступают?

– И так бывает тоже. И вы знаете, не так уж и редко! Тогда государство заключает с фермером контракт только на нужный объём. Ну, к примеру, у вас с государством Контракт на сорок тысяч тонн зерна. Но произошел какой-то сбой. Перепроизводство, или недореализация. Причины могут быть разные. Тогда фермеру выдаётся госзаказ на потребное количество, ну, скажем, к примеру, на тридцать тысяч тонн. И фермер при этом потерь или убытков не несёт, так как государство за недопроизведённые десять тонн фермеру доплачивает! Выплачивает деньгами! За недополученное зерно. В виде государственной дотации. А как же?

Вина государственных структур, не вина фермера, что он меньше в таком году выращивает зерна. И фермер страдать от государственной недовостребованности не должен. Вот такая у нас Плановая экономика. А как же! Всё планируется, иначе не выжить!

Гости, вместе с хозяином и подошедшим к гостям из России братом – фермером, заканчивали беседу в уютном винном погребе, за глиняными кружками пахучего сухого вина.

– Всё своё, всё сами производим, не беспокойтесь. Ничего в этом доме покупного нет – всё производим сами. Сами же и потребляем!

– Давно из России?

– Давно. Ещё до Революции родители переехали. Сюда. Во Францию. Родитель мой служил по дипломатической линии.

Вот и остался здесь. Продолжал работать по той же линии. Думали у вас там, в России, ненадолго всё заварилось. Да, видишь, как всё обернулось. Но мы о России всегда всё знали, всегда всё помнили. И в семье у нас говорили только на русском языке! Мы ведь и родились здесь, во Франции, в Париже. У меня в Париже и квартира есть. Дочь там, тоже уже с семьёй, проживают. А мы здесь, в деревне. Брат вон работает ещё, зерном промышляет, а я, как говорят у вас в России, сач-ку-ю!

До «Святого Михаила» Россияне ехали с песнями. Хороший француз, хорошо погостили.

Компанию назвали «Инвесталмаз». Не «Алмаз-Инвест», как предлагал Рудаков, а именно «Инвесталмаз». После долгих, конечно, раздумий и споров. Алмаз-инвест – это вроде как инвестирование алмазами. А Инвесталмаз – это как бы подразумевает инвестирование в Алмазы, и во всё, что там с ними связано...

В общем, назвали и вот уже более года работают.

Да, конечно, год был не лёгкий. Революционный год. Знаменитый 1993-й. Тут и восстания в разных регионах страны, и война кавказская, и бунт Верховного Совета с расстрелом «Белого Дома». А год формирования любой Компании это же налаживание связей, контракты, сделки. А кто этим будет заниматься во время войн да революций?

Конечно, помогало родство с солидной компанией, каковой и была для новой организации мощная и авторитетная «АЛРОСА».

Красноперова ввели в состав Правления «АЛРОСЫ», и он в своей работе довольно продуктивно использовал ценный мандат.

По крайней мере, за прошедший год Компания не только создавалась, образовывалась, налаживала полезные связи, но она и действовала. Она построила и заселила северянами 70-ти квартирный дом в Ярославле, кроме того, через долевое участие в строительстве домов с разными организациями, особенно с Киселёвым, директором завода «Строймеханизация», с Тиховым, директором Норского кирпичного завода, с некоторыми Ярославскими Стройтрестами, Красноперов получил для Северян в областном городе ещё более шестидесяти квартир. Через тесные связи со строительной фирмой Виктора Пуреца, Красноперов завёл тесную дружбу с ярославским совхозом «Заволжье» и получил земельный участок для коттеджного строительства почти в шестьдесят гектар. Прямо на берегу Волги. Место – просто шикарное!

Через реализацию «ваучеров» «Инвесталмаз» вошла в Акционеры нескольких крупных Компаний и организаций, стала совладелицей двух солидных заводов в Подмоскowie, заполучила солидный пакет акций у некоторых Московских гостиниц, в том числе таких солидных, как «Москва» и «Минск».

Имела Компания к концу года в своём активе тридцать процентов в Уставном капитале Мирнинского «Макбанка» и пятьдесят процентов Московского «Росдомбанка». Хорошим было и наполнение Расчетного счета Компании: на счетах Компании в разных Банках Москвы, Иркутска и Мирного Компания имела 16 миллиардов рублей и более четырёх миллионов долларов!

С таким Балансом Красноперов и отчитался перед акционерами за первый год жизни и работы Компании. Получил от Собрания Акционеров полное одобрение и напутствие – больше строить жилья для Северян на «материке»! Как в любом регионе России, так и в любых других республиках бывшего уже теперь Союза.

– У нас в Якутии люди работают отовсюду! Везде жильё нам пригодиться. Стройте, а мы всегда вас поддержим!

С таким напутствием вступила новая Компания во второй год жизни своей и работы. Но главным итогом прошедшего года Георгий считал даже не финансово-экономические успехи Компании. Не это было главным для Компании в год её формирования. Главным Георгий считал – налаживание связей. С разного направления деятельности Компаниями других городов, регионов России, Украины. И налаживание связей с деловыми людьми, с интересными Компаниями зарубежных стран.

Однажды, встречаясь с Московскими строителями на ВДНХ, Красноперов познакомился с владельцем небольшой строительной фирмы Сергеем Яковлевым. Георгий как раз подыскивал вот такую небольшую строительную организацию для строительства дома для себя родимого. Что ж, дело шло к тому, что с

Севером пора заканчивать, перебираться надо в Центр.

В Москве Георгий не хотел останавливаться: шумно, хлопотно, да и большие потери времени. Количество автомобилей в столице росло стремительно, даже не ежегодно, и даже не ежемесячно – с каждым днём всё труднее и труднее становилось ездить по Москве. Даже по ночам. Ещё не было многокилометровых «пробок», но «заторы» уже по некоторым направлениям случались солидные.

Квартиры в Москве у Компании были: кроме всего прочего Компания попробовала и «квартирный» бизнес. Купля-продажа. Покупали по-дешевке, делали солидный ремонт и продавали подороже. Но вскоре выяснилось, что этот «бизнес» иногда получается «себе дороже»: затраты первоначальные большие, а реализация в те начальные годы Российского «капитализма» была никудышной. Обнищал народ! Не на что покупать солидные квартиры было. Да и деньги... Деньги так стремительно обесценивались, что опасно было оперировать большими суммами – вмиг обанкротиться. Поэтому, решили пока отойти от квартирного бизнеса. Поживём, дальше видно будет! Конечно, квартиры в Москве будут дорожать. Но когда это ещё будет! Хотелось зарабатывать много, быстро, сейчас!

Георгий давно уже присматривался к земельным участкам в Подмосковье. Стоила земля за пределами Кольцевой дороги в те девяностые годы буквально «копейки». Присматривались Красноперовы всем семейством и к готовым, или недостроенным домам-коттеджам в том же Подмосковье. Но не в «дальнем», в ближнем, конечно, Подмосковье. Чтобы не дальше пятнадцати-двадцати километров было. От Кольцевой дороги, конечно. Вот, для строительства такого семейного дома на приобретённом земельном участке и подбирал себе строительную бригаду или небольшую, но самостоятельную, фирму Георгий.

Разговорились с Яковлевым. Тот, да, подтвердил, сделаем! «У нас и материал уже есть, кирпич остался от завершенной стройки. Я всё думаю, куда бы его увезти. Давай свой участок. Пока там у тебя все оформления закончатся, я тебе на дом твой завезу все материалы. Адрес только давай побыстрее». Вот, так всё хорошо определилось!

Уже через год семейство Красноперовых въехали в свой собственный дом на окраине города Щелково, в частном его секторе, в тихом, спокойном жилом уголке, на берегу неширокой, светлой речки Уча. Всего лишь в пятнадцати километрах от Москвы.

– Знаешь, – сказал Георгию однажды Яковлев. – Есть в Канаде одна машиностроительная фирма. Небольшая, но очень успешно действующая. Владеть ею братья Коза. Да, вот такая у них фамилия. Через наших канадских друзей они вышли к нам с предложением. Учитывая, что ты, как сам рассказываешь, собираешься увеличивать объёмы строительства жилья для Северян, тебе это предложение, думается мне, покажется интересным. У меня есть от них кое-какая документация – «бизнес-план», предпроектные проработки – хочешь посмотреть? Могу передать тебе всю документацию. Посмотри, не торопясь, покажи своим специалистам. Если заинтересуешься, познакомимся поближе со всеми делами этими, даже съездим в Канаду, посмотрим всё на месте. Мне показался интересным проект этого канадского предложения. Понимаешь? Речь идёт о строительстве у нас, в России, завода по производству недорогих, из дешевых материалов, коттеджей. К тому же с простой и быстрой технологией сборки. По рассказам братьев Коза, у них в Канаде, тоже в северных районах, такой коттедж собирают за одну неделю. Представляешь? Тут не только жильё для северян, тут прибылью огромной пахнет!

Посмотришь?

Георгий забрал документацию. «Почему бы не посмотреть!

Строителям институтским покажу, тоже пусть посмотрят. А вдруг стоящее дело!».

Георгий увёз документацию в Мирный, показал специалистам, строителям-проектировщикам в

Институте, они посмотрели, показали Институтскому начальству и все подтвердили, что да, проект интересный, технологичный, экономически выгодный. Может пригодиться не только для центра России, может вполне осуществится и в Якутии.

Георгий подготовил обоснования в виде Пояснительной Записки и вышел на Рудакова.

– Интересная идея! И вполне осуществимо. Готовь материал для рассмотрения на Правлении! Обещаю поддержку.

Правление решило: выделить Компании «Инвесталмаз» для внедрения Канадского проекта фирмы «Патэкс» восемь миллионов долларов. В виде беспроцентного займа!

Окрылённый доверием и поддержкой Красноперов, с группой строителей и проектировщиков, вылетели в Канаду для изучения проекта на месте, для заключения Договоров.

На месте всё оказалось ещё привлекательнее, чем в «Бизнесплане».

Во-первых, завод. Всё оборудование завода смонтировано на месте, в шести километрах от небольшого американского городка Дулт, что на границе с Канадой. Завод стоит уже более двух лет. Остановлен из-за отсутствия сырья – мелкой древесной щепы, любой породы лиственного дерева, что в Российских лесах сжигается бессчётно при санитарных вырубках-очистках лесов. Оборудование законсервировано грамотно и тщательно – в смазке, завернуто целлофановой плёнкой. Завод готов к работе – снимай плёнку и запускай! У Георгия даже мелькнула мысль: «может запустить его здесь, в Америке?

И возить готовую продукцию в Россию. Здесь завод стоит чуть больше двести тысяч долларов. Американских. А демонтировать, провести ревизию, реконструкцию (под русские параметры) и запустить в России – это почти восемь миллионов тех же долларов».

При заводе огромный домище – хозяйские постройки, жилые апартаменты. Директорский дом. Въезжай, живи, работай!

(И вот такой мысли даже и не возникало!).

– Никогда не забывай старую добрую русскую присказку, – ответил ему Сергей Яковлев. – «За морем телушка полушка, да рубль перевоз»! Что ж ты, сырьё будешь везти из России сюда, в Америку, а готовые дома обратно, в Россию? Посчитай-ка, сколько это будет стоить. Да ещё где-то всё надо складировать, заниматься сборкой...

Нет, лучше уж один раз потратиться, но всё готовое иметь дома, в России. И развозить, строить эти коттеджи по всей Стране!

Посчитали. Восьми миллионов, что выделяет «АЛРОСА» хватит, чтобы перевезти и собрать завод в Ярославле. Начинать строить там же, чтобы окупить затраты в первый же год. Ну, а там – земельные отводы, отсыпка площадки, фундаменты, перевозка и сборка домов на месте... Общая стоимость проекта – 28 мил. долларов США. Выпуск – сто домов в год. Реализация – если по минимальной цене, чтобы быстро продать – 40 миллионов. Тех же долларов в год. Окупаемость проекта, с самыми худшими раскладками – один год. Решили – дело стоящее, надо браться!

Теперь предстояло найти солидный Банк, чтобы там сосредоточить финансы, и чтобы Банк финансировал проект. И контролировал финансирование строительства! А то уж больно денежки на Российских стройках любят куда-нибудь исчезать!

Самым неожиданным способом, в самые неожиданные сроки...

В Торонто с отделением «Барклайз-Банка» договорится об открытии расчетного счета для русской

Компании не удалось: россияне не имели ещё права открывать счета в зарубежных Банках.

Можно, но с иностранным поручителем. И этот «поручитель» имеет все права собственности на такой счет. Значит – деньги могут быть потеряны. Нашли и договорились с Филиалом иностранного Банка в Москве: Банк открывает счет, принимает восемь миллионов от Компании и финансирует Проект. При этом, если деньги на строительство закончатся, а новых поступлений не будет, Банк открывает Компании Кредитную линию и не только финансирует продолжение строительных работ, но и контролирует правильное расходование денег. Чтобы денежки эти никуда на сторону не исчезли! В России такие «исчезновения» уже начинались, причем – повсеместно. Особенно в строительстве.

Очень выгодный и реальный получался Контракт с Банком.

– Только вы нам дайте гарантии. Гарантийные письма скажем Компании «АЛРОСА» мы примем и учтём. А если вы дадите ещё и Гарантию Правительства Якутии, тогда мы с вами, и на все времена! Вместе!

В Москве Георгий зашел в здание бывшего уже Министерства и всё рассказал прежде всего Рудакову. Тот всё одобрил, поддержал, подписал Гарантию Компании «Алмазы России-Саха» и пожелал успеха.

Георгий вылетел в Якутск. С трудом, через несколько дней ожидания, но всё же попал на приём к Председателю Правительства. С готовым проектом гарантийного письма для Банка.

Георгий помнил, как Штыров к нему относился – не любил, это слишком мягко сказано. Да и за что было Штырову любить Красноперова? И после «Интера», и особенно после Учредительного собрания по Алмазной Компании.

И тем более удивило Красноперова, что Штыров его принял, внимательно выслушал, поддержал, подписал Банковскую Гарантию, да ещё и поручил помощнику:

– Подготовьте Постановление Правительства о развитии жилищного строительства в Якутии. Включите в исполнители «Инвесталмаз», освободите Компанию от республиканских налогов на один год, на год становления Компании. Надо помочь людям. Видишь, если очень хочешь, всего можно добиться! В том числе и кредитов!

Красноперов улетал из Якутска не только окрылённым. Он улетал уверенным: теперь у него получится всё! Всё, что он задумал.

«Господи! Как хорошо, то Штыров оказался не злопамятным!

Оказывается, вполне достойный, деловой человек!».

28

Красноперов основательно обжился в гостинице «Москва». За короткое время многие работники гостиницы стали акционерами Компании «Инвесталмаз». Поэтому, Красноперов чувствовал там себя «VIP-персоной». В гостинице у него был свой постоянный номер, солидный, двухкомнатный. Большую комнату он использовал как кабинет, там проводились ответственные встречи. При солидных и нужных в делах посетителях там организовывались торжественные обеды. Вторая комната использовалась как спальня.

Удивительно, как преобразовывалась за очень короткое время, буквально в последние месяцы, гостиница. Огромный, светлый и свободный еще совсем недавно вестибюль гостиницы, в считанные дни застроился какими-то ларьками, магазинчиками, продовольственными «бутиками», вдоль стен за многочисленными столами и стойками появились целые ярмарки цветов, одежды, самых разнообразных сувениров.

В середине вестибюля стоял огромный, овальной формы стол, вокруг него мягкие кресла, диваны.

Отличное место для встреч и отдыха. Отдыхая в этих креслах часто можно встретить знакомых, а иногда и нужных людей – из Якутска, из Иркутска, свердловчан, челябинцев.

Часто, практически всегда, при каждом приезде в Москву, останавливался в этой гостинице первый Президент Якутии Николаев. Встречаясь в вестибюле со знакомыми людьми, Михаил Ефимович всегда останавливался, тепло здоровался, расспрашивал, как дела, какие успехи, нет ли каких трудностей, нужна ли его помощь.

Нравился Георгию этот человек!

Выйдя из самой гущи народа, став Первым Президентом крупнейшей и богатейшей в России республики, он не возгордился, не «завельможился», остался простым, доступным человеком. Отзывчивым, благородным и, главное, умным.

Когда Первый Президент России, в порыве восторга от ещё не до конца осознанной Победы в Кандидатском состязании, в порыве воодушевления и осознания всемогущества ничем неограниченной власти, объявил о полной свободе регионов в выборе путей и методов развития, «берите себе свободы столько, сколько проглотить сможете!», по России почти повсеместно разыгрались настроения «самостийности», суверенитетов, «верховнодержавности».

И Якутию не обошли волнения эти. Быстро стали организовываться какие-то полуподпольные оппозиционные организации, «национальные комитеты», стали раздаваться призывы к отделению от России, к самостоятельной государственности!

Появились группы драчливых молодчиков, которые стали нападать на одиноких прохожих неякутской национальности, задирались на молодых русских на танцах, на «дискотеках». Участились аварии на автомобильных трассах, и даже по ночам кто-то стал расстреливать водителей. Стреляли из боевых карабинов:

Якутия же страна охотников! Там карабин практически в каждом доме. Стреляли «втёмную», из придорожных кустов и лесных зарослей.

В республике многие семьи, чьи дети, еще малолетние, посещали детские сады или ходили в младшие классы школ, всерьёз заговорили о смене места жительства.

– Уезжать надо из Якутии, опасно здесь стало жить!

– А где сейчас в России безопасно?

– Так вот... Но дома – это дома, там и соседи, и стены помогают!

В эти опасные дни Президент Якутии выступил по теле- и радиовещанию, по всем телепрограммам, с откровенным, живым обращением. Он обратился к проживающим в тот момент на земле Якутской народом. Ко всем народам, независимо от их национальности.

Михаил Ефимович откровенно рассказал о сепаратистских выходках некоторых молодых и несознательных жителей Республики против граждан многих российских, не якутских, национальностей, работающих на предприятиях Якутии.

– Все мы одна семья, – говорил он в эфир, обращаясь к гражданам Республики. – Да, Якутия богатая земля. Но чего мы стоим одни, с этим несметным богатством, без помощи братских народов! Разве мы сумели бы одни, без помощи наших братьев, наших сограждан по великой стране, по России, добывать сотни тонн золота, миллионы карат алмазов, тысячи и тысячи тонн угля, нефти, газа? Нет, не одолеть одним нам все те огромные препятствия, те огромные объёмы работ, которые лежат на пути добычи нашего богатства. Не сумеем мы этого сделать одни, ни сил не хватит у нас, ни знаний, ни умения. Но и – не это

даже главное. У нас много чего есть «драгоценного». Но разве можно накормить наших детей золотом, алмазами или углем?

Нет, нам нужен хлеб, нам нужна красивая одежда, нам нужны дорогие и удобные дома, квартиры, автомобили, телевизоры, радиоприёмники. И много еще чего другого необходимо иметь нашим людям, нашим семьям. Для нормальной, «благоустроенной» жизни.

Всё это нам везут из России, через Русский речной порт Осетрово, по новой железной дороге, построенной Россиянами, самолётами и речными судами с Российскими экипажами. Сами мы всё это не производим, всё это нам завозят наши братья всех национальностей нашей огромной страны. Так как же мы можем к ним здесь, на земле Якутской, относиться враждебно? Якутия, это же составная часть великой России, она ей была, есть и останется таковой на вечные времена!

Уважаемые жители Якутии! Дорогие мои земляки! Наша с вами жизнь, в нашей с вами Республике, в наших с вами руках.

Так давайте сделаем эту нашу жизнь достойной! И будем жить спокойно, не опасаясь друг-друга, работать дружно, надёжно и уверенно.

Георгий речь Николаева не слышал, был в заграничной командировке. Но именно так процитировали ему выступление Президента приехавшие из Якутии товарищи.

После выступления Президента, в Якутии всё успокоилось, жизнь наладилась, никто уезжать оттуда уже не собирался.

И авторитет Президента Республики укрепился еще больше.

Николаев стал действительно самым уважаемым Руководителем у народов Якутии.

Да и у Российского руководства авторитет Николаева, после его душевного и патриотического выступления, еще более вырос. В этом Георгий убедился сам, лично. Когда приезжала делегация Хасбулатова с его «командой» в Мирный, зашел как-то разговор, Красноперов и спросил у одного из помощников Председателя Верховного Совета:

– А как наш Президент, Михаил Ефимович Николаев, котируется в ваших Кремлёвских кругах?

– Ну, «Кремлёвские круги», как вы изволили выразиться, это не наши круги. – Ответил Георгию один из помощников Хасбулатова. – Наши круги попроще. Но мы знаем, что в окружении Президента Николаев числится в одних из самых надёжных руководителей регионов. Ельцин как-то сказал, будто бы после посещения Якутии: «Мне бы таких вот Николаевых в регионах побольше, тогда Россия была бы организованной вполне. Вот таких именно Николаевых – чистых, честных, ответственных. И обязательных! Да, именно вот таких Николаевых, понимаешь!».

Тяжело наводить порядок по всей России приходилось тогда Ельцину. Правда, надо признаться – он определённым образом сам стал виновником появившихся настроений «самостийности». Что значит – «берите свободы сколько хотите, сколько проглотить сумеете!»? И это во время, когда разрушился «великий, могучий и нерушимый»? Сразу всем бывшим «Председателям» да «Первым» захотелось стать Президентами! Захотелось возглавлять свою – отдельную, независимую «Державу»!

Что уж говорить о Республиках! Даже некоторые области пытались провозгласить себя «суверенными да независимыми»!

Всеобщий беспорядок готов был превратиться во всеобщий «хаос»!

А страдали кто? Конечно, простые люди, от которых в общем-то ничего не зависело. Ничего не значило мнение народа в нашей Стране! Это подтвердили и события после Всесоюзного Референдума. Как

решил «народ» – и как поступило Руководство!

Особенно много неприятностей приносил людям начавшийся беспорядок на Транспорте. Ладно – поезда. Но полный разлад начался и в Гражданской Авиации! И это в России, где огромное количество мест, куда – «только самолётом можно долететь»!

Авиаполёты становились совершенно непредсказуемыми!

Георгий много времени проводил в полётах – постоянные перелёты между приполярным городом Мирный и столичным городом Москвой. Где только-только «завязывались» у него коммерческие, да и некоммерческие сделки: все «серьёзные» дела проходили только через Столицу!

Однажды вот также летели из Мирного в Москву. Посадка в Красноярске. Вдруг, оповещение Командира экипажа по самолёту:

– Прошу всех пассажиров выйти вместе с вещами. В самолёте ничего не оставлять! Возможна замена самолёта!

– Что? – спросил кто-то у «стюардессы», – поломка самолёта?

Ну, та и ответила откровенно – хитрить ещё не научилась, ещё сохранились у девушки остатки «советского» воспитания:

– Да какая там поломка! В порту ни одного автозаправщика.

Заправить самолёт некому!

Георгий сидел как раз рядом, недалеко от его «кресла» разговор этот состоялся. И стюардесса – видно, что она и сама возмущена «до крайности»!

Георгий поднялся с кресла и громко, чтобы все в салоне услышали, крикнул:

– Товарищи! Всем оставаться на местах! Из самолёта не выходим! Требуем немедленной «дозаправки»! Если выйдем из самолёта, нас оставят здесь, в Красноярске, ночевать! Да и завтра, неизвестно еще улетим ли. Пока мы в самолёте, у нас «сила»! И возможности требовать. Как только выйдем из самолёта, мы станем «безликой» толпой «вокзальных» пассажиров, слушать нас никто не захочет! Остаёмся в самолёте! Будем сидеть в своих креслах! До Победы!

Все пассажиры немедленно уселись на свои места.

– Это у вас кто? – озадаченно спросила стюардесса у того же пассажира, кому только что так опрометчиво выложила чистую правду о заправке самолёта.

– А это наш Директор – с хитрой улыбкой ответил пассажир.

Стюардесса и сама поняла уже, что «ляпнула» лишнего. Оглянувшись на Краснопёрова и «резво» побежала к Командиру.

– «Салон» не выходит! Взбунтовались!! Им приказал их Директор. Он летит с нами. В Москву.

Командир тут же всё это передал «диспетчеру», добавив при этом:

– Вы, мужики, решайте пооперативней. Да подумайте хорошенько, как решать. Директор-то у них, у «алмазников», депутат Верховного Совета. Смотрите, как бы чего не вышло!

Пилотам что, им и самим ночевать здесь не хочется, домой бы поскорее. Редкое, наверное, случилось – желание пассажиров и «экипажа» совпали!

Часа через два – новое объявление:

– Прошу всем выйти. По технике безопасности мы не имеем права заправлять самолёт, если в салоне

находятся люди!

– Ну что, Георгий Александрович, что делать будем? – повернулись к Георгию «соседи». И стюардесса тоже подошла к креслу Красноперова. Смотрит вопросительно.

– Пусть «заправщики» подойдут к самолёту. Тогда выйдем.

К самолёту подогнали автобусы. Двери открыты, водители ждут пассажиров. Ночь. Около трёх часов ночи. Но люди упорно и настойчиво остаются в самолёте. Никто не выходит. Через короткое время к самолёту «подрулили» сразу два автозаправщика.

– Вот, теперь выходим. Теперь им самим нас отправить поскорее захочется!

В «предбаннике» перед посадкой Георгий услышал чей-то разговор.

– Ну вот! И чего сидели в самолёте? Чего «бунтовали»?

Столько времени потеряли! Давно бы уже улетели, если бы не «бастовали»!

«Господи», – подумал Георгий. – Вот она – «святая» наивность! Да если бы мы не «взбунтовались», кто бы ночью «пошевелился»? Кто бы стал подымать с тёплой постели этих «заправщиков»! Ночь, дорогие мои, «коротали» бы в неудобных залах аэропорта, в жестких креслах. Да ещё и оказались ли там места свободные? А утром? Могли и ещё что-нибудь придумать «заботливые» хозяева! И «засели» бы мы здесь, в Красноярске, на неопределённое время!».

Георгий говорить никому ничего не стал. Обойдётся! Раз уж – вот – такой у нас народ. «Требовательный» и благодарный! Благодарно-покорный... А мы рассуждаем – «начальство» мол!..

... Телефонный звонок раздался в номере гостиницы поздно вечером. Горбачев. Помощник Рудакова.

– Георгий Александрович! Тебя так трудно застать на месте.

Извини, что поздно. Но днём я звонил тебе много раз, и всё мимо. А ты понадобился начальству.

– Что-то случилось?

– Тебя завтра хочет видеть Валерий Владимирович. На шестнадцать часов, сможешь?

– На шестнадцать часов. Записано, буду.

– Тогда до встречи!

Рудаков как всегда неторопливо вышел из-за стола, присел за гостевой столик напротив Красноперова.

– Тебе, Георгий Александрович, фамилия Солдатов, конечно, знакома?

– Обижаете, Валерий Владимирович! Кто же из «алмазников» не знает Солдатова!

– Из «алмазников»... Не люблю я этого слова! Мы – «Алмазодобытчики!». Ну, ладно. О Солдатове. Он живёт сейчас в Риге.

Переехал туда сразу, после Севера. Мне позвонили оттуда. Ну, сам знаешь, что там сейчас происходит! На русских там «наезжают». А тут ещё – знатный человек, Герой Социалистического труда, персональный пенсионер... Притеснять там его начинают! Но – и отпускать не хотят! В общем, как в той поговорке – «сам не ам, и никому не дам!». Надо бы его оттуда вывезти.

Но – неофициально. Шум поднимать не надо. Мы вот тут с товарищами посоображали, да и надумали, что лучше тебя этого никто сделать не сможет. Да и квартиры в резерве, куда людей перевезти надо, только у тебя и есть. Как ты на этот счет? Сделаешь?

– А везти куда? В Москву?

– А в Москве у тебя есть куда?

– Ну, Валерий Владимирович, при нужде – найдём!

– Не хочет он почему-то в Москву. Куда-нибудь рядом бы, говорит. Но, и не так, чтобы уж совсем «в деревню»! Я знаю про твои связи с Ярославлем. Рассказал Льву Леонидовичу. Вот, в Ярославль он бы, говорит, с большой радостью переехал.

– Ну, в Ярославль, это проще. Во-первых, у меня там и сейчас есть квартиры в запасе. И в хороших, новых домах. А во-вторых, мне это удобнее: вывозить его из Риги, если мы это решим окончательно, вывозить будут ребята как раз из Ярославля. Вывезем, Валерий Владимирович! Заберем Солдатов из Риги и увезём – хоть в Москву, хоть в Ярославль, хоть в любой другой город.

Куда пожелает. Когда вывозить? Позавчера ещё надо было?

– Да. Вывозить надо – чем быстрее, тем лучше. Пока обстановка еще до конца не накалилась. Пока границы не позакрывали.

– Посты, шлагбаумы на границах уже появились. Я недавно на Украину ездил, уже стоят! А в Прибалтике тем более, наверное. Ну, да вам то, что за забота? Это, теперь, наши дела. Сделаем, Валерий Владимирович, всё сделаем в лучшем виде!

Георгий, побросав все свои срочные дела, выехал в Ярославль. Там он вышел на Анатолия Киселёва, обсказал ситуацию.

– Вы мне дайте адрес, телефон. Остальное я организую сам.

Вы, Георгий Александрович, сами поедете?

– Нет, в Латвию не поеду. Я его дождусь на границе. Где-нибудь, не доезжая до Даугавпилса. Через Москву, наверное, надёжнее ехать?

– Ну, так не по Ярославским же лесам будем блуждать! Или – по Рыбинским урочищам? Нет. Через Москву, конечно. Немного подальше, но зато надёжнее. А граница уже охраняется. Наши ездили, узнавали. Вещей много везти?

– Ну, не знаю. Договорись по телефону, пусть всё подготовят, упакут к нашему приезду. Вывозить надо всё. Где он здесь мебель эту брать будет!

– А есть там кому упаковывать? С кем он живёт-то?

– Так, сын вроде у него там. В общем, всё нужно узнавать, как следует, и обо всём надо договариваться.

Через несколько дней Киселёв позвонил Георгию.

– Ну, кажется полный порядок, Георгий Александрович! Мы всё с вашим Солдатовым обсудили, обо всём договорились. Наш человек у него уже побывал и с ним самим обо всём договорился. Ребята на автомашине выезжают пораньше. Завтра уже уезжают. На легковой выезжают, с рижскими номерами. Там они останавливаются прямо у него, он, кстати, живет сейчас один, они всё пакуют, собираются, звонок нам, и мы выезжаем им навстречу. Отправляем туда большой грузовик, мебели оказывается много, и мебель, ребята говорят, приличная. Так что, ничего здесь покупать не надо будет. Здесь его куда? На квартиру или в отдельный домик? Домик, кстати, готов. Домик приличный, благоустроенный. Посмотришь, может?

– Да. Давай посмотрим. Ну, а куда, это он сам пусть решает.

Не знаю, как он будет один в отдельном домике? В квартиру, наверное, поедет. Ладно, решим при

встрече.

Через пару дней большой грузовой «Камаз», с жестким тентом, отправился в Ригу. Толя уехал с ними. Георгий ждал звонка.

Он приготовился встретить Генерального директора на границе России с Латвией. Там, говорят, «националисты» пошаливают!

Ребята уехали с оружием. На всякий случай...

Молодец Рудаков. Хорошо позаботился о Солдатове. Правильно всё придумал. Так и должно быть! В уважающих себя организациях...

У «алмазодобытчиков» – «бывших» Директоров не бывает!

... Не должно быть!

29

В Ярославль приехали поздно ночью. Гостиница была заказана заранее, так что разместились без происшествий. Гостиница частная, небольшая, домашняя, в самом центре города, на небольшой, пешеходной улице. Улица Кирова. Отличный, уютный ресторанчик. С разливным пивом, добротным сухим вином. За прибытие немного выпили. Красноперов – пива, Солдатов – вина. Хоть и с дороги, а спать не хотелось. Разговорились.

Генеральным директором в «Якуталмаз» Солдатов назначался не без приключений. Давно замечено – талантливым людям на приключения везёт!

Главный инженер «Якутзолото», кем в последнее время работал Солдатов, наконец-то вырвался в отпуск. Лежал, загорал на теплом песчаном берегу Черного моря, купался, флиртовал по-легкому с загорелыми девицами, отдыхал. Сосед как раз сходил за пивом, здесь же, на пляже, разливное, в кружках, холодное и очень приятное. Солдатов пиво не любил, но – за компанию чего не сделаешь!

Сидят, млеют на солнышке, лениво потягивая холодное пиво.

Вдруг радио, громкоговоритель, объявляет на весь пляж:

– Солдатов! Лев Леонидович! Срочно подойдите к дежурному оператору! Срочно подойдите к дежурному оператору! Вас вызывает Москва! Вас вызывает Москва! – И так повторяют непрерывно, до бесконечности.

Солдатов растерянно вскочил. Ничего понять не может. Что это – о нём что ли?

– А где он, этот дежурный оператор? Где его найти. Куда идти?

– Вон, дежурная сестра. У неё спроси.

Солдатов так, в голом виде, в одних плавках и пошел искать этого оператора.

А громкоговоритель не умолкает, объявляет и объявляет.

– Да утихомирьте вы этого диктора. – Кричит Солдатов сестре. – Пусть успокоится! Сейчас, немного оденусь, подойду, переговорим мы с Москвой этой!

Звонили из приёмной Министра Цветной металлургии, от товарища Ломако. Петра Фадеевича.

– Вам надлежит немедленно прервать ваш отдых и прилететь в Москву. Вас срочно вызывает товарищ Ломако. Завтра сможете прибыть?

– Не знаю. Как самолёты, билеты там, ну и всё прочее. Вы же понимаете, время курортное,

отдыхающие прибывают и убывают в массовом количестве, так что – в дороге всё может быть!

– Самолёты из Симферополя на Москву летают часто. Почти каждый час. Билеты выкупите вот по такому коду. Запишите.

– Называет числа. – Подойдёте к служебной кассе аэропорта.

В Симферополе. Затем к дежурному диспетчеру. Вас отправят ближайшим рейсом. В Москве – гостиница Россия, номер заказан. Вылетайте срочно. Таков приказ Министра! Как прилетите, немедленно сообщите нам, в приёмную. Мы вам скажем время вашего приёма у Министра. Всё! Ждём!

На второй день Солдатов был в Москве.

– Ребята! Дайте хоть во что-то переодеться. Галстук дайте, кто-нибудь. К Министру же иду! Неудобно вот так, в пляжном костюме!

– А тебя никто в этом костюме к Министру и не пустит! Иди сюда. Вот, в этой комнате переоденься. Тебе тут всё приготовили.

Солдатова приодели. Отправили. С напутствиями. С «успокоительным».

– Вот, с такими приключениями и назначен был на ответственную должность Генерального Директора Производственного Объединения «Якуталмаз» Солдатов Лев Леонидович, – пошутил Солдатов.

– Ну, а после назначения не до шуток уже, наверное, было?

Не до курортных приключений?

– Да, Георгий, ты прав. Время было тяжелое. Боевое время.

Но мне всё же было полегче. Самое трудное, самое беспокойное пережил всё же Тихонов. Сейчас трудно это представить, но ведь человек приехал на абсолютно пустое место! Ни дорог, ни людей, ни техники. И задача – через год дать первые Советские алмазы! Не задание собрания какого-то коллектива – задание Политбюро, Партии, задание Руководителя Государства!

Само восприятие такого задания для рядового производственного руководителя, не общающегося постоянно с правительственными людьми, уже одно это необычно, не каждый спокойно воспримет. Нет, конечно, Виктор Илларионович имел какой-то опыт работы со «значительными» людьми – он бывал в зарубежных командировках, и даже работал за границей, встречался там с иностранцами, в том числе и с некоторыми крупными чиновниками от дипломатии. Занимаясь наукой в институте, он тоже имел какой-то опыт общения с ответственными товарищами. Но вот так сразу, буквально после назначения в общем-то на рядовую должность – «Управляющий» трестом, (сколько по стране этих «управляющих»!) – сразу начать работать с Членами Политбюро, с крупными чиновниками из Правительства, это даже чисто психологически не каждый может выдержать! – Солдатов помолчал, что-то видимо вспоминая.

– Тихонов выдержал! И уже этим обеспечил Победу того дела, за которое взялся. Ведь там, наверху, не просто повстречаться надо, поговорить, доложить, поставить какие-то вопросы. Да, и это конечно надо, но не только. Там надо доказывать, спорить, убеждать! И кого! Кого убеждать! Председателя Правительства!

Членов Политбюро! Секретарей ЦК партии. Тихонов рассчитал всё правильно. Он прежде всего убедил в возможности скорейшего получения Советских алмазов Хрущева. Если Хрущев поддержит, рассудил Виктор Илларионович, остальных убеждать не придётся. Остальные – руки по швам! – будут обязаны! Хрущев загорелся идеей. Ещё бы! Свои, советские алмазы! Вот когда «утрутся» эти строптивые американцы!

Ну, а дальше – это уже умение убеждать. Доказывать. Все распоряжения даны. Только надо уметь

этим воспользоваться.

Ну, например, Тихонов называет необходимую сумму на текущий год. Ему говорят – много! «Ты же понимаешь, дорогуша, у нас не только алмазы. Нам страну восстанавливать надо. Да-да, ещё надо. У нас пол-Европы всё ещё разрушено, пол-Европы в строительные леса одеты. И тоже ждут денег! Так что, давай, опустимся на землю, называй реальную цифру!».

«Во-первых, я вам не дорогуша, я Тихонов. Виктор Илларионович. Директор. Это во-первых. – Тихонов четко усвоил, только так здесь говорить надо. Раз «сам» поддерживает, значит – дело не просто серьёзное, значит на сегодня это наиважнейшее дело! Надо и самому соответствовать. Побольше значимости, побольше напору! Все и так начеку. Тоже соображают! «А вдруг пожалуется? А вдруг я в итоге стану главным препятствием, главным виновником срыва программы по алмазам!». Откуда чиновнику знать, о чем там они говорили, этот настырный директор с таким непредсказуемым Хрущевым? И какие обещания дал Первый секретарь ЦК этому директору? Команды поступили – во всём Тихонову «зелёную улицу!». Даже не зелёный свет, а целую зелёную улицу!

«Нет... Надо с этим якутским директором поосторожнее... Не накликать бы!..».

И деньги выделялись!

«Ну, ладно, Виктор Илларионович, вот тебе приличная сумма. На сегодня – это максимум, что дать можем. Пока тебе хватит. Ты ещё эту сумму освоить постарайся! Сумей еще освоить за год-то!..».

«Да хватит, конечно... А освоить – освоим! – спокойно отвечал Тихонов, – только алмазов в этом году не будет».

«Как это не будет? Обязан!».

«Так вот же расчеты. Вот! Выделенных денег хватит только до фабрики добраться. Но, не запустить. Там тайга, поймите вы! Там место пустое. И людей ещё нет. И дороги только-только прокладываются. А вы рубли считаете. Да мне-то что!

– Сердито заявляет он финансистам. – Я уеду, и буду делать на столько, на сколько денег отпущено. Меня там в тайге вам ведь трудно будет достать – ни связи у нас, ни самолётов. А вам здесь отчитываться. Ну-ка, любезный, – спросят вас, – как там наши дела на алмазах? Что там Тихонов вытворяет? Вот вы и ответите – нет, скажете, алмазов, и не будет. Денег у Тихонова не хватает!».

«Вот черт упёртый!».

И деньги выделяли.

Конечно, Хрущев тоже знал, что делает. Он Косыгина, когда тот ещё и не был Председателем Совмина, но Косыгин, он же всегда, на любой должности был Косыгиным. Хрущев его персонально закрепил ответственным за развитие алмазодобычи.

Чуть что, мы к Косыгину шли жаловаться. И я еще применял приём этот. Правда, я-то ходил уже к Председателю Правительства. Порой «окрысится» кто-нибудь из чиновников – «чего вы бегаєте к Косыгину? Ему что, больше делать нечего, кроме как вашими заниматься алмазами?».

«А ты сам реши все наши вопросы, вот мы к Косыгину и не пойдём!»!

Тут же захлебнётся вальяжный чиновник.

«Обнаглели совсем!» – Но дела все нам необходимые сделает. А мы люди не гордые, мы без обид. Не для себя печемся, интересы целой отрасли, для Государства, отстаиваем.

Ты спать-то еще не хочешь?

– Да поспал я в машине, Лев Леонидович. Какой сон? Солдатов рассказывает! Живая история! Извините и не примите за лесть. Представляете, через много лет, на старости, на пенсии, делать будет нечего, вдруг воспоминания какие-никакие писать начну... Это же сенсация! Рассказ самого Солдатова!

– Ладно, ладно, ты особенно-то не распаяйся. Не один там Солдатов работал. Будешь писать, так пиши о людях. А Солдатов что, он командир. Команды давал, распоряжения. Люди всё делали! И какие люди! А как делали!

Ты, Георгий, вдумайся только в хронологию событий. В динамику событий!

Вот, если коротко, если сжато, вот – по годам, по срокам:

1949 год – экспедиция Файнштейна – найден первый алмаз. Не на месторождении найден, не на месте будущих разработок, будущей добычи, так, в реке найден, в районе, как доказательство – алмазы есть! Где-то здесь, где-то близко! А где – ещё искать надо.

1954 год – Попугаева открывает первую кимберлитовую трубку. Кимберлитовую! Это уже серьёзно. Это уже руда! И содержание – куда там Уралу! Это уже доказательство – алмазы есть, и для промышленной разработки годятся!

1955 год. – Щукин «со товарищи» открывают знаменитую, известную сегодня на весь мир трубку «Мир». На Иреляхе. За много километров от того места, где геологи Файнштейна нашли первый алмаз. И все эти километры за эти годы, за эти пять с половиной лет, геологи исползали мерзлые берега бурных якутских речек на своих коленях, на своём брюхе, изучая каждый клочок земли.

1957 год – уже через два года на промёрзшей за многие тысячелетия Якутской земле появляются горняки. Люди, пришедшие за алмазами. Организуется Трест. Пока трест. «Якуталмаз».

И Тихонов – первый его Управляющий.

1957 год. – Заметь, тот же – 1957-ой! И выданы первые алмазы. Да, пусть пока на временных установках геологов. Пусть пока не на фабрике – её еще надо сначала привезти, готовенькую, не фабрику, нет, простую обогатительную установку. Но в тресте «Якуталмаз» уже есть первые Якутские алмазы. Есть! И в таких количествах, какие на Урале добывать приходилось за многие годы!

1958 год. – Вот она, первая обогатительная фабрика. Начинается промышленная добыча Советских алмазов.

Георгий, ты только вдумайся. Вдумайся! В 1954-м нашли, в 1957 – добывать начали! В тайге. В непроходимой тайге! Укажи мне ещё хотя бы одну страну, где такое было возможно!

– Ну, как же, Лев Леонидович! А Южная Африка? Там тоже, как только наткнулись на алмазы, так сразу их и добывать стали!

– Не сразу, не сразу! И – случайность. В Африке сработала счастливая случайность! Там же не было спланированных в государственном масштабе поисков на алмазы. Научных предсказаний. Случайные находки, случайная оценка, старательское начало. При этом – начало откровенно грабительское. Кто быстрее, кто больше! Ну, и потом – это же Африка! Вечное лето, вечное тепло. И в этом тепле, в этих, в общем-то, хорошо и давно обжитых местах, от находки до промышленной добычи в Африке прошли годы! Пока-то они разобрались, что это действительно алмазы, да ещё пока-то додумались как их брать, и кому сбывать, и как использовать. Там, Георгий, своя история. Я лично, считаю величайшей заслугой Африканских находок алмазов – только появление, благодаря этим находкам, появление такой организации, как «Де Бирс»! Да, Эрнст Оппенгеймер может как-то отдалённо, конечно, но по мужеству и настойчивости достижения цели – может сравниться с нашим Тихоновым! Оба они – родоначальники мировой Алмазодобычи. Ну, не без Родса, конечно! Именно Сесиль Родс, когда-то, ещё в конце 19-го века

стоял у самого начала современной алмазодобычи. Именно промышленного уровня. Оппенгеймер пришел, практически, на готовое, на то, что, буквально из ничего, создал Родс. Но, как бы там не было, основателем современного алмазного бизнеса на Западе был больше Оппенгеймер, чем Родс! А у нас, в России Тихонов. И это уже история.

Кстати, было бы тебе известно, что именно «Де Бирс» помогла нам быстро освоить сбыт наших алмазов. Если бы не их помощь, долго бы мы искали покупателей для своих алмазов.

Еще неизвестно, какие бы «козни», какие бы хитрости не начали устраивать нам «зарубежные друзья». При торговле нашими алмазами. А это же – деньги. Главное доказательство необходимости, ценности нашей работы!

И в этом Тихонов тоже проявил величайшую мудрость! И предприимчивость!

– Вы, Лев Леонидович, всё о Тихонове. Но и в ваше время тоже ведь немало славных дел сделано. О них вспомнить не хотите?

– Все наши дела давно известны, давно описаны. Мы продолжатели именно его начала. Самое героическое время – это всё же времена Тихонова. И самые героические дела – это всё таки его дела!

– А правда, у нас там, в Мирном, легенда одну рассказывают, что Звезду Героя Тихонову чуть ли не Козеев организовал. Еще когда в Обкоме работал.

– Да, слышал я эту историю, рассказывали мне в наградном отделе ЦК. Действительно, так и было. Звезду тогда для руководителей выделили одну. А претендента два. Воробьев, начальник «Главзолото», на первом, конечно, месте. И Тихонов. А с наградными документами из Якутска как раз Козеев и приехал.

Ходит с наградными списками, согласовывает по Отделам. Вот, в наградном отделе его и спросили – «а кому бы, Анатолий Александрович, ты, вот ты, лично, кому бы ты вручил Звезду Героя, Воробьеву или Тихонову?»

«Я бы вручил и тому и другому», – ответил Козеев.

«И мы бы так же сделали. Если бы две Звезды было. А она одна. И вторую уже не выпросишь. Вот, одну, как бы ты ею распорядился?».

«Я бы отдал Тихонову, – смело заявил Козеев. – Вы представьте только себе, на секунду одну вздумайтесь: в тайге, без дорог, почти без людей, на якутских морозах – а выдали всё же первые алмазы! Вы же сами рассказывали мне, – говорит он Цековцам, – что на Западе, зарубежные «предсказатели» Советские алмазы ждали только в двадцать первом веке! А Тихонов выдал!

В течение одного года! Всем прогнозам наперекор! Я бы отдал Тихонову эту Звезду. А вот следующую – да, ту Воробьеву! Достоин!». Вот так. А мог бы и Воробьева первым назвать. Хотя бы «подхалимства» ради. Нет. По совести ответил. По мужски. Я давно ведь знал Козеева. Еще по Алдану. Толковый мужик. Специалист! Но, главное – человек он надёжный. Такой не подставит, сам первый грудью на любую опасность пойдёт, товарища прикроет. Уважаю я надёжных людей. С ними спокойней – и жить, и работать. Козеев как раз их тех, кому нужно только сказать – что делать. Как делать, таким вот Козеевым подсказывать не надо! А ты сам-то, Георгий, кем работал в Якутии? Да, я знаю, директором был Мирного, но не сразу ведь, наверное, все мы до директоров-то росли, да росли. Пока ведь доберёшься до директорства этого!

– Я в основном на Урале работал, Лев Леонидович. На Исовском прииске главным инженером работал. В Якутии тоже работал. В конце пятидесятых ещё. До института. На Индигирке работал. Золото добывал. Недолго, правда. На прииске «Маршальский». С прииска в институт и поступил. А в Мирном, с восьмидесятого года. На Иреляхе работал главным инженером. Потом на «Интернациональной» трубке

стволы проходил, для подземного рудника. Начальником рудника был. Затем – главным инженером и директором рудника «Мирный». Кстати, без хвастовства, Лев Леонидович, это ведь именно мне удалось убедить Министерство рудник преобразовать в Горно-обогатительный Комбинат! Да! Я и первым директором был этого Комбината! Не примите, конечно, за похвальбу, но – вы спросили, я ответил.

– Да какая похвальба, Георгий! Мы же вспоминаем. Именно при воспоминаниях надо быть особенно точным! Чтобы и не «перехватить», но и не упустить чего-то важного в жизни нашей. В жизни производственной особенно! Знать мы о себе всё должны! Знать и помнить... Да. И чтобы люди, тоже о нас что-то помнили! Рассказывали мне немного о тебе. Про деловитость твою рассказывали. Хватка, говорят, у Красноперова железная, за что возьмется, уже не упустит. Правда это? Да вижу, вижу, сам вижу – всё вроде подтверждается.

Много людей по жизни моей повстречать мне пришлось. Всякие встречались. Знаешь, кого надо опасаться в первую очередь?

Кто самый ненадёжный, самый непредсказуемый?

Я всегда не доверял, да какое там не доверял, просто не верил! – людям мстительным. Мстительный человек не только непредсказуем, в критических ситуациях он безрассуден! Особенно, если ещё и у власти. Их бойся, Георгий, их сторонись. И – не доверяйся.

Ну, ладно, давай всё же поспим немного. Разойдёмся по своим номерам, и вздремнём. Утро скоро. А у нас ведь делов немало ещё с тобой. Завтра, обустроишь меня?

– А всё готово, Лев Леонидович. Всё вам завтра покажем. И квартиру покажем, и домик отдельный. Стоит тот домик в живописнейшем месте, на берегу Волги-матушки! Сами себе жильё выберете, сами решите, где жить будете. Или в квартире, или в этом шикарном, полностью благоустроенном, домике.

– Ну, ты, Георгий, заговорил как сказочник. Не знаю, осилю ли я домик-то отдельный? Посмотреть посмотрим, конечно, но мне бы к людям поближе, чтобы не одному вечера коротать старческие. Лучше – квартира, наверное. Ладно, завтра посмотрим. Что-то уж больно у тебя для меня выбор богатый?

– Рудаков сказал мне – сделай всё в лучшем виде! И помни, сказал он мне – у нас, у Алмазодобытчиков – бывших Директоров не бывает! Поэтому, не удивляйтесь, Лев Леонидович. Я выполняю задание Начальника!

30

Наконец, всё устроилось. И кажется – в лучшем виде. Солдатов выбрал себе удобную двухкомнатную квартиру, в новом доме, нового же микрорайона города Ярославля. С хорошими соседями, первое впечатление – добрые люди, тоже из бывших северян. Георгий поговорил с ними, заручился, что будут поглядывать тут за Солдатовым, чем можно – помогать. Впрочем, с кем бы они за эту неделю не встречались в Ярославле, когда ездили, выбирали жильё Солдатову, он везде сходил с людьми очень быстро, сразу завязывались у него своеобразные, доверительные отношения с предполагаемыми соседями, очень коммуникабельным оказался Солдатов. И везде – встречали их, как говорится, строго, а провожали с открытыми улыбками!

Георгий показал Солдатову сначала отдельный домик. Небольшой, одноэтажный, полностью благоустроенный – с водой, канализацией, с газом. Отказался.

– Боюсь я один оставаться. Не мальчик ведь уже. Ну, ладно, ладно, не так боюсь, как опасуюсь.

– Да прикрепим мы к вам здесь человека! Присмотрят за вами! Вот, Таня, помощник Тихова, директора Норского кирпичного завода, она занимается как раз всеми коммунальными делами. Она здесь

за вами и присмотрит! И с бытовыми делами поможет, и с пропиской, и со всякими вашими специальными оформлениями. С пенсией, там, льготами. Да мало ли что ещё возникнет при оформлении? На новом-то месте!

– Ну, с такой красавицей, конечно, приятно общаться! Но посещения – это посещения. А жизнь – она ведь непрерывная, из секунд, минут и дней состоит. Разовыми посещениями сыт не будешь. Нет, Георгий, давай лучше в квартиру. Небольшую. Не больше двух комнат. Чтобы «уборки» поменьше. Но с соседями.

Ну, и чтобы без ремонтов там длительных, чтобы забот всяких там бытовых поменьше было.

– Что ж, поехали смотреть квартиру.

Выбрали, наконец, квартиру, завезли мебель, расставили.

Отметили. Всех Солдатов пригласил на небольшое свое новоселье – и кто перевозил его из Риги, и кто здесь, в Ярославле помогал. Посидели. Определились, кто здесь за Солдатовым постоянно присматривать будет – чем помочь, что заказать, что привезти, чтобы и хлеб был насущный, и жизнь ни чем не омрачалась. Поглядывали, чтобы здесь за ним, помогали, чем можно.

Солдатов попросил – «поехали еще все вместе, и с тобой, Георгий, и с Таней вот, на Волгу, там посидим, пообщаемся. На прощание. И спасибо вам за всё, за заботы все ваши. Тебе, Георгий, спасибо особое. Я ведь всё представляю, мне ведь хорошо всё это знакомо, и я отлично понимаю – как нелегко так много, и, главное, так быстро, всё это организовать! Спасибо!». Посидели – и распрощались.

Георгий, бывая по делам в Ярославле, еще не раз заезжал проведать Солдатову. Убеждался всякий раз – и с соседями у него всё хорошо, и досмотр за ним – теми людьми, с кем Георгий специально договорился, достойный.

А как-то целой компанией нагрянули в гости к Солдатову.

Прямо из Москвы. День рождения у Льва Леонидова был. Юбилейный. Руководство Компании поручило Виктору Лысенко вручить поздравления, премию денежную, ну и подарки, конечно.

– С Красноперовым свяжись. Он всё в Ярославле про Солдатову знает.

Лысенко позвонил Георгию, договорились, где состыковаться и выехали. Приличной компанией нагрянули к Солдатову, прямо на квартиру. Да без всякого предупреждения! Поздравили. Доволен старик был, до слёз расчувствовался. Проводил, в конце встречи, «компанию» к машинам, долго жал руки всем, с благодарностью.

Да... Много ли человеку надо! Внимания, заботы. Уважения!

Много позже, уже в Мирном, Георгий, через канцелярию Сафонова, совершенно неожиданно, получил такое письмо:

...

г. Мирный, Якутия Якуталмаз Сафонову Л.А.

Красноперову Г. А.

Лев Алексеевич, Юрий Александрович, добрый день!

Первым долгом выражаю признательность и благодарность, за заботу проявленную с вашей стороны. Большое человеческое спасибо за всё!

Уже более двух месяцев живу в Ярославле. Время ушло на решение бытовых вопросов – налаживание коммунальных дел, прописка, оформление пенсии, медицинского обслуживания и пр.

Оговорюсь, практически везде встречаю понимание, чуткое отношение, что выгодно отличает Россию от «демократической» Латвии, хотя они кичатся близостью к Европейской культуре, но это далеко не так.

Когда спрашивают, почему принял решение о перемене жительства отвечаю – по политическим, экономическим соображениям, а главное – не перевелись в России хорошие люди, которые помогли.

Материально, несмотря на высокий уровень цен потребительских и растущую инфляцию, с учетом положенных льгот, буду обеспечен несколько лучше, чем в Латвии.

Надеюсь на встречу с Юрием Александровичем, при его очередной поездке в Москву, Ярославль, тогда более подробно расскажу о всех перипетиях.

Желаю вам успехов в нелёгком труде, здоровья и всего самого наилучшего.

Привет товарищам.

С уважением, искренне Ваш Лев Леонидович
Письмо получено в Мирном 28 ноября 1993 года

Как-то, в одной из многочисленных бесед, во время совместного пребывания в Ярославле, Лев Леонидович с невыразимой горечью высказал Георгию:

– Знаешь, Юрий, – Солдатов так часто называл Георгия – Юрий. «Георгий, это же Юрий! Ты больше похож на Юрия. Давай я тебя так звать и буду». – С грустью я смотрю на ваше будущее.

На будущее сегодняшних «начальников». Вам ведь за всё, что происходит сегодня, вам ведь за всё отвечать придётся. Разлад идёт по стране, народное размежевание. Мы всегда боролись за единство, за сплоченность людскую, чтобы все друг за друга были. Разве мы замечали когда-нибудь, кто у нас какой национальности? Разве национальность работника определяла – где ему работать и кем? Помню, шутка у нас в Мирном тогда ходила. Да не просто шутка, выпущенная в разговоре, нет! Шутку эту запустил «Мирнинский рабочий»! Родная газета! «Пошутил» кто-то в восторженном очерке о приезде молодых специалистов: «И вот, с трапа самолёта радостно спускаются на якутскую землю три молодых русских паренька – Зусман, Заскевич, Гензельман!». Смеялись, конечно. Но, по-доброму смеялись, именно с юмором, без озлобленности, без надменного сарказма!

А что сейчас? Господи, чего я только не посмотрелся в этой «демократической» Латвии! Злоба, враждебность – и откуда всё взялось? Где раньше скрывалось? Всё всплыло, на самую поверхность, как то г... «доброе» в той незамерзающей проруби! И всё, что мы создавали с таким трудом, с такими лишениями, всё ведь может пойти «псу под хвост»! Растащат всё по «частным квартирам», всех трудовиков, ветеранов разгонят под разными предлогами, кого с лестью и почетом, чтобы ушли, чтобы не сопротивлялись, а кого и просто поганой метлой под ж... Да ещё и обоснуют по-свински, чтобы остальные-то люди ничего не поняли.

Да... «Печально я смотрю на ваше поколение»...

– Уже и сейчас началось, Лев Леонидович. Уже и сейчас старичков-то выживают потихоньку. Вот у нас, в новой Компании, похоже и команда формируется новая. Из трёх директоров Комбинатов только Володя Дюкарев на месте остался. Но Дюкарев, он ведь редко против «начальства» и голос-то повышал...

– И правильно делал! А что его повышать? Голос свой. Тебя «начальство», как ты говоришь, выбрало, назначило, значит, работать с тобой хочет, единомышленником тебя считает! А если ты всё время «против», то какой же ты единомышленник! Это уже не работа, это уже единоборство какое-то. Тут выбирать надо – или ты с таким «начальством» работаешь, или – уходи! Не путайся под ногами! В руководстве, Георгий, должно быть единомыслие. Не поддакивание, а именно «единомыслие»! «Воз»,

который «тянуть» взялась команда, тянуть все вместе должны, дружно. Иначе, что же получится? Как у дедушки Крылова? Как «лебедь, рак и щука» тянули?

– Нет, Лев Леонидович, я другое имел ввиду...

– Да знаю, знаю, что ты имел ввиду. Если помнишь, в студенчестве песенка такая была: «и каждый ч...удак Бетховен»...

Нет, Георгий, руководитель, если он Руководитель, жестко должен проводить в жизнь свою линию. И вся команда ему должна помогать в этом. По-другому нельзя. По другому – надо менять.

Или руководителя, или команду! Я ведь, говоря «о вашем поколении» другое имел ввиду. Наши «перестроечные» дела кое-какие хотел задеть. Приходят, вижу, к руководству в отрасли нашей совсем не те люди. Случайные люди к руководству приходят. И им никак не дано будет понять, как нам всё здесь досталось! Как беречь всё это должны, что здесь создали, что здесь построили.

Людей беречь надо. Тех, что мы вырастили здесь, выучили, воспитали. Ну, да ладно. Как бы полемики у нас с тобой не получилось на эту тему. Ни к чему это. Давай расстанемся по-дружески.

Знаешь, Георгий, если от тебя что-нибудь будет зависеть, при смерти моей, добейся, чтобы меня «кремировали», а прах чтобы мой рассеяли над якутской землёй. Над нашей землёй, над землёй алмазодобытчиков! Если, конечно, всё это зависеть от тебя как-то будет...

На этом они распрощались.

Надолго распрощались. Навсегда.

31

Валентина, «красавица-спортсменка», журналист, корреспондент Ярославской городской молодёжной газеты, наконец-то, как она выразилась, сумела «поймать» Красноперова. Очень хотела она узнать и поведать своим молодым читателям, как развиваются события по строительству совместного – Якутской Компании «Инвесталмаз» с Ярославским Норским заводом – предприятия по производству канадской плиты OSBi. Эта загадочная плита, будто бы, является основным материалом для массового строительства компактных и красивых коттеджей.

Строить Компаньоны собираются исключительно для Северян.

Здесь, в городе Ярославле. О том, что городские власти тысячелетнего города уже выделили северянам солидное количество земельных участков для этих коттеджей, вся общественность города знала и горячо это известие обсуждала. Еще бы, такое нестандартное, для Центра России, событие. Коттеджи для Северян! Отдельные домики. С земельными участками не менее десяти соток. Целый отдельный посёлок. Почти – микрорайон!

Небывалое событие не только в Ярославле, такое и в стране-то, вечно страдающей от нехватки удобного жилья для простых советских тружеников, это известие и для страны было непривычным, значительным. И для газетчика любого ранга, а уж тем более для корреспондента «молодёжной» газеты, такая тема ох, как привлекательна! Остра, нестандартна и очень перспективная! А как же! Может получиться долгосрочное сотрудничество!

Постоянное сотрудничество Газеты и Производства! Мечта!

А вот и он, виновник, «возмутитель спокойствия», вот он, руководитель этой загадочной организации – «Инвесталмаз», «дочери», как говорят, знаменитой фирмы «Алроса». Той, что работает у самого Полярного круга, почти на «Полюсе холода», и добывает при этом больше всех в мире драгоценных

алмазов.

«Дочери» такой фирмы, у которой, говорят, деньги никогда не переводятся, и которая уж конечно сможет построить всё, что только задумает. А всё потому, что для своих «родных» работников, которые добывают эти алмазы на холодном Севере, великодушным Руководителям богатейшей Фирмы ничего не жалко.

Валентина наконец-то сумела встретиться с Красноперовым: газета решила обо всём этом узнать из первых уст, рассказать молодёжи города, что скоро они увидят в своём родном Ярославле «небо в алмазах»!

Но этот строптивый Президент, этот начальник, (или хозяин?) прославленной фирмы, наотрез отказался разговаривать с молодёжной газетой. «Не о чем пока говорить», – заявил он Валентине, подкараулившей его, наконец, в приёмной Тихова.

– Нет, уважаемая девочка, пока ничего конкретного, всё пока только в проектах да в наших с Тиховым пожеланиях.

– Ну, всё-таки? Мы ведь знаем, что вы уже и землю под строительство получили, да не в одном месте! И шикарные участки по Московскому шоссе, недалеко от берегов нашей реки Которосли, и за Волгой, на землях совхоза «Заволжский». Знаем, что и отсыпку там уже начали делать. Я была на вашей площадке, я видела, как величественно и убедительно работают на этой площадке мощные бульдозеры. Расскажите, как дела проектные развиваются, как всякие там согласования происходят, в чем возникают трудности, может, газета в чем-то может помочь!

Поймите вы, нам же, молодежи, всё это интересно! Кто эти коттеджи для вас на заводе собирать, да на участках строить будет? Мы ведь будем, наши молодые строители! Наши, ярославские! Не повезёте же вы работников, строителей этих, с вашего Севера!

– Ничего пока сказать не могу. Вот, будет утверждена документация, получим официальное разрешение на строительство, откроет Банк финансирование – вот, тогда мы с вами всё вашим молодым читателям и расскажем. А пока, извините, нечего рассказывать, не о чем писать вашей газете.

Газета всё же материал напечатала. И сообщила о заверениях Президента «Инвесталмаз» о начале грандиозного коттеджного строительства в Ярославле. И о реконструкции завода сообщила, как о деле решенном.

Ну, что с ними, с газетчиками, поделаешь! Не судиться же с ними, не опровержение же писать! Георгий махнул рукой, смирившись. Да он в душе и сам уверен был, что стройка скоро начнётся. Немало ведь для этого и сделано!

Красноперов недавно и директора будущего завода назначил. Из своих, назначил, из мирнинских. Поселил в Ярославле – быстро выделил ему шикарную, четырёхкомнатную квартиру, закупил и обставил её мебелью. Пусть живут своей семьёй, чтобы хоть о собственном жилье у нового директора не было забот.

Познакомил Георгий нового директора с Тиховым, поводил его по Кирпичному заводу. Они с Тиховым к тому времени уже определились с помещением будущего завода, на территории завода действующего. Предусмотрели и выдали проектировщикам задание на полную реконструкцию и переоборудование одного из самых крупных заводских цехов. Тихов хотел в этом помещении организовать выпуск

керамической плитки. А тут, такое предложение! Плитка подождёт!

Проектировщики в том цехе побывали, и уже начали разработку проекта.

Красноперов собрал новую заводскую команду. Руководителей, включая и Тихова, отправил в Канаду

и США. Они посмотрели там завод, уточнили некоторые положения контракта, оценили предстоящие объемы перевозок и реконструкции оборудования.

А в Ярославле, там Анатолий Киселёв, Главный строительный подрядчик, всю отсыпал щебнем площадку строительства будущего коттеджного посёлка. Решили заранее подготовить подъездные пути, все коммуникации, сети, распланировать площадку, разгородить участки, залить бетоном фундаменты – чтобы всё было готово к строительству посёлка – привезли готовые дома и на месте быстро, качественно их «слепили»! Риска здесь не было – такая подготовка никогда не может быть «бросовой», для любого строительства, для любого проекта сгодиться.

В Москве Яковлев познакомил Георгия с очень интересным человеком. Валентин Филюян работал научным сотрудником Международного института Проблем Управления.

С развалом Советского Союза, да с нагрывшим в Страну «Рыночным Капитализмом», научные сотрудники всех, наверное, НИИ пустились в Бизнес. Кто в большой, кто в малый. Кому как везло. И – в зависимости от существовавших на тот момент личных знакомств, связей.

Филюян свёл Красноперова с руководителем Отдела Перспективного проектирования Международного Научно-Исследовательского института Проблем Управления. Институт взялся разработать Долгосрочную Программу строительства жилья в Центральных районах России для Северян.

Филюян же, через очень короткое время, с помощью своих руководителей Института, организовал встречу Красноперова с одним из заместителей Председателя Правительства России. Решили попробовать включить Программу Компании «Инвесталмаз» в Целевую Федеральную Правительственную программу строительства жилья для военнослужащих, возвращающихся домой, в Россию, из бывшей, расформированной сегодня, Группы Советских Войск в Германии. Попасть в такую Программу было бы большой удачей, это сулило крупный Государственный заказ, а значит кредиты ведущих Банков под гарантии Правительства, с минимальными процентными ставками.

И такая встреча состоялась. В «Белом Доме», как теперь «коммерсанты» называли Дом Правительства на Краснопресненской набережной. Красноперов получил все необходимые согласия и резолюции. Решения Заместителя председателя Правительства подтвердил Министр Экономики и Развития своей положительной резолюцией на письмах Красноперова и на сводном Проекте Целевой Программы:

«Согласиться. Включить в состав Республиканской Целевой социальной Программы».

И подпись: Министерство экономики – Шохин, Шаповальянц.

Все «дороги» теперь были открыты, предстояла большая и интересная работа, очень нужная и очень выгодная для Северян. А выгодной эта работа для Северян стала еще и потому, что Правлением Компании было принято решение – работникам предприятий Алмазодобывающего комплекса, Акционерам Компании «Инвесталмаз», квартиры и дома, построенные Компанией на «Большой земле» продавать по себестоимости.

При этом, выделять акционерам на таких условиях половину построенного жилья на «материке». Зарабатывать же деньги решили на Правлении тем, что остальную половину построенного жилья продавать свободно, всем желающим, по рыночным ценам. Расчеты подтвердили, что такого заработка будет вполне достаточно, чтобы и содержать Компанию, и чтобы оставалось что-то на дивиденды по Акциям Компании.

Так, Компания заложила жилой дом в Балашихе, в Ближнем Подмосковье, на 400 квартир. Широко объявили об этом в Якутии.

Купить квартиры подали заявления пока только 80 северян. При этом, Компании уже доверяли, верили люди, что это не просто разговоры: к тому времени Компанией было заселено более пятисот семей в Центральных районах. И не только в Ярославле. Более того, кое-кто из предприимчивых «акционеров» этими квартирами уже и торговать начал. Ещё бы – получили квартиру по себестоимости, а продали по рыночной цене. Купили квартиру, скажем, за двадцать тысяч рублей, а продали за сорок тысяч долларов! (Чтобы быстро продать, в те годы еще существовали такие «смешные» цены. И это давало прибыль – более трёхсот процентов!). Таким образом, только в одном доме, в Балашихе, 300 квартир продавалось по рыночной цене, что окупало все затраты, включая и льготные цены для Северян. При такой схеме финансирования строительства на «материке» Акционеры Компании «Инвесталмаз» получали огромную выгоду. Кроме того, льготные цены Акционерам, это ведь «дополнительные «дивиденды»! Так Правление спланировало работу Компании на ближайшие годы – работать для блага людей, а не только ради Прибылей и больших Зарботков.

Одно направление деятельности Компании «Инвесталмаз», таким образом, четко сформировалось – строительство жилья для Северян в Центральных районах России.

Надо было приступать к формированию второго, тоже основного, как считал Красноперов, направления её деятельности.

Как-то, еще в первые дни после утверждения Устава и других учредительных документов Компании «Инвесталмаз», Красноперов с Зельбергом, в его кабинете, поздно вечером, намечали возможные направления деятельности вновь созданной Компании.

– Взятся бы ты, Георгий Александрович, за обработку алмазов! – с искренним пожеланием вдруг высказался Зельберг.

– Надо же нам когда-то создавать собственную огранку! Да, конечно, я с тобой согласен, Компании надо раскрутиться, подняться как-то, утвердиться! И скорее всего ты это сможешь сделать на выгодном со всех сторон деле – строительство жилья для Северян. Это – быстро окупаемое дело. Может, и мы тебе в этом поможем. Раскрутиться поможем! Но наладив такое строительство – надо тебе всё же браться за огранку! Возможности такие у нас есть, сырьё собственное, кому же ещё и гранить алмазы, как не нам самим.

Зельберг одним из первых стал Акционером Компании. Выкупили свои Акции Сафонов и другие руководители «АЛРОСы», и это добавляло Красноперову энтузиазма и дополнительной уверенности. Раз берут акции, значит, в Компанию верят, считают её своей, значит и помогать будут!

Талантливый обогатитель Костя Годун согласился взяться за организацию ограночного производства. Связались с Кусой, на Южном Урале, с заводом точных камней, где была хорошо развита подготовка и обработка этих камней для самых разнообразных сверхточных приборов. Создали совместное предприятие по огранке. Куса – Мирный. Объединили, получилось – Кумир! Новое совместное ограночное предприятие. Кумир.

Первые алмазы взяли в кредит, без предоплаты и получили первые бриллианты! Занялись поиском сбыта. Первую продажу новой продукции провели через существовавший ещё «Алмазювелирэкспорт». В продаже немного дешевле получилось, но всё равно – с огромной для производства выгодой. Можно было раскручиваться. Сбыт через «Алмазювелирэкспорт» конечно же надёжный, и деньги фирма выдавала сразу же, по получении Кусинской посылки в Москве. Но – всё шло к расформированию этой государственной организации.

Зуд реформирования охватил Россию, закрывались, «реформировались», приватизировались ведущие предприятия и организации. И в первую очередь «эффективный частник» захватывал

перспективные, выгодные кусочки Советской, действующей промышленной и финансовой группы предприятий. А куда уж перспективней алмазов да бриллиантов! Кто же пройдет мимо этого! Расформировывались Советские торгово-сбытовые организации, приносившие Стране Советов миллиардные доходы.

Ничего. Страна подождёт. Надо и «эффективному собственнику» подзаработать! Самую малость. Какую-нибудь сотню-другую миллиардов долларов.

..В Мировом бриллиантовом бизнесе не нашлось такого предприимчивого и дальновидного организатора, как Эрнст Оппенгеймер, который бы сумел создать такую же общемировую сбытовую организацию по продаже обработанных алмазов – бриллиантов, как это было в купле-продаже алмазов сырых. Не было у «бриллиантчиков» такой объединяющей все их усилия организации, как «Де Бирс». Поэтому в торговле бриллиантами много было случайного, скороспелого, «разношерстного». Не было и единой ценовой политики. Да, существуют «Бриллиантовые» «биржи». Но это, в основном, места встреч предпринимателей, торговцев и покупателей, но никак не организующие, не объединяющие организации. Поэтому, разного рода экономические «сбои», «кризисы» вносили сумятицу в бриллиантовый бизнес, дезорганизацию, нестабильность. В бизнесе «сырых алмазов», благодаря «Де Бирс», «рынок» был более организован и не так подвержен различного рода «спадам» и ценовой дестабилизации. И производители бриллиантов, «обработчики» всегда четко знали, где и какое они могут приобрести алмазное сырьё для продолжения своей работы!..

В реализации бриллиантов, в связи с опасением исчезновения «Алмазювелирэкспорта», Красноперов, с помощью соратников, всё же нашли выход. Они познакомились с Лондонским предпринимателем Джоном Купером, занимающимся скупкой и реализацией алмазов и бриллиантов, побывали с Константином Годуном и Юрием Петелиным, юристом Компании, в Лондоне, в гостях у этого Купера, обо всём договорились, подписали выгодные Соглашения. И проблему сбыта готовой продукции Кусинского совместного предприятия – решили. Пока договорились по объёмам продаж в 200 тысяч долларов в месяц. В перспективе – как дело пойдёт, но возможности неограниченные. С хорошим настроением вернулись в Москву. Вот они горизонты успешной деятельности! Возможности – аж дух захватывало!

Но...

Начинались странности!.. Развитие событий пошло по совершенно непредвиденным путям-дорогам!

В Москве их ждало ошеломительное и совершенно не предсказуемое известие – из Компании «Алроса» ушел Первый её Президент, создатель и организатор Компании Рудаков!

Как ушел, куда ушел, зачем ушел? Или – «ушли»?

У Красноперова защемило внутри. Над Красноперовым нависло Предчувствие!

Президентом Компании избран Андрей Дмитриевич. Академик Кириллин. Если бы его избрали, скажем, Президентом Республики, или даже Президентом России – это было бы значительно естественней. Именно на таких постах нужен политик его типа – человек, мыслящий аналитически по всем проблемам деятельности человечества.

Хороший человек Кириллин. Хороший ученый. Но – не руководитель промышленным предприятием! Да еще и Горнодобывающим. Ученый, на посту руководителя Горнодобывающего предприятия, это, как не притворяйся, а не на месте.

Или тут другое? Может быть, из этого алмазодобывающего предприятия его новые «хозяева» решили сделать что-то другое? Не Горнодобывающее предприятие? Или – не только Горнодобывающее? Не только

Алмазодобывающее?

Всем было ясно, что назначение Кириллина носит временный, промежуточный характер.

Чья-то сильная, корыстная рука замахнулась на Алмазную благодать.

Пока еще не распределённую? Не поделённую?

Чья рука протянулась к знаменитым Якутским алмазам?

Ответа на этот «загадочный» вопрос долго ждать не пришлось...

32

Управление Компании «Алмазы России Саха» в Москве находилось пока ещё на старом месте, на Калининском проспекте, то есть там, где располагалось совсем недавно Министерство Цветной Metallургии СССР и, естественно, «Главалмаззолото».

(Пока ещё на «Калининском» – скоро в Москве и названия улиц, и многое другое начнут стремительно переименовывать!

Как же – наследие «ненавистного» Советского! «Совков»! Долой!

Хотя еще вчера сами они были и «советскими», и «совками»! Да и кто их, новых «хозяинов», умными да значительными-то сделал? Разве не «Советы»? Или – не те условия, что создали им эти, такие ненавистные теперь, «Советы»?).

На пятом этаже ещё продолжали существовать какие-то службы бывшего Министерства, работала и приёмная Министра, но уже без Ломако. Петра Фадеевича не проводили, нет, выпихнули! «На пенсию». Заслуженного человека, Героя Социалистического труда, смолоду, с тридцати двух лет, руководившего, поднимавшего из пепла, из разрухи ведущие отрасли промышленности молодой Страны Советов!

Вот она – благодарность потомства!

Не знал ещё, но уже чувствовал Красноперов, что скоро, очень скоро, «выплюнет» система из своих сплотившихся нечистоплотных рядов и его самого. Чувствовал Красноперов, что не такие люди, как он, честные самоотверженные работяги, нужны теперь новой системе. Новым её вдохновителям и организаторам капиталистических побед!

Красноперов ходил по длинным коридорам бывшего Министерства, он никак не мог найти кабинет Мазура, Президента Компании «Алмазы Якутии», созданной только для того, чтобы убрать Мазура из Удачного. (Точно так же, как создавалась и Компания «Инвесталмаз», как вскоре всем стало ясно – чтобы избавиться от Красноперова!).

После встречи с Зельбергом, который откровенно заявил Красноперову, что никаких денег «Инвесталмаз» не получит, и пусть Красноперов поскорее забудет о решении Правления «Алмазы России-Саха» о выделении ему на Канадский проект восьми миллионов долларов, Георгию хотелось посоветоваться с Мазуром, а что дальше? Как новым Компаниям развиваться, как действовать дальше, если АЛРОСА от них отказывается?

Наконец, нашел Георгий Мазура, его посадили на два этажа выше кабинетов основной Компании, и он там, на своём «верхотуре» вёл уже какие-то встречи, переговоры, строил какие-то планы. Когда Георгий добрался, наконец, до него, переговоры Вадим вёл с какой-то итальянской делегацией, и разговор у них шел действительно оживлённый, и по всему видно было, что разговор у них взаимно заинтересованный.

Когда Георгий с Вадимом Дмитриевичем остались одни, Красноперов прямо спросил, на что Мазур

рассчитывает? На какую помощь нового руководства Компании «Алмазы России-Саха»?

– О, дорогой мой, это тебе они помощь оказывают, а на меня они давно махнули рукой, с первых же дней, как только выдворили меня с Удачного! А ты на что думал рассчитывать? На деньги? Впрочем, тебе ведь легче.

– Чем же это мне легче?

– Ну, как же! Только одно решение о выделении тебе восьми миллионов долларов, пусть они даже этих денег и не дадут, а они наверняка не дадут, только одно это решение уже можно использовать и под него получить приличные кредиты в любом Московском Банке!

– Господи, Вадим! Какие кредиты?! Что, у тебя есть трудности с кредитами? Да давай я тебе сегодня же организую кредит любого Банка, на любую сумму. Хочешь?

– Под какие проценты?

– Вот! То-то и оно, что под четыреста процентов!

– Ну, таких кредитов мне и самому предлагают сколько угодно! Только – «кому это надо». Ты нормальный кредит организуй, под рабочий процент, под приемлемый! А еще лучше – совсем без всяких процентов, под совместную деятельность.

А под четыреста, да под пятьсот – у меня и у самого вон, целый ворох предложений. Так что, дорогой «президент» – забудь ты про «мамку», сам оперяйся, самим нам с тобой придётся «упираться рогами», чтобы сделать что-то. Ты чем, главным образом, хочешь заниматься? Ну, главное направление деятельности твоей Компании какое определяешь?

– Строительство жилья для Северян. Это главное, пожалуй. Хочу еще попробовать наладить огранку алмазов. Но, не знаю, как теперь это получится? При новом отношении к нам нового руководства?

– О помощи, пожалуй, придётся забыть. Сами они сидят без денег. Зарплату, говорят, даже рабочим выплатить не могут. Нечем! Нет денег! Придумали свободную, самостоятельную торговлю алмазами, вот и остались без денег!

– Что? Отказались от совместной работы с «Де Бирс»?

– Не отказались, конечно. Как они откажутся? Что, на алмазах сидеть будут? И ждать, когда из камней деньги «выпарятся»? Нет. Но вот эти «контрольные» пятёрочки – они могут боком Компании выйти. И уже выходят.

– Да, конечно, чтобы там газетчики не писали, а ведь когда-то именно «Де Бирс» помогла молодой Советской отрасли алмазодобычи встать на ноги. Что главное для любой продукции?

Сбыт! Быстрая оборачиваемость и быстрое получение денег.

Именно это помогло «Якуталмазу» когда-то быстро набрать силу и уверенность. И подняться на ноги. Два миллиарда долларов в год, для молодой, развивающейся отрасли – неплохое подспорье! И этому способствовал именно выгодный контракт с «Де Бирс». Мы как-то долго однажды разговаривали и с Никой Оппенгеймером и с его братом двоюродным, с Генри, ещё там, в Мирном, когда они к нам приезжали. В нашем загородном доме. Я их привозил туда переодеться перед встречей во Дворце культуры с народом мирнинским. Им тогда солидный концерт устроили в нашем Дворце Культуры. Удивили мы их тогда. На концерте. Они искренне восхищались, как много у нас талантливых артистов. И никак не хотели верить, что всё это самодеятельность! И перед праздничным ужином, они тоже захотели переодеться. Вот, я и возил их тогда в этот наш Загородный дом. Что когда-то, к приезду Косыгина, в первозданном лесу, около Мирного построили. О многом мы тогда переговорили с братьями Оппенгеймерами. И знаешь, я поверил в

их искреннее желание сотрудничать с нами, торговать с нами.

Вспомни, какие выгодные условия они нам предложили! Контрактом определялось не только чёткое количество продажи нашим Объединением алмазного сырья. Контрактом определялась и твёрдая цена на эти алмазы. И уж совсем льготное, можно сказать, для нас положение Контракта – если мировая цена на алмазы вдруг упадёт, «Де Бирс» покупает у нас сырые алмазы по цене Контракта. А если эта цена вдруг на мировом рынке подпрыгнет, поднимется – они покупают у нас алмазы по этой новой, повышенной цене! Разве это не выгодно?

Да любой продавец рыдал бы от счастья с такими условиями купли-продажи! А мы вдруг заартачились. Я тоже думаю, что введение этих сомнительных «контрольных отрезков» к добру в отношениях с нашим постоянным партнёром, в наших отношениях с «Де Бирс», к добру не приведут. А потом – не кажется ли тебе, Вадим, что эти «контрольные отрезки», эти пять процентов «свободной» продажи, очень быстро приведут к мошенничеству? И даже – к прямому воровству?

– Кажется. Еще как кажется. И приведут! Если уже не привели. Но, нам-то с тобой теперь о другом думать надо. Самим надо выживать учиться! В новых условиях повсеместного мошенничества и воровства! И не только с алмазами да с золотом, с этим нам с тобой вряд ли теперь сталкиваться придётся. Везде теперь воруют! Не только на золоте да алмазах. И враньё! Господи, все так и норовят обмануть «ближнего». И разворачивается как-то всё по странной схеме. Недоверие, обман, подозрительность...

Люди меняются буквально на глазах! Ну, скажи откровенно, вот, в этом для тебя решении Правления – о выделении тебе восьми миллионов долларов на тот, канадский твой проект. Зачем принимали такое решение, если заранее знали, что денег не дадут? Зачем? Людей насмешить?

– Жаль, Вадим, что Рудаков ушел из Компании. Я думаю, да я просто уверен – при Рудакове Зельберг бы никогда не решился не то, что сделать, даже подумать о таком! Чтобы решить, а потом отказаться? Не было еще такого в нашей многолетней практике. Да, и не Зельберга вовсе это решение. «Бери выше, смотри дальше». Я думаю, Вадим, всё только начинается. Как говорить – «то ли ещё будет!».

С тяжелым чувством ушел Георгий от Мазура. «Да, Вадим прав, никому мы теперь не нужны. Выкручиваться надо самим.

И выживать».

С Кириллиным они встретились в коридоре.

– Что, был у Мазура? Понравилось? Тебе, Георгий Александрович, я тоже здесь, в этом здании, хочу кабинет выделить. Чтобы всем нам вместе здесь работать. Чтобы рядом всем быть. Согласен?

– У меня, Андрей Дмитриевич, есть уже офис в Москве. Я заключил договор аренды с Институтом «Мосводопроект». Это в Медведково, на Енисейской. Снимаю у них целый этаж. Уже и ремонт заканчиваю. Скоро въезжать будем. Приглашаю вас на новоселье. Принимаете приглашение?

– Ну, давай, приглашай, там посмотрим. Ты что, ко мне? Сейчас, подожди немного, посиди там, в кабинете, я скоро вернусь.

Поговорить нам с тобой надо. И о многом.

Красноперов пожаловался Кириллину на Зельберга.

– Вот, Андрей Дмитриевич, Правление решило выделить мне на Канадский проект восемь миллионов долларов, а Зельберг отказал. Лично, без всякого решения Компании. Нет, говорит, денег, и всё тут. А я ведь уже всё раскрутил. И контракты все подписаны, и в Ярославле всякие переделки на Кирпичном заводе начались. Проектировщики всю работу, тоже затраты, тоже деньги платить придётся. Я практически

уже разорён!

Столько наказывал, а платить нечем! Я же поверил в это решение Правления! И раскрутился под это обещание.

– Нет пока денег, Георгий. Действительно нет, не хитрит Зельберг. Вот что. Давай мы дадим тебе сырых алмазов. Ну, продать ты их не сможешь, но в любом банке возьмёшь деньги под залог этих алмазов. Я подпишу такое распоряжение, а ты уж с Дуденковым договаривайся сам – получай и закладывай в Коммерческом Банке. Их сейчас в Москве много. Некоторые действительно с деньгами. И хотят, чтобы эти деньги работали. Они пойдут на сделку с тобой с большой охотой.

– Может и пойдут, Андрей Дмитриевич, но ведь деньги они согласятся выдавать под большие проценты! Как же их, эти кредиты, потом возвращать?

– Ну, слушай, под такой залог они могут выделить деньги и на хороших условиях. Товар всё же ликвидный. Впрочем – это уже твоё искусство, как сумеешь договориться. Если не получится, не знаю, что тебе и предложить. Денег в нашей кассе нет!

– Ну, сегодня нет, завтра будут. Давайте подождём.

– Хорошо. Возьми у Дуденкова спецификацию алмазов, которые он выдаст тебе для реализации, поработай с ней, с этой спецификацией, с Банками, с гранильными фабриками, сколько реализуешь здесь, в России, всё твоё. И сколько заложишь в Банках – тоже всё твоё. Действуй! Ну, а не получится – жди. Жди, когда деньги появятся. В нашей кассе. Я подтверждаю решение Правления о выделении тебе восьми миллионов! Но, с появлением денег в кассе Компании. У нас сейчас столько «дырок» появилось, столько платежей срочных, не до тебя нам сейчас будет. Так что пробуй вариант с сырыми алмазами. Другого пока ничего нет. Я ведь и так рискую, принимая такое решение. Но, ничего, давай попробуем! Кто не рискует, тот сам знаешь, чего лишается. Действуй!

Через несколько дней Красноперов получил распоряжение президента Компании «Алмазы России-Саха»:

«№ 11-р 27. 12. 1993 г.

В целях исполнения условий для строительства завода по изготовлению плит OSB в г. Ярославле и строительства жилья для работников Севера, считаю необходимым:

1. Предприятию «Алмазный центр» (Дуденков Ю. А.) подготовить партию алмазов на сумму 25 млн. долларов США и поместить на хранение сроком на один год в хранилище предприятия.

Выдать акционерной компании «Инвесталмаз» складскую справку с указанием номенклатуры, качественных характеристик и оценки партии алмазов, помещенных в хранилище.

2. Акционерной компании «Инвесталмаз» обеспечить возврат полученного в Банке кредита под залог выделенных алмазов в установленные кредитным договором сроки.

3. Контроль за своевременным исполнением договорных обязательств между акционерной компанией «Алмазы России-Саха» и акционерной компанией «Инвесталмаз» возложить на советника Президента по юридическим вопросам Акопяна Г. В.

Президент Компании – А. Д. Кириллин».

Что ж, Красноперов. Теперь тебе жаловаться не на кого. И не на что. Теперь всё только от тебя зависит. Действуй!

Удивительное время, эти «лихие девяностые»! Время головокружительных свершений, время убийственных банкротств и разорений, время сказочных обогащений и непостижимого, непредсказуемого обнищания. Кто там говорит, что в Советские годы кто-то кого-то боялся? Никто тогда никого не боялся. Люди свободно жили, свободно работали, свободно отдыхали. Родители не заботились об охране своих детей, а дети не боялись гулять по вечерам, до поздней ночи – ни убийств, ни изнасилований не было. Никто тогда об этом и слухом не слыхивал! Люди верили родным, верили друзьям, ценили дружбу с «одноклассниками», с сослуживцами. Да и правду матку на своих собраниях смело высказывали начальству, в глаза говорили, не за углом, не «в подворотне». Никто тогда никого не боялся. И в жизни, и в работе уверенными все были, уверенными в своей постоянной и обеспеченной работе, уверенными в учебе и отдыхе своих детей, уверенными в своём оберегаемом государственными органами будущем.

И вот они – «лихие девяностые». Всё порушилось в считанные дни. Вот когда люди начали понимать, что такое настоящий страх, вот когда люди потеряли веру, доверие к самым близким, к самым казалось преданным и родным людям! Никто не стал верить никому. Подписанные договора между солидными предприятиями, известными на весь мир фирмами, мгновенно превращались в никому не нужные бумаги, как только дело касалось сделок с советско-российскими организациями, предприятиями, «вновь испеченными» коммерческими фирмами.

Куда там телефонные договорённости – переговоры при личных встречах отнюдь не гарантировали успешного завершения заключенной сделки. Оплата обязательств – только предварительная! Отгрузка продукции – только при поступлении денег!

Никакие другие взаимоотношения не действовали. Доверенные, многолетние, проверенные партнёры – ввали друг-другу напропалую, не задумываясь, а что же завтра? Как завтра жить?

Как завтра смотреть друг-другу в глаза? Люди как будто обезумели. Всех охватил озноб мгновенного обогащения. Вчерашние партнеры не признавали друг-друга. День-деньги-деньги! Плати – и мы тебе поверим! Не платишь, значит болтун, пустое место, человек опасный! Не вздумайте поиметь с ним какие-то дела! Он подпишет с вами любую бумагу, и всё будет пустым! У него денег нет, и быть не может!

Склоки, доносительство, нашептывание, наговоры – обрели сокрушительную силу и определяли развитие экономических отношений в новом, ещё не сформировавшемся, но уже характерно-криминальном обществе.

Вот, в такой обстановке нужно было формировать деятельность новой компании, хоть и под прикрытием могущественного покровителя. Могущественному покровителю легче – он добывал и продавал алмазы, у него была продукция, у него были деньги.

У новой, создаваемой Компании не было ничего, кроме страстного желания работать, развиваться, быть полезной своим акционерам.

Красноперов понимал, только Покровитель сможет помочь чего-то добиться реального.

Получив «Распоряжение» Кириллина, Георгий немедленно связался с директором «Алмазного центра», с Дуденковым, и практически в первую же встречу обо всём с ним договорился.

– Сделаем спецификацию алмазов и выдадим тебе складскую справку через неделю. – Пообещал Юрий Александрович.

– Почтой прислать, или сам, Георгий Александрович, приедешь и заберёшь?

– Нет, почтой не надо. Сам, конечно, приеду.

– Я думаю, качество камней для залога особого значения иметь не будет? Не именные же камни тебе

отбирать!

– Я говорил с банкирами. Да, им конечная сумма важна. А посмотреть, в случае необходимости, их эксперты камешки посмотреть смогут? Банкиров ведь волнует ликвидность. Ну, в случае чего...

– Да какие проблемы! Покажем. А «в случае чего» не должно быть. Не та мы организация, чтобы что-то случилось не предусмотренное нами.

На том и разошлись.

Теперь нужен был Банк. Надёжный, с деньгами. Двадцать пять миллионов долларов это в те годы, в начале девяностых, это – более восьмидесяти миллиардов рублей. Далеко не каждый банк обладал таким балансом. Кроме того – лицензии! Лицензии на право работы с золотом и драгоценными камнями.

Ну, лицензии для Банка Красноперов, в крайнем случае, брал на себя. Его связи с «Комдрагметом», личное знакомство с Евгением Бычковым, а именно они тогда занимались оформлением и выдачей лицензий, давали Георгию уверенность, что с лицензиями он вопросы решит. Главное – деньги.

Банки еще только формировались, больших накоплений у них просто к тому времени еще не было, да и быть не могло. Банки только-только возникали, возникали на пустом месте, росли, как грибы в осеннем лесу, набирали потихоньку свои силы – кто быстрее и покруче, кто не так ярко, громогласно и стремительно, но все они мало-помалу накапливали капитал. Именно по этой причине, из-за малой пока финансовой базы, категорически отказался работать с камнями родной «МакБанк», соучредителем которого был и «Инвесталмаз». Да еще и с солидной долей участия в Уставном капитале – почти тридцать процентов.

Краткосрочно, при нужде, «МакБанк» помогал Красноперову.

Однажды, при оплате выполненных строительных работ в Балашихе, «МакБанк» помог рассчитаться со строителями, выдав Красноперову кредит в четыреста миллионов рублей. Всего на две недели, но с процентами – аж четыреста процентов годовых! Вместо четыреста миллионов Красноперов вернул «МакБанку» через две недели уже четыреста двадцать миллионов!

Но вернул!

Для долгосрочного сотрудничества такие проценты конечно же не годились. Московские Банки были откровенно слабы и могли просто не потянуть большие объемы финансирования.

Георгий связался с Банком «Советский», с одним из самых в то время солидных. Смоленский, Управляющий Банком, откровенно признался, что у него нет ни возможностей, ни желания работать с драгоценностями.

– Я даже не имею ввиду лицензии там и прочие разрешающие документы. Сегодня наше Российское законодательство в этой области настолько несовершенно, настолько однобоко – «Не давать! Не пущать! Запрещать!», что браться за эти дела сегодня – себе дороже! И опасно – вмиг сформируют «дело»!

Лучше мы подождём – а чем же всё это закончится! Я имею ввиду, всю эту сегодняшнюю нашу «россейскую» заварушку. Так что, извини, дорогой. «Пристреляйся-ка» ты лучше к банкам иностранным! У них в этих делах опыта побольше. Они сейчас рвутся в Москву, любая идея совместных с россиянами предложений для них как «манна небесная». За любой проект они готовы ухватиться. А у тебя – и дело солидное, и фирма надёжная.

Любому партнёру «предложиться» не стыдно!

Смоленский был красноречив, но как-то необычно нервничал. Озабоченным был каким-то, взъерошенным. И нервничал.

Нервничал! То сидел за столом своим рабочим, то вскакивал и начинал нервно бегать по кабинету.

«Что это он такой нервный, – подумал Красноперов. – Неужели «обдумывает побег»? Не за границу ли? Ну да, бог с ним, это его проблемы».

Да. Нужно было думать об иностранном Банке.

И опять помог Сергей Яковлев. Они встретились на ВДНХ, в офисе у Валентина Филояна. Георгий поведал о своих затруднениях, рассказал, как он столкнулся с почти неразрешимыми Банковскими проблемами.

– Ждать надо, пока Банки силу наберут. А время уходит. Скоро ведь и залог обратно возвращать надо будет.

– Поедем, Георгий к Короткову, в «Инкомбанк». Он недавно, встречались мы с ним, вот, он сетовал на то, что нет приличного, солидного предложения по серьёзным делам. Чтобы Банку раскрутиться, как следует, на финансировании солидного проекта.

Ищет он вот такой солидный заказ на финансирование! Центробанк только под солидные проекты оказывает финансовую поддержку новым Российским Банкам!

– Так поехали! Чего же ты до сих пор молчал?

Коротков всё понял с полуслова.

– Составляем Бизнес-план! Взаимно всё согласуем, составим договора. У Банка будет договор с «Инвесталмазом», у вас – с головной компанией, с «Алмазами России – Саха». И – за работу! Я давно ищу такой проект! Господи, Красноперов, где же ты раньше-то был! В самую нужную, самую критическую минуту Господь Бог тебя ко мне направил. Мне позарез сейчас такой Проект нужен!

Он вызвал своих производственников, Георгий выдал все исходные данные и банковские ребята с воодушевлением взялись за разработку Бизнес-плана.

Красноперов выехал в Ярославль.

Надо было успокоить людей, рассказать о появившихся вариантах финансирования Канадского проекта, убедить людей, что всё реально, всё осуществимо, пора переходить к делам практическим.

Тихов собрал своих главных специалистов на Техсовет. Красноперов подробно изложил программу практического воплощения Проекта в производство. Проектировщики доложили о своих проработках реконструкции цехов завода под выпуск плиты OSBi, линии сборки коттеджей, и даже выбранного транспортного пути по перевозке коттеджей на строительную площадку.

Побывали на площадке. Киселев там поработал солидно – площадка была отсыпана полностью, предстояла вертикальная планировка и всё – закладывая фундаменты, вези домики и собирай! Готовность площадки, так, навскидку, была выше девяноста процентов. Да, отступить теперь некуда!

В Москве неожиданно позвонил Смоленский, Банк «Советский».

– А ты знаешь, что Нечаев подписал Распоряжение Министерства финансов, разрешающее гражданам России, как физическим лицам, так и Юридическим организациям открывать расчетные счета в зарубежных банках? Не знаешь? Вот! Спешу тебя уведомить. Я имею ввиду финансирование твоего Канадского проекта! Всё, теперь у тебя руки развязаны, можешь работать с любым Банком, как в России, так и за рубежом!

– А ты, не передумал? Не хочешь присоединиться к нашему проекту?

– Ну, во-первых, я уже знаю, что ты объединился с «Инкомбанком». Зачем тебе ещё лишние

партнеры! А во-вторых, я просто не потяну, я тебе признаюсь откровенно. А вот тут у меня сидит в кабинете Офицер Лондонского «БарклайзБанка».

С предложением сидит, хочет профинансировать в России солидный Проект. Вот, я его на тебя и хочу вывести! «Продаю», Георгий Александрович живую идею, и бесплатно! Надеюсь, в будущем ты мой порыв оценишь достойно! Ладно. Шучу. Когда можешь с ним встретиться?

– Да хоть сегодня. Пусть прямо сейчас и подъезжает!

– Ну, тогда, на вот, передаю трубку, объясни по телефону, как к тебе проехать, и как к тебе попасть в «башне» твоей.

«Инвесталмаз» занимал одиннадцатый этаж в семнадцатизэтажной «башне» на Енисейской улице, в Медведково, сразу за Северянинским мостом.

– Джон Вольф, – бодро представился англичанин, входя в кабинет Красноперова. – Ого, неплохо устроились. Такой офис и в Лондоне поиметь не стыдно! – Англичанин хорошо говорил по-русски.

– Что-то хотели мне предложить?

– Да, мы думаем открыть филиал нашего Банка в Москве. Но – это история долгая. Пока оформим все разрешения, пока подберём помещение, опять же, пока оформим аренду на него, или получим в собственность, в общем, пока мы здесь внедримся как следует, воды утечет немало. А у вас Проект! Я посмотрел, бегло, правда, но посмотрел. Солидно смотрится, и на долгосрочную перспективу. Мы можем начинать сотрудничать уже сейчас. У вас проект связан с Канадой. У нас есть филиал нашего банка в Торонто. Можем вас с ними связать, заключим договор и можно всё начинать очень скоро.

Красноперов улетел в Канаду.

К тому времени в России кое-какая правовая база уже появилась. Президент, довольно плотно ознакомившись с Северными предприятиями, вникнув в наболевшие дела Северян, издал Указ о льготном строительстве жилья для Северян в Центральных районах страны. Штыров, Председатель Правительства Якутии, на основании Указа Президента России подписал Постановление Правительства Якутии о таком строительстве, определив в этом постановлении Главными застройщиками две организации – АК «Инвесталмаз», и АО «Сахаинвестстрой».

С такими решениями Красноперову легко было разговаривать с партнерами. Строительство жилья для Северян возведено этими документами в ранг Государственной Социальной политики!

В Канаде Красноперову устроили встречу с Послом России и с Канадским Руководством. Решили сделать Презентацию совместного Российско-Канадского Проекта жилищного строительства в России для Северян. На базе строительства завода OSBi. Главным застройщиком определили Канадскую Фирму «Патекс».

– Давайте, давайте, – поддержали в Посольстве, – такая совместная деятельность не должна замалчиваться, должна широко освещаться в прессе, в газетах обеих Стран. Когда всё будет готово, когда подпишете все договора и утрясете все тонкости финансирования, мы наметим конкретные сроки вашей Презентации, дадим хорошую рекламу, соберём журналистов и осветим вопрос основательно. Готовьтесь!

Практически, вся подготовительная работа была закончена.

Красноперов возвращался в Россию в радужном настроении.

Всё, что он задумал, близилось к осуществлению...

Как сказал кто-то из великих – «человек предполагает, а Господь Бог располагает»...

В России Красноперова ожидало жесточайшее разочарование.

Пока он катался по заграницам, в руководстве Компании произошли новые изменения.

Президентом Компании назначен Штыров. Да, да, Вячеслав Анатольевич, который еще недавно подписывал постановления Правительства Якутии.

Как так? Из главы Правительства Республики, да в Президенты Компании! Переводя на простой житейский язык – бывший Председатель Правительства назначен Директором промышленного предприятия. Понижение в должности?

Это как сказать! Задумано глубоко и надолго. Пришли другие времена. Появились другие люди.

Большие деньги должны попасть в надёжные руки.

Кириллин Андрей Дмитриевич избран Председателем Наблюдательного Совета. Ну, здесь, пожалуй, в самую точку. У Наблюдательного Совета больше политики, чем производства, и в роли Главы Наблюдательного Совета Андрей Дмитриевич больше «на месте», чем во главе Промышленности.

Компанию «Алмазы России-Саха» возглавил новый Президент. И что? Неужели новая метла пометёт по-новому? А как же наработанный опыт, традиции?

Помела.

Прежде всего, Красноперов узнаёт, что он выведен из состава Членов Правления Компании «Алмазы России-Саха»!

Как, почему, кто приказал? За что, наконец?

Есть же приказ Первого Президента Компании Рудакова!

Валерия Владимировича! Там четко прописано, что руководители создаваемых по инициативе Президента компаний «Инвесталмаз» и «Алмазы Якутии», персонально Георгий Красноперов и Вадим Мазур, становятся членами Правления по должности. По должности! Если их выводят из Правления, то чьими же становятся новые компании «Алмазы Якутии» Мазура, и «Инвесталмаз» Красноперова? К кому им, «сиротам», теперь притулиться?

Без поддержки, без каких либо Заказов, без финансового обеспечения – долго ли эти компании смогут жить, работать, существовать? Да и как работать? Над чем работать, если основная Компания, которая их создала, организовала, никаких заказов, никаких поручений им выдавать теперь не будет? Не горнодобывающие предприятия. Никаких денег сырьём, продукцией не заработают... Да, выведен, точно. Сразу еще и не поверилось.

Нет. Всё подтвердилось. Выведены. Вместе с Мазуром. Как руководители «непрофильных» организаций, к Головной Компании не имеющих прямого отношения.

Так зачем создавали?

– Ты что-нибудь понимаешь, Вадим? – Георгий специально приехал к Мазуру на Калининский. – Что там произошло, на Наблюдательном Совете. Или на Правлении? Кто нас выводил?

– Вывели нас решением Правления, по предложению Зельберга.

– А как же Приказ Президента Рудакова об организации наших Компаний? Ты сам-то был на том заседании?

– Да. Был. При мне меня и вывели. Кстати, за тебя вступился Кириллин. Он был против того, чтобы «Инвесталмаз» тоже выводили из подчинения Компании. Но Зельберг почему-то настоял. И его, почему-то, все поддержали. В чем вы с ним разошлись, с Зельбергом?

– Ну, сам-то Зельберг такое предложение выносить на Правление вряд ли решился бы. Решено, видать, всё было заранее, до начала работы Правления. А ему просто поручили внести такое предложение. Поручили, так сказать «озвучить»!

И что теперь? От нас же с тобой сейчас, как от прокаженных, все вчерашние партнеры шарахаться будут. Никто же с нами работать теперь не будет! Лучше бы уж они нас вообще в Правление не вводили – ну нет, так нет, при Компании, но не в Правлении. Ничего особенного. Никто бы об этом и не задумывался. А теперь? Мы же с тобой теперь «разжалованные»!

– Да успокойся ты! Ну, вывели, и вывели. Как-нибудь проживём. Что уж ты так расстраиваешься? Аж жалко смотреть на тебя.

– Нет, Вадим! «Отрешили» нас с тобой теперь от Алмазодобычи! «Как-нибудь», Вадим, мы не проживём. Не то время, да и страна наша, Россия-матушка, не та. Нельзя у нас сделать Бизнес, если ты вдруг потерял Власть! Даже небольшую власть, ну самую маленькую! Всё, кончились мы с тобой. Неужели непонятно! А ты догадываешься почему?

– А ты?

– Я не догадываюсь. Я знаю. Ну, скажи, разве Мазур, будь он во главе Удачного, позволит Штырову присвоить в недалёком будущем родной Горно-обогатительный комбинат, родной «Якуталмаз»? Вот, то-то и оно. И команду Штыров подбирает соответствующую. Вот увидишь, около него скоро и Мостовой сумеет пристроиться. Мешаем мы с тобой Штырову, бельмом в глазу мы сидим с тобой у него! Подожди – то ли ещё будет!..

Как бы нас с тобой еще и не «ухайдакали» куда-нибудь!

– Куда?

– Да, хотя бы и в тюрьму! Думаешь – не найдут оснований? Был бы человек, а основания найдутся! Ладно. Поживём – увидим.

Я одного не могу понять, Вадим Дмитриевич, как это такие закалённые люди – Сафонов, Зельберг, Демьянов – они же огонь и воду прошли, медными трубами испытаны, они же видели в работе Тихонова, Солдатова, Рудакова, наконец, как они попали под влияние этого «высочки»? Загипнотизировал он их что-ли!

На следующее Правление их пригласили. Мазура вообще ни о чем не спрашивали, он как будто совсем от Компании отрешился, сидел на Правлении, как чужой, как человек посторонний, никакого отношения к алмазодобыче не имеющий!

И это вчерашний директор одного из крупнейших в Мире алмазодобывающих Комбинатов!

Вот это отрешение, так отрешение!

Красноперова же буквально выставили «на ковер» и отчитали, как виновного в том, что дом в Балашихе не строится!

– Нулевой цикл закончили и всё. Стройка остановлена. А люди внесли деньги, оплатили свои квартиры! Вы что же, Георгий Александрович, присвоили эти деньги?

Георгий попытался было рассказать о перспективах развития компании «Инвесталмаз», о Канадском проекте, о строительстве жилья на материке, о работе с Банками по финансированию всех Проектов

компании, но очень быстро понял, что его никто не слушает, никому его доклад не интересен. Штыров вообще прервал его в довольно грубой форме:

– Вы нам о строительстве дома в Балашихе доложите, а не сказки здесь рассказывайте о делах своих! Вы деньги у людей собрали на дом этот, значит уже достроить его должны были! О каком недофинансировании можно здесь говорить, если люди, ваши долевики застройщики, внесли на строительство дома свои деньги!

Господи! Штыров что? Он что? Ничего не знает про «инфляцию»? Не знает, что вчерашний рубль сегодня стоит десять копеек?

«Может, – подумал Георгий, – напомнить ему о нашем разговоре в его кабинете, в «конторе» Компании? На 1-ом Казачьем? Там ведь разговор шел как раз об этом доме!»

...Красноперов никак не мог попасть на приём к Президенту Компании. С секретарями Штырова его просто не соединяли! Тогда Георгий вышел на Пискунова и попросил его помочь встретиться с Президентом. Пискунов помог, и такая встреча состоялась. Но Штыров его практически и не слушал. И «про дом» промолчал, ни да, ни нет, и на другие вопросы Красноперова никак не реагировал.

– Рассмотрим всё на Правлении, – буркнул он под конец встречи и на этом всё кончилось.

Всё, понял Красноперов, компания его, «Инвесталмаз», кончилась.

Работать теперь не дадут, поддержки не будет, значит – все договора, все договорённости с Банками, со строителями, с местными городскими Администрациями – всё это «по боку»!

Жалобы застройщиков – это хороший повод для того, чтобы расправится. Время пришло. Теперь его черёд платить «по векселям». За своё собственное, особое от начальства «мнение».

С домом в Балашихе всё просто. Дом четырёхсот-квартирный, но заявлений северян набралось за год работы всего восемьдесят. Даже, если быть точным, семьдесят девять.

Дом, по первоначальному проекту, когда рубль был ещё близок к Советскому исчислению, стоил два миллиарда сто миллионов рублей (не деноминированных, конечно). Но Советского рубля уже не существовало. Всего через полгода дом в строительстве подорожал более чем в два раза и стоил к середине года уже четыре миллиарда шестьсот миллионов. Но, и это были ещё «цветочки». В следующие полгода, из-за стремительного падения рубля – а он обесценивался ежемесячно – проект дома стоил уже сорок шесть миллиардов рублей. Конечно, при такой нестабильности отечественной валюты умные люди все строительные проекты срочно «заморозили», до лучших времён.

Остановится же когда-то, наконец, эта шальная «инфляция»!

Георгий с горем пополам срочно закончил «Нулевой цикл», но полностью! На сто процентов! Презанял на короткое время денег в родном «МакБанке», рассчитался со строителями – но тоже, полностью, на сто процентов! – и приостановил пока стройку. Тоже, до лучших времён.

А деньги застройщиков? Собрал с работников-северян, с этих Застройщиков, Георгий и поместил на спецсчете в «МакБанке» два миллиарда сто миллионов рублей. Собрал он, конечно, значительно меньше, но зарезервировал полную стоимость строительства. Ту ещё, первоначальную стоимость. И их, этих денег, теперь, по новым расценкам, хватало только на половину фундамента того дома. Но Георгий не расстраивался, и не собирался облагать застройщиков новой «данью». Из-за удорожания строительства. Он всё просчитал. Его собственных квартир в этом доме будет триста восемьдесят. За восемьдесят квартир он получил, хоть и мизерные, но всё же какие-то деньги. А «мизерные», потому что четырёхкомнатная квартира в этом доме северянину обходилась около тридцати миллионов рублей. Тех, не деноминированных. Это же почти бесплатно! Надо только подождать. Но и Георгий в накладе не

оставался. Остальные триста квартир он продавал по коммерческим ценам, и окупался не только весь дом, но и все «северные» квартиры.

Вот, обо всём этом и пытался рассказать Красноперов при встрече Президенту, но тот никак не отреагировал. Видимо, он к тому времени уже окончательно поставил на «Инвесталмаз» жирную точку. Или, вернее сказать – жирный крест!

Георгий это всё объяснял и взволнованным «пайщикам», и они согласно кивали головами, понимаем, мол, но – жаловались! «Красноперов собрал деньги, а квартиры не выдаёт!». И хотя, в то же самое, в то же тревожное и нестабильное время, компанией «Инвесталмаз» был заселён северянами дом в Ярославле, пайщики-застройщики никак не хотели успокоиться и подождать. Не верили! Вынь и положи!

Жаловались, жаловались – и нажаловались. «За что боролись, на то и напоролись». Теперь, после последнего решения Правления, когда «Инвесталмаз» выведена из сферы влияния и ответственности головной компании «Алмазы России-Саха» вообще никакой стройки не будет, потому что от Красноперова теперь все отвернутся, и поздороваться никто не пожелает, и смотреть будут мимо, как сквозь стекло. Вот она – благодарность подопечных, о ком заботишься, за кого бьешься, и чаще всего в ущерб самому себе!

Красноперов вышел из зала заседаний Правления разбитый, «оплётанный», одинокий.

Всё. Хозяйственную деятельность в системе Компании «Алмазы России-Саха», у истоков создания которой он пребывал, участие в создании которой принимал непосредственное – его подпись стоит на Учредительном документе Компании – но и только! – хозяйственную деятельность в родной ещё совсем недавно компании Красноперов закончил.

Пришли другие люди, другие командиры, другие распорядители.

С Богом!

35

Но – жить-то надо!.. Жизнь не остановишь.

Как и ожидал Георгий, уже на следующий день, по его возвращении в Москву, Тамара, секретарь, ни до кого из прежних партнеров дозвониться не смогла. Того нет, и неизвестно когда будет, этот куда-то уехал, когда вернётся, не сообщил.

Значит, в Москве уже всё знают. Но... хуже другое.

«Лопнул» «Инкомбанк». Министерство финансов (через Центробанк, конечно!), отобрало у него лицензию. Короткова найти не смогли. Есть подозрение, что уехал куда-то за границу, но это только предположение. Толком никто ничего не знает.

Молодец Кириллин. Андрей Дмитриевич. Сразу предусмотрел – «залог» Банкам, как предлагал Коротков, отдавать на хранение не надо. Нельзя. Мало ли что. Опасно. Пусть храниться на складе «Алмазного центра».

Как в воду смотрел!

Да. Но – под прямой угрозой теперь и Канадский проект, и все виды строительства в Ярославле. И на «Югах» все стройки остановлены!

– С Банком «Советский» свяжись, Тамара. Надо переговорить со Смоленским, с директором.

– Банк «Советский» не работает. Приостановил все текущие операции. Смоленского в Москве нет, он уехал в Израиль. Надолго ли, никто ничего не знает.

– Найди мне Джона Вольфа, из «БарклайзБанка». Если он в Лондоне, свяжись с Лондоном.

– Георгий Александрович. В Москве сказали, что Джон Вольф в Лондоне. Связалась я с Лондоном. Там девушка, себя назвать не захотела, сказала, что Вольф уехал по делам Банка в Бразилию, и просил передать Москве, если кто-то будет его спрашивать, что они пока в России все Проекты приостанавливают, до полной организации здесь, в Москве, своего Филиала. Просили передать, что головной Банк из Лондона ничего финансировать не будет. Подписание привезённых Вольфом в Лондон договоров и соглашений пока приостановлено. Но договора рассматриваются, так что, она так сказала, пока не волнуйтесь, всё идёт по намеченному в Москве плану.

Вот так вот. Знает Георгий, что это такое, это дипломатическое «пока не волнуйтесь». Как круги на спокойной воде от небольшого камешка далеко и быстро расходятся, так и неприметное вроде решение какого-то Правления, где-то далеко, в Якутии, быстро взволновало всех причастных к их общим делам партнёров.

«А кто он такой теперь этот Красноперов? Разве надёжного человека, опытного специалиста из руководящих органов выводят? Нет! Из руководящих органов ненадёжных людей выгоняют! Да. Поосторожничать надо! Жулики там, в России все, жулик на жулике. Берегитесь! Ату!».

Да. Всё начинать придётся сначала. С «нуля» всё начинать надо!

Или всё прекращать! Может прекратить всякую деятельность? Уйти на покой? Заняться чем-нибудь для души?

Георгий решил подвести какие-то итоги. Финансовые. Что у него есть, что у него осталось. И что надо отдавать.

Так. Счета в Банке. В разных Банках, на разных счетах у него числится суммарно четырнадцать миллиардов рублей и четыре с половиной миллиона долларов США. Начальный капитал вроде есть! Если начинать с нуля.

Что в работе?

Более четырёх с половиной миллиардов в бетоне нулевого цикла дома в Балашихе. Если не получится с финансированием строительства этого дома – фундамент можно продать. Будут, конечно, какие-то потери, но основные деньги вернуться.

Теперь – Канада. Там уже «сидят» в проекте около трёх миллионов долларов. В том числе 720 тысяч – «объединенческие».

Или, теперь, «алросовские». Их надо отдавать.

Остатки... Остатки вроде есть, какие-никакие. Но, для Канадского проекта этого мало. Этого не хватает для начала финансирования Проекта Банком. Как в договоре. Как в том, прошлогоднем решении Правления Большой и Родной совсем ещё недавно Компании.

Да, выполни тогда Зельберг решение Правления, предложенное не кем-нибудь, а самим Президентом Компании, Рудаковым, Валерием Владимировичем, сейчас бы уже кое-кто и жил в тех Канадских коттеджах! И может быть не только в Центральной России, но и в некоторых Якутских Улусах. Да-да. Красноперов планировал построить эти коттеджи и в Якутии!

Да. Но и теперь, после этих губительных для Красноперова решений нового руководства Компании, да, и теперь – только Канадский проект может спасти «Инвесталмаз» от полной остановки. От разорения. От ликвидации Компании.

«Южные стройки». Там тоже заложено в стройки определенная сумма. Но там, пожалуй, потери безвозвратные. Для «Инвесталмаз». «Юга» надо передать Монташеву. Там заложены деньги ещё Мирнинского Комбината. Их в свою Компанию не вернёшь. Да и не надо. Поменьше разговоров всяких. Завистливых и злобных...

Неудобно, конечно, будет, стыдно. «Болтуном Красноперов оказался, – скажут его новые партнеры и в Евпатории, и в Сочи. Ненадёжным человеком».

Особенно стыдно будет перед Василием Александровичем Лобжанидзе. В Сочи. Заслуженный человек, один из лучших директоров средних школ в городе Сочи. Он искренне поверил Красноперову, они организовали с ним летний отдых детей, и школьников, и дошкольников, в пионерских лагерях и детских санаториях, на теплых Сочинских берегах Черного моря! Оформили и получили под строительство в престижных местах земельные участки. Тоже – под строительство коттеджей! Всё теперь пойдёт «прахом». А жаль! И на Лобжанидзе городские власти в его славном городе Сочи тоже теперь поглядывать с недоверием будут! Впрочем, у Лобжанидзе там, в этом Сочи, такой огромный и устойчивый авторитет, что он, пожалуй, выстоит...

В Евпатории Красноперов обговорил все условия круглогодичной аренды Детского сада – ясли, для детей Северян. Круглогодичный отдых и лечение на берегу Крымского Черного моря! Двенадцать месяцев – двенадцать заездов. По путёвкам.

Дошкольники едут с родителями.

И теперь тоже – «всё побоку!».

Ладно. Надо разобраться и с долгами. Как у компании «Инвесталмаз» дела обстоят с долгами! Вот, что теперь, пожалуй, самое главное.

Прежде всего, деньги «застройщиков». Эти деньги у Георгия все целы, в «МакБанке», с этими долгами он рассчитается. Попросту – вернёт собранные деньги, да и вся недолга! Но инфляция! Те два миллиарда сегодня ведь превратились в двести миллионов рублей! За прошедший год деньги подешевели в десять раз! Потому Красноперов и не стал объявлять о доведении «застройщиками» денег на удорожание строительства того дома.

В Балашихе. Инфляция продолжается, деньги можно вносить и вносить бесконечное количество раз. Кто ж этому поверит? Лучше выждать немного, по времени, успокоится же, наконец, этот несчастный рубль! Утвердится! А если потом, по окончании строительства, удачно продать квартиры, те, остальные квартиры, что помимо застройщиков, всё окупится, никаких дополнительных взносов не потребуется.

Это, если, конечно, всё сделать по честному, а «застройщиков» этих считать своими партнёрами. Красноперов даже рассчитал вариант, при котором акционеры, акционеры «Инвесталмаз», могли бы получать квартиры на «материке» вообще бесплатно. Если всех, опять же, считать своими равноправными партнерами. А что! Закладывать, скажем, стоквартирный дом.

Двадцать пять квартир выделять Северянам, алмазникам, акционерам, бесплатно, а семьдесят пять оставшихся квартир продавать по рыночной цене. Окупаются! Да ещё и с «гаком». А «гака» хватит и на «прожить» работникам Компании, и чтобы новый дом заложить в строительство. Но только заложить. Не достроить. Чтобы достроить, нужны дополнительные «вливания». Де нежные. Но – это на первый дом. А дальше – дальше пойдет как «самофинансирование».

Да. Хорошая перспектива. Терпения только вот у людей не хватает. Им подай всё срочно – только сейчас, и только в полном объеме. Но так не бывает. Может и бывает, но только в сказках.

Далее. Долги «АПРОСе». 500 миллионов – заём при организации, и 720 тысяч долларов они перевели

в Канаду. Сами перевели, напрямую, минуя банковские счета «Инвесталмаз».

«Вот, тогда уже было заложено недоверие к нашей Компании!

Деньги – сразу в Канаду. Своим? Через «Инвесталмаз»? – Как бы не присвоили! Ну, а ты что волнуешься? Сами переводили, сами пусть и возвращают!

Нет! Так нельзя. По твоей же просьбе переводили! Надо отдавать!».

Ладно. 720 тысяч – это около трёх миллиардов рублей. Немного. Отдадим. Далее... Сырьё «Кумиру». При совместной работе – это миллион долларов, или три миллиарда рублей. Тоже возвращаем. Что там ещё? А всё, пожалуй. Дальше «АЛРОСА» начала с партнёрами «Инвесталмаз» работать напрямую, минуя свою «приёмную доченьку»! И даже без её ведома. Пусть напрямую и с долгами рассчитывается!

«Господи! Как они мне надоели со своей подозрительностью, недоверием, жадностью! А, может, действительно, плюнуть на всё?».

Всех рублей по банковским вкладам – с рублями да с долларами – всех набирается, свободных уже от долгов, по сегодняшнему курсу, да, где-то около сорока миллиардов рублей. Даже, с небольшими «копейками». Если оставить всё это «на жизнь», что ж – может быть обеспечено вполне достойное существование. Можно до конца своей жизни больше нигде и не работать!

А что? Зарабатывал эти деньги Красноперов сам, без всякой помощи чьей-то, кому они должны принадлежать? Акционерам? Но ведь акционеры не работники Компании, они деньги не зарабатывают, они ждут результатов работы Красноперова, ждут – что он заработает, что останется в той части прибыли, которую потом, по результатам года, положено делить между акционерами. Через дивиденды.

Красноперов зарабатывал деньги сам, своей активностью, своим умом, своей смекалкой. Своей работоспособностью. В отличии, скажем, от Штырова. Тот сам деньги не зарабатывал. Он распределял и тратил деньги, полученные от добычи алмазов, а алмазы эти добывали работники компании. Её акционеры?

Акционерами они были в 1993, ну и в 94 году, когда на руках всех работников Алмазного комплекса имелись акции компании. Но уже с 1995 года какие-то «молодчики» очень активно скупали эти акции у работяг, у алмазодобытчиков, по хорошей, впрочем, цене скупали, в десятки раз превышающую номинальную стоимость тех акций.

Далеко вперёд смотрели те «молодчики», что в массовом порядке скупали акции «АЛРОСА». Или, это придумали не они? Откуда у «молодчиков» такие деньги? Их Хозяева?

Начался как раз тот процесс, о котором говорил Георгий Сафонову в номере Якутской гостиницы во время проведения Учредительного собрания. Да. Того знаменитого собрания по организации новой Компании, этой самой «Алмазы России». Так она первоначально была названа в Указе Президента России. Ельцина. Бориса Николаевича.

Как-то вечером, после обязательного совещания в номере у Сафонова, когда подводили итоги прошедшего дня и намечали план действий делегации «Якуталмаз» на следующий день, Лев Алексеевич попросил Красноперова задержаться.

– Тебе не кажется, Георгий Александрович, что ты ведёшь себя просто неприлично. В собрании нашем участвуют представители Правительства России, Якутии, Руководители многих солидных общественных организаций, а ты буквально «взрываешься» в каждом своём выступлении. Оскорбительно ведёшь себя по отношению к участникам такого солидного Собрания!

Что ты больше всех возмущаешься? Что тебя не устраивает?

– Лев Алексеевич, неужели вы не видите, куда клонят Штыров с Мостовым? Если мы создадим нашу компанию по предлагаемой ими схеме, с их структурой, компания через несколько лет превратиться в частное предприятие! Акции у работников компании быстро все будут скуплены, скупать будут по таким ценам, что нормальный человек не откажется продать свою акцию: «дивидендами» он таких денег за всю свою жизнь не получит от Компании. А тут деньги, хорошие деньги, и сразу! Поэтому, надо чтобы Учредителями и основными Акционерами становились непосредственно Горно-Обогатительные Комбинаты! Тогда Компания «Алмазы России» всегда будет государственной, и всегда будет работать не на частника – кто бы им не стал через какие-то годы! Компания всегда будет кормить её главного работника – Алмазодобытчика! Причем кормить будет тех, кто будет работать «здесь и сейчас!» А этого как раз и не хотят ни Штыров, ни Мостовой! Неужели вы не видите, что они сами подбираются поближе к алмазам?

– А если, Георгий, этого не хочет и Ельцин? Ну, не хочет, чтобы предприятия Объединения становились Учредителями, и главными Акционерами? Если и он сам поближе подбирается?

Ты об этом подумал?

– Ну, тогда, Лев Алексеевич, я не знаю. Значит, сегодня мы продаем «Якуталмаз» на корню. Частному предпринимателю продаём. Только вот зачем такой патриотизм звучит в наших речах, такое высокопарие? Давайте так и скажем – отдаём отечественные алмазы предприимчивому частнику! Но, Лев Алексеевич, насколько я помню того Ельцина, которого знал по Уралу, для того Ельцина такие меркантильные замашки не характерны. Впрочем – всё течёт, всё изменяется!

– Еще большой вопрос, сам ли Ельцин всё это задумал...

Вот. Именно этот процесс уже и начался. И начался не сегодня. Такая схема была заложена в самой организации Компании, в её создании!

Но акционеры «Инвесталмаз»? Они, конечно же, правы. Они вложили деньги на формирование Компании. Они создали Красноперову «начальный капитал». Поэтому, при закрытии компании они вправе потребовать свои деньги обратно. И это решаемое.

Доля «Инвесталмаз» в Уставном капитале «МакБанка» выросла до шести с лишним миллиардов рублей. Есть у Красноперова отчет Банка и уведомление бухгалтерии о сумме в рублях, что лежат в Банковском Балансе. К этому надо добавить миллиард Уставного капитала, А он тоже пока не тронут. Вот, эти деньги при закрытии Компании и надо вернуть акционерам. Это, примерно, по 120 тысяч рублей на одну акцию. Что ж, заплатили по двадцать тысяч, причем – деньгами, только по десять тысяч, другие десять – ваучером, этим бесполезным ваучером, чтобы хоть куда-то его пристроить! Да. А вернули обратно по сто двадцать тысяч за каждую акцию. Совсем не бросовая работа! Это если закрыть Компанию сейчас, сегодня. А если ещё через год-другой, сумма, причитающаяся на одну акцию, возрастёт еще больше. Только за счет Банковских процентов возрастёт! Даже, если вообще ничего не делать!

Тогда на акцию придётся уже по сто пятьдесят – двести тысяч рублей! Так что, для акционеров Компании прошедшие два года, это далеко не потерянное время!

Да. Если всё умно организовать, то и с акционерами можно рассчитаться, и самому остаться не в нищете. Что ж? Закрывать Компанию?

Сегодня это было бы для Георгия идеально.

Но – нет, не годится. А наработанные планы? А почти готовые проекты? А партнеры? Нужно продолжать. Нужно попытаться выйти из создавшегося тупика! Только бы снова никто не помешал! Только бы всемогущий теперь Штыров, с его штатными теперь подхалимами, еще чего против Красноперова не

придумали. Не «завалили» бы его окончательно!

Итак, у него на «всё про всё» на сегодня – около шести миллионов долларов. (Господи, где же ты теперь, Страна Советов! Дома, в России – в долларах каких-то всё считаем! Что там какие-то остатки какой-то компании? В долларах составляется Бюджет Страны! Бюджет России – и в долларах!).

Кроме всего прочего, у него есть Договор с «АЛРОСА» (так, еще неофициально, но для удобства, Компанию все «алмазники» давно уже называли – «Алроса») о складском залоге алмазов на двадцать пять миллионов долларов. Ни договор этот, ни залог, хранящийся на складах в «Алмазном центре» никто пока не отменял. Значит – это всё живое, это всё Красноперов сейчас должен использовать. И как можно быстрее. Пока «всё живое».

Хотя, по правде говоря, кто ему теперь – «опальному Красноперову» – этот «залог» доверит?

Есть у него ещё «СитиБанк»! В Лондоне. Там у него тайная «заначка». Небольшая. На случай полного краха. Да, есть! Сохранилась. Но – это «НЗ». Неприкосновенно. Именно на тот самый случай, на случай полного провала всех планов, всех проектов.

Именно на этот счет, в «СитиБанк», должен поступить Японский кредит под залог тех алмазов, что лежат на складе «Алмазного центра». Кредит в двадцать пять миллионов. Вот, его надо ускорить. Пока «недошурпули» японцы, что Красноперов сегодня практически «пустышка». Так, «пыжится» пока, но пустой. Один, прозрачен и беззащитен.

И никто за ним не стоит!

А как хорошо, как спокойно было, когда за своей спиной чувствовал он могучее дыхание могучей Компании! Дыхание и покровительство «АЛРОСы». Как уверенно, как раскрепощенно вел он деловые переговоры с партнерами! Да, было...

Что ж, теперь, и прежде всего, надо спасать Канадский проект. Именно с этим проектом можно хорошую работу сделать, именно на нём можно будет что-то и заработать. Всё остальное пока отложить.

Когда подошло время очередного платежа, Красноперов перевёл большую часть оставшихся у него долларов в Канаду.

Пусть Проект работает. Пусть братья Питер и Джон Коза разбирают и перевозят завод, пусть реставрируют оборудование и готовят к отправке в Россию.

Георгий пока займется бриллиантами. Второй частью своей деятельности. Второй частью деятельности Компании «Инвесталмаз».

36

Но... И с бриллиантами, тоже началось непонятное...

Совместное предприятие «Кумир» набрало хорошие темпы, наработывало неплохие объемы готовых к реализации бриллиантов. И торговал Георгий этими бриллиантами через живой пока «Алмазювелирэкспорт». У Красноперова с руководством этой организации сложились надежные, доверительные отношения, и они вместе провели несколько удачных торгов Кусинскими бриллиантами с зарубежными партнерами.

Вдруг Красноперов узнает, что Компания «Алмазы России-Саха» создала специальный отдел по работе с бриллиантами и уже, обойдя Красноперова, и даже не сообщив ему ничего, руководители нового отдела работают с ограниченным предприятием «Кумир» напрямую, минуя «Инвесталмаз». Хапочкин, директор «Кумира», получает сырьё напрямую в цехе сортировки Компании и отчитывается за

произведённые бриллианты перед отделом Компании тоже напрямую, минуя «Инвесталмаз».

Что ж, такая схема вполне рабочая, и даже вполне рациональная, но надо же было решить что-то и с созданной руководством «АЛРОСА» Компанией «Инвесталмаз»! Для чего-то же её создавали. Георгий, сгоряча, возмутился было! Написал гневное письмо, на имя Зельберга. Заверил, что готов работать с «Кумиром» и пропустить все затраты «АЛРОСы» по «Кумиру» через «Инвесталмаз».

Зельберг согласился. Все затраты перевел на «Инвесталмаз», но работать с «Кумиром» всё равно стал напрямую! Раз создали специальный отдел, должен же он чем-то заниматься!

(На собрании акционеров все прямые финансовые обязательства «Кумира» перед «АЛРОСА» руководители и подставные «крикуны» преподнесли, как долги «Инвесталмаз» перед «АЛРОСА»!).

И по строительству на «материке», тоже оказывается, создан специальный отдел, под руководством классного проектировщика-строителя и хорошего организатора Валентина Монташева. Он уже набирает объемы такого строительства, составляет планы, готовит смету финансирования. И всё это снова помимо, или вернее сказать, минуя «Инвесталмаз».

Но ведь Программу деятельности «Инвесталмаз» с руководством Компании согласовали еще при её создании! Что же происходит? Создаются специальные подразделения, значит компания «Инвесталмаз» больше не нужна? Ну, так и давайте закроем её! По-людски закроем, как это и положено. А деньги Уставного капитала, и что там еще компанией за прошедшие два года наработано, раздадим акционерам. Это будет честно и без всяких «заморочек»!

А однажды случилось и совсем уж неприятное. Приехал Красноперов в Управление Компании, в новое уже помещение, в Казачьем переулке, приехал, решил зайти к Сафонову, по телефону вроде договорились – а у того совещание. Совещание с руководством завода «Токам»! Это как раз тот завод, при котором Красноперов и организовал ограниченное производство «Кумир».

Значит, совещание не по заводу – зачем Сафонову тот завод – значит, совещание по «Кумиру»! И без Красноперова!

Обидно стало Георгию, и... противно! «Ага! Значит и Сафонов туда же...».

И – как итоговый результат. В Кусинской городской газете появился большой «разоблачающий» Красноперова материал – «Не с тем связались!».

Всё понял Георгий окончательно – на нем и на его компании поставили крест!

Видимо, отныне придётся пробиваться Красноперову самому. В одиночку.

На долго ли его хватит?

Прежде всего, Красноперов решил подстраховаться и при компании «Инвесталмаз» создал «дочернюю» компанию «Филиал Инвесталмаз»! С отдельными банковскими счетами и самостоятельным балансом. А как же – «с волками жить – по-волчьи выть»! «Еще отберут Компанию тайно, даже не известив. Примут решение, как основной Учредитель, да ещё и основной Акционер. Всё таки – двадцать пять процентов у них в Уставном капитале. А что? Уеду за границу, куда-нибудь, приеду, а у них уже новый директор, новое Правление, новая Компания!

Что, начнешь судиться? Тебе это надо?».

Все основные, самые значительные проекты и все деньги перевел на счета новой компании. Он рассудил так – с акционерами новые хозяева, а он не сомневался, что скоро они появятся, рассчитаются теми деньгами, что на счетах и в балансе «МакБанка». Денег там рассчитаться с акционерами «Инвесталмаз» хватит, да еще и «с лихвой». Если руководство «АЛРОСы» само не «зажмёт» эти деньги.

Ну, тогда уж сами пусть и отчитываются. Красноперов тут перед своими акционерами будет чист!

Далее – он честно передал Монташеву все свои наработки по строительству жилья «на материке». Кроме, конечно, Канадского проекта. Польникову передал свои наработки с американцами по реализации технических алмазов. Их на складах Компании накопилось много, но девать их особенно было некуда.

Красноперов когда-то специально отработал эту схему с Зуевым, главным геологом, ну, а раз от него, от Красноперова отрешиваются, он честно передал всё, и адреса, и телефоны, Польникову, который стал руководителем этого специализированного отдела. Эти связи с американскими бизнесменами Георгий наработал еще будучи в США, на семинаре Академика и Лауреата Нобелевской премии Василия Леонтьева.

Освободившись от всех своих наработок, кроме основных, зарубежных, которые решил развивать уже через «Филиал Инвесталмаз», Георгий счел себя свободным практически ото всех обязательств перед «АЛРОСой», и стал набирать свою собственную программу дальнейшей деятельности Компании.

Новой компании – «Филиал Инвесталмаз». В Управлении «АЛРОСА», что в Казачьем переулке, Красноперов встретился с Матвеевым, вице-президентом, и высказал ему свое согласие, если они, руководство компании «АЛРОСА», захотят сменить руководителя «Инвесталмаз». Георгий сам был теперь уже готов к такой замене.

– Если у руководства Компании есть сейчас, или появится в скором будущем желание сменить руководителей нашей компании, «Инвесталмаз», знай, Александр Софронович, что я возражать не буду. Главное, чтобы эта ваша процедура самой компании пошла на пользу. Особенно Акционерам компании. А их ведь, Александр Софронович, ни много ни мало, почти двадцать пять тысяч человек! Я тоже акционер, акционером и останусь.

Захотите использовать меня где-то, я готов работать на любом месте, в любой должности, – всё это Красноперов высказал Матвееву откровенно, без всякой хитрости. И был уверен, что их разговор стал Штырову известен в тот же день.

Больше в Управлении он не появлялся, на приглашения прибыть к кому-то из руководителей никак не реагировал, так же не откликался и на приглашения прибыть на заседания Правления Компании.

Это, конечно же, не понравилось.

Как-то, в начале 1996 года, позвонил Красноперову Зельберг, Семён Ильич.

– Георгий Александрович! Ты когда намечаешь провести отчетное Собрание Акционеров по итогам работы прошедшего года?

– В мае месяце. Мы уже составили план его проведения, разработали новый Устав компании, который хотим принять на этом собрании, подработали, и даже согласовали с кандидатами, поименный состав Совета директоров и Правления. А у тебя, что за интерес? Вроде, на прошлые собрания вы, руководители Компании «АЛРОСА», на приглашения мои даже не откликались.

Что, хотите поучаствовать?

– Да. Мы будем участвовать. Мне поручено согласовать с тобой и дату, и время проведения твоего собрания.

– Что это вдруг за интерес такой неожиданный?

– Да вот, появилась необходимость. Только надо нам с тобой спланировать так, чтобы твоё собрание провести накануне собрания акционеров основной компании, «Алмазы России-Саха».

Сможем мы это сделать? Ты сам не возражаешь?

– А чего мне возражать, накануне, так накануне. Что, хотите выпустить маленько «парок» у особо недовольных?

– Да не в этом дело. Вернее сказать, не только в этом. Есть тут ещё некоторые задумки, но мы с тобой обсудим их не по телефону.

Но обсуждать с Красноперовым «задумки» до собрания так никто и не собрался.

К собранию готовились тщательно. Готовилось руководство «АЛРОСА».

Штыров провел специальное совещание. Распределили ответственных лиц и закрепили их за цехами и организациями предприятий Компании. В Мирном, в Удачном, на Айхале. Задача – убедить акционеров «Инвесталмаз», чтобы снять с работы Красноперова! Это же так просто – не выбрать его Президентом или Директором, как эта должность будет значиться в новом Уставе, на предстоящем собрании. Вот и всё!

Господи, да сказали бы, он бы и сам ушел!

В цехах провели работу. Тех, кто соглашался голосовать на собрании против Красноперова, «наградили» авансом в виде товаров «повышенного спроса», прикрепили, как рассказали Георгию, еще к каким-то социальным льготам. Внеочередные, там, отпуска, льготные путевки... Георгий только посмеялся над этой суетой.

В Мирном ему много чего рассказали о подпольной, негласной работе «начальников» по подготовке к его собранию. К собранию акционеров «Инвесталмаз».

Красноперов зашел к Дюкареву. Владимир Петрович исполнял обязанности Генерального директора Компании «АЛРОСА».

– Слушай, Володя, расскажи мне честно, что тут вокруг меня происходит? Что вы задумали? Можешь ты мне всё честно, прямо, открыто, по-мужски рассказать? Без всяких хитростей?

– Георгий, клянусь тебе, я и сам толком ничего не знаю. Бегают тут Стрельников с какими-то бумагами, вроде как «компромат» на тебя собирает. А что конкретно, я право, не знаю.

Да и знать не хочу! Не хочу я заниматься этими сплетнями. Ты расспроси лучше у ребят в отделах, они ведь всё знают. А меня уволь, не вникал, и вникать не буду. Не хочу.

Посидели, поговорили ещё о чем-то, о делах текущих, но откровенного разговора уже не получалось. Чужой стал Красноперов в новой Компании!

Стрельников... А кто он теперь, этот Стрельников? Вечный «мальчик на побегушках». Сколько помнил его Красноперов, вечно тот занят был какими-то разоблачениями. Работал он у Красноперова когда-то на «Интерере», когда только начинали подземный рудник строить. Всё пытался, как пошутил однажды Саша Кузнецов, «мосты не поперек реки строить, а вдоль» Так, мол, и «легче, и дешевле!». Еле избавился тогда Красноперов от этого «горе-строителя». Но – то ли лапа у него где-то была «мохнатая», то ли ещё что, но он постоянно всплывал, на любой поверхности, в любой среде, как то, что никогда не тонет. Вот и после «Интера», вдруг избирают его в райком Комсомола. Правильно подметил кто-то из «великих» – есть люди «созидатели», а есть люди «разрушители». Вот Стрельников этот – чистейший «разрушитель! За что бы он не брался, всё вскорости рушилось. Так и Горком комсомола – за очень короткое время доведён был до полного краха, до самороспуска. Да еще и с таким «тарарамом»! Чуть ли не великий подвиг совершила эта «бестолочь», разрушив Городской Комсомол.

Видно и сейчас собирает какой-то материал, чтобы снова что-нибудь разрушить. Сам, по жизни своей, ничего не создал, ничего не построил, а всё разрушает, разрушает. Ну, да видно на сей раз попал он в «попутную волну», кому-то угодил очень, кому-то как раз вовремя подвернулся, «заказчиков»-то на этот

счет теперь хоть отбавляй – а этот любой компромат на кого угодно соберёт! Этот, что угодно «состряпает»!

«А может, он и «капал» в уши новому начальству всякое про «Инвесталмаз»? Про Красноперова? Ну, должна же иметь хоть какое-то начало эта «неприятность»?

– А что они могут сделать, Валерий Александрович, – успокаивал Георгий Дуку, директора Чековского Фонда. – По закону об Акционерных компаниях, что только недавно подписал Президент Ельцин, предложения – и по повестке собрания, и по руководящим органам – должны быть поданы акционерами в течение месяца, следующего за отчетным года. В нашем случае – в январе месяце. Да, в срок до 31 января. Сегодня у нас месяц – Май. Есть у нас такие заявки? Нет. Значит, ничего неожиданного они внести на собрании не смогут! Не имеют права!

– Не скажи, – возразил Дука. – Подготовку они ведут основательно.

Накануне, за день до собрания, Красноперов собрал у себя в кабинете пайщиков-застройщиков строящегося в Балашихе дома. Он знал, что на собрании именно они раскритикуют Георгия, за то, что он деньги собрал, а дом не построил, квартиры не выдал.

Красноперов откровенно рассказал о положении дел с этим строящимся домом, доложил, как и за счет чего он думает этот дом достраивать.

– Строители есть, строители на месте, но строительство дома за один только год подорожало в двадцать раз! Форс-мажор! И удорожание продолжается. Дорожают стройматериалы, транспорт, обесцениваются деньги, значит – стремительно растёт и зарплата строителей. Когда мы с вами начинали, дом этот в строительстве стоил два с небольшим миллиарда рублей. А сегодня он стоит уже сорок шесть миллиардов. Вы представляете?

За короткое время, менее чем за год, деньги наши, рубль наш разнесчастный, подешевел в двадцать раз! Надо нам подождать, когда эта проклятая инфляция успокоится. Дом мы достроим. И даже деньги с вас дополнительно я собирать не буду. У нас разработана схема, по которой вам доплачивать ничего не надо будет. Чтобы получить квартиру в пяти километрах от станции метро «Щелковская», я думаю, можно будет и потерпеть. Подождать немного.

Но «пайщики» вдруг повели себя абсолютно непредсказуемо. Посыпались оскорбительные высказывания, унижительные сравнения. Георгий не то чтобы растерялся, он оскорбился. Обиделся! Ничего себе, в прошлом году только сдали деньги, полгода не прошло, как закончили они запись желающих «застройщиков» и уже такие безапелляционные требования! Да что у него, у Красноперова, по щучьему велению всё делается? Разбаловал он людей быстрым строительством и малыми ценами квартир в Ярославле. Недаром кое-кто на его квартирах уже и бизнес свой организовал: покупает у Красноперова по себестоимости, а перепродает по рыночной цене! Вот и подгоняют некоторые, самые нетерпеливые, те, что хотят заработать – давай! давай быстро и без потерь...

Один наглый парень подошел к Георгию вплотную, облокотился на стол и выдал, нахально, глядя прямо в глаза, да еще и с угрозой:

– Ты, видать, начальник, очень лапшу любишь! Но не есть, а людям на уши вешать! А мы ведь можем организовать и по-другому – можем не выпустить ведь больше тебя из города Мирного! Перехватим вот у самолета, да и не выпустим! Пока не рассчитаешься с нами!

– Успокойся, – так же глядя наглецу прямо в глаза ответил Георгий, – кто хочет получить деньги обратно, пожалуйста, хоть сегодня, хоть сейчас могу подписать Банковское требование о возврате ваших денег. Деньги в нашем Мирнинском Банке, никто их не расходовал, лежат, ждут, кто из вас забрать их захочет.

Получайте. Мне даже легче вернуть вам ваши деньги, и закрыть эту проблему ваших квартир. А дом мы достроим. И нам, кто решил подождать, от продажи квартир в этом доме даже больше достанется!

Выступил кто-то из женщин, из институтских работниц, из тех, что проверяли, сохранены ли их деньги, не растратил ли их Красноперов на какие-то свои нужды.

– Деньги в Банке. Мы проверяли. И нулевой цикл дома действительно построен и оплачен. Это мы тоже проверяли. Давайте сейчас решим, или будем деньги забирать, или будем ждать всё же свои квартиры. Дом строится, и Георгий Александрович прав, не всё в наше время получается так, как нам бы хотелось.

Лично я буду ждать окончания строительства этого дома. Другого случая получить квартиру практически в Москве у меня не будет. Только вы, Георгий Александрович, нас не подведите, не обманите наших ожиданий. А завтра, на собрании, постарайтесь выстоять, останьтесь во главе своей Компании!

– Вот завтра, на собрании, всё и определится! Мне ли ещё придётся достраивать этот дом! Или уже кому-то другому. Заявлений об уходе я никому не подавал, и от Компании, которую сам же и создал, я не отказываюсь. Но и «костями ложиться» за свою должность тоже не собираюсь!

– Георгий Александрович, проявите твердость. Если вы уйдете, квартиры свои мы уж точно не получим!

– Да обманет он! Нужны мы ему с нашими квартирами. Себе-то он уж точно не один, поди, дом построил!

– Я буду завтра голосовать против вас, Георгий Александрович. Говорю вам это прямо в глаза. Обманите вы нас, ничего нам не постройте!

«Господи, и вот ради этих людей он так бьётся! И за компанию, и за строительство! И ты думаешь, когда выдашь им коттеджи по Канадскому проекту, кто-то из них скажет тебе спасибо? Деньги, скажут, Красноперов зарабатывает, миллионы загребают на коттеджах этих. Да. Правильно. Начальники «АЛРОСА» правы. Надо всё продавать по рыночной цене. Всем. Без исключения. И деньги «загребать». Что бы уж обвиняли, так хоть за дело!».

Да, конечно, надо... Только – не тот он человек.

А к вечеру его неожиданно пригласили к инспектору ФСБ.

Начали издали – и про Канадский проект, сколько, кому денег перевели, какие гарантии, что не пропадут деньги, сколько у вас на счетах сегодня числится денег и – всё вокруг этой темы.

Беседа не беседа, а похоже на допрос! Как будто, речь идёт не о деньгах, которые сам Красноперов заработал. Честными сделками, без всякого воровства и мошенничества. Как будто, речь идёт о каких-то государственных суммах, которые выдали Красноперову под дела какие-то, коммерческие, и ФСБ волнуется, а не присвоил ли их, эти государственные деньги, «хитрый» Красноперов?

Георгий ничего не скрывал, обо всём рассказывал обстоятельно. Зашел Начальник Мирнинского ФСБ. Посидел, послушал, сверял рассказ Красноперова с какими-то бумагами, ничего не сказал, снова ушел.

Потом Георгия оставили одного. Видимо советоваться ушли, что с Красноперовым дальше делать.

«Может «закрыть» его пока, до полного расследования всей его деятельности?».

Вернулся инспектор.

– Бросать вам надо эту работу, Георгий Александрович, не по вам работа такая. – Загадочно заговорил вдруг «фээсбешник».

– Какая, не понял, такая работа? – изумлённо уставился Георгий на инспектора.

– Что, Георгий Александрович, вы ничего еще не поняли?

Ничего, завтра всё поймёте. Вы свободны, Георгий Александрович, можете идти, можете заниматься своими делами. Да! – остановил он Георгия почти на пороге. – А как внук-то? Там, в Ярославле? Ничего с ним серьёзного? – спросил буднично.

Георгий обомлел.

– А что – внук. Который внук? Что с ним могло случиться?

– Так вы еще ничего не знаете? Извините, ради бога, извините. Я-то думал, что вам уже всё известно! Нет, нет, я вам ничего не говорил. Узнайте всё у своих. Дома всё узнайте!

Георгий выскочил из помещения, как ошпаренный. Быстро в машину.

– Жми. Домой!

Позвонил в Ярославль.

– Света! Что у вас там случилось? У меня здесь спрашивают, что с внуком? Что произошло?

– Да, Саша! Каким-то образом упал в люк канализации. Люк у нас здесь во дворе, на дороге. И всегда закрыт. Дворники за этим люком следят строго. Школьники здесь проходят, мимо люка этого. Когда-то, давно уже, кто-то в этот люк упал. Из ребяташек. Вот, с тех пор за люком этим дворники следят внимательно, строго.

И постоянно. А сегодня он почему-то оказался открытым. И как раз на пути Саши. Тот и свалился в него. Хорошо ребята во дворе услышали крики его. Позвали взрослых, те Сашку и вытащили.

Ничего страшного,шибов нет, никаких повреждений тоже. Так, царапины небольшие. А ты-то, откуда ты-то узнал? Да так быстро. Часа два еще не прошло, как его вытащили. Мы еще никому и сообщить не успели. Да и не хотели особенно сообщать. Тебе-то уж точно бы ничего не сказали. Насочиняешь там!

– Как сейчас Саша себя чувствует? Врача вызывали?

– Врачи сами приехали. Их вызвали те люди, что из люка доставали Сашу. Да всё в порядке, папа, что ты разволновался так?

И откуда узнал обо всём так быстро?

– Да, рассказали здесь. А Олег где?

– Он во дворе. Они с милицией, с участковым, да и еще там кто-то приехал, расследуют случай этот. Интересно всё же, кто открыл люк! Да и в открытый люк – как мог не увидеть, не заметить, как мог шагнуть в него мальчишка?

– Ладно, разбирайтесь. Мне позвони потом, что там выяснится!

– Позвоним, обязательно позвоним. Ты маме не рассказывай пока. Перепугаетесь там...

Но жена уже всё знала. Ей тоже кто-то «услужливо» позвонил и сообщил о случившемся с её внуком. В Ярославле.

– Ты не спросила – кто?

– Ага! До этого мне было! Ты то, как узнал?

– Доложили...

Вечером жена сама позвонила в Ярославль. Олег, зять, всё рассказал откровенно.

– Пацаны, здесь, во дворе, говорят, что видели, как Сашку кто-то толкнул в люк этот. А люк чуть ли не с самого утра был открыт. Кто открыл и зачем, никто не знает. Сантехники в домоуправлении говорят, что они не открывали, им он не нужен был открытым, всё у их там, под землёй, нормально, никаких работ нет, и не предвидится, и не планировалось. Милиция продолжает расследование.

Так никто никогда и не узнал, что там случилось с внуком Красноперова в Ярославле, как и каким образом попал он в канализационный люк. Дело потихоньку замяли – жертв не было!

Совпадение? Может и совпадение. Только странное какое-то совпадение...

Георгий сидел ещё за бумагами, когда жена засобиралась спать. Она волновалась, ей ведь завтра тоже отчитываться, за Главного бухгалтера. Хоть и числилась она заместителем главного бухгалтера, но работу вела за главного давно уже, с середины прошлого года, когда ушла от них Пискунова, главный бухгалтер. А нового они и не искали. А что искать? Лучше Нины Александровны дело-то всё равно никто не потянет. Да и компания эта, почти семейная, дела у ней все частного характера, семейный интерес здесь огромный – потеряет Компания, потеряет семья. Тут уж, как говорят в народе, «доверять надо без проверять». Между директором и главным бухгалтером в таких компаниях доверие должно быть абсолютным. А кому же больше всего и доверять, как не мужу с женой! Поэтому, не торопился Георгий подыскивать себе нового главного бухгалтера.

– Не знаю, говорить тебе перед собранием или не говорить, – начала вдруг как-то неуверенно Нина Александровна, – надо, наверное, сказать!

– Ну, что там еще? Говори уж, раз начала. Неприятности?

– Не знаю. Вот послушай, а там уж сам и решай. Была у меня в бухгалтерии как-то, месяца два назад, бухгалтер из нашего Банка. Принесла документ, на шесть с половиной миллиардов рублей. Прими, говорит, Нина, оприходуй, но в отчете не показывай. Мы, говорит, потом, потихоньку спишем эти деньги. Нам сейчас их надо убрать из банковского баланса. Представляешь?

– И кто это, кто приходил?

– Ну, зачем тебе. Ты её всё равно не знаешь. Рядовой бухгалтер Банка. Не по собственной же воле она пришла!

– И что ты?

– Я отказалась категорически. Сказала ей – давайте распоряжение банка, «авизо», ну, как это и положено. Если мы эти деньги заработали, если это, скажем, наши дивиденды, я их оприходуя. А просто так, нет, извини, на это я не пойду.

– И чем всё закончилось?

– А тем и закончилось. Она ушла, а потом я смотрю по банковскому отчету, наша прибыль по Банку уменьшилась вдруг почти в два раза! Вот я и решила, надо тебе это знать!

– Неужели «отмыть» кто-то, что-то захотел? И почему нашими руками?

«Неужели Зельберг решился на какую-то финансовую махинацию? Не могу поверить, не тот это человек. Честный, Семён, до щепетильности. Рудаков его, практически неспециалиста, и поставил-то «на деньги» зная его вот эту щепетильную честность. Неужели «скурвился»? Впрочем, большие деньги и делают больших негодяев. Но, Зельберг! Нет, не могу поверить!».

Георгий помнил Зельберга еще по Иркутскому политехническому. Семён там играл в волейбол. Хорошо играл, за сборную института выступал в основном составе. Да и тренеры сборной города к Семёну, насколько наслышан был тогда Георгий, приглядывались. И даже раза два-три на «сборы» его приглашали.

Георгий там, в институте был, как говорится, в «спортивной теме». Он бегал за институт на лыжах, но особенно они с институтской командой успешно выступали в те, студенческие годы, в биатлоне. Отличные тогда ребята бежали в институтской команде. Коля Зайцев, неоднократный чемпион области, Володя Дудкин – сильные бежали ребята.

На многих соревнованиях побеждали они тогда своей командой. А что – серебряные призёры студенческой России, шестое место на Первой зимней Универсиаде СССР – это ведь чего-нибудь да стоит! В смысле – спортивных связей в городе.

Вот там, среди руководящих товарищей от спорта, и слышал Георгий некоторые отзывы – и о Зельберге тоже. Помнится, говорили, что в команде он отличался каким-то болезненным чувством справедливости. Это бросалось в глаза, и об этом спортсмены иногда судачили. Даже подшучивали: если кого-то уличали в какой-то нечестности, даже по мелочам! – в команде предупреждали – «смотри, если Семён узнает, достанется тебе «на орехи!».

И вот, теперь – Зельберг?

«Нет, не может быть. Не поверю. Никогда не поверю... Неужели, «укатали сивку крутые горки?».

Георгий отлично понимал, что с Банком, помимо Зельберга, никто никакой работы вести не мог! Незамеченным это бы не прошло!

– Ну, ты там не очень-то. На собрании смотри не «брякни».

Никаких же доказательств нет. Так, пришла, показала бумагу, я её не приняла, она ушла снова. И бумагу ту унесла. И не было, теперь, никакой бумаги. Поди, сейчас, докажи, что нам кто-то что-то предлагал, кто-то что-то приносил!

– Да! Что бы тебе снять ксерокопию с той бумаги! Я бы такой «тарарам» устроил!

– Вот, потому и не сняла, потому и не надо никаких бумаг.

Знаю я, этот твой «тарарам»! Нет её, этой бумаги, и не было! Ты об этом, конечно, знать должен, но и не более того. Может, испытывали нас, пробовали?

– Может быть. Всё может быть. Но ведь, Нина, неужели ты не понимаешь – это же меняет всё дело! Это же многое объясняет! Я-то ломаю голову, за что, за какие грехи немилость «царская» вдруг обрушилась на мою голову. Так ведь хорошо всё начиналось! А тут – вон что. Да, это многое объясняет!

– Ничего это не объясняет! Такие дела и головы ведь могут стоять. Так что, молчи уж теперь. Не знаю. Может я и зря тебе это всё рассказала.

– Не зря, не зря. По крайней мере, мы с тобой теперь хоть знаем, чего «они» от нас ожидали! И перед чем мы не дрогнули!

Чего избежали. Ладно. «Бог не выдаст, свинья не съест». Сами перед собой мы честны, а это самое главное!

Конечно! Нет более строгого и более объективного судьи над человеком, чем сам человек!

Жалок человек, когда он сам перед собой бесчестен!..

37

Перед собранием Георгий заехал в свой офис, и совсем не удивился тому, что там уверенно, по хозяйски, ходил по комнатам Яшнов, новый директор вновь сформированного Негосударственного Пенсионного Фонда «АЛРОСА». Ходил Яшнов по офису компании «Инвесталмаз» уверенно, по-хозяйски,

распределял по своему усмотрению ещё не освобождённые помещения. Георгий не удивлялся уже ничему – ему рассказали, как готовятся к их собранию начальники «АЛРОСА», какая проведена ими работа в цехах, в организациях Компании.

– Не удивляйтесь, Георгий Александрович, – миролюбиво заговорил с Георгием Яшнов. – Наш Фонд тоже поместили сюда, в это помещение. Вместе будем здесь жить и работать. Не передерёмся?

– Ну, до драки дело вряд ли дойдёт. Только вот мне не совсем понятно – как это наше помещение распределяют без нашего ведома. У нас подписан договор аренды на всё это помещение, его никто еще не расторгал. А вы, на основании чего сюда вселяетесь?

– На основании Приказа Генерального директора.

– Показать Приказ можете?

– Нет. Мне его ещё не выдали. Но в «контору» приказ уже поступил. Для вручения мне. Да вы не расстраивайтесь! У вас же всё равно вон, есть пустые комнаты.

– Есть, есть. Но ты подожди устраиваться. До окончания собрания. Добро?

– Да какие проблемы? Вселимся после собрания.

Дука был здесь же, слышал весь разговор, но промолчал.

Георгий видел – Дука всё знает. Почему же молчит, ничего не рассказывает? Он же тоже директор «Инвесталмаз» – директор Чекового фонда! Почему Георгий узнает о происходящем не от своих работников, не от своих подчинённых, узнает на стороне?

Даже не от официальных лиц, узнает от друзей, от знакомых?

Да, хорошо вопрос проработан! Штыровым и его командой. Чувствуется Обкомовская хватка!

...Не знал Красноперов, что Дука, его верный соратник, уже подготовил «донос» на него и ждал только снятия его с работы, чтобы передать «писанину» свою в следственный отдел города Мирного. И передал! Сразу же, после собрания Акционеров!..

Еще это странное приглашение в ФСБ. И это подозрительное происшествие с внуком!

Накануне собрания Георгию некогда было сосредоточиться.

Хорошо – и отчетный доклад, и все организационные документы к собранию он подготовил в Москве. Вечером он обновит в памяти основные положения Доклада и будет готов к собранию на «все сто».

Впрочем, узнав в подробностях обо всём, что здесь ему «алросовцы» подготовили, Георгий сразу решил – он «напрягаться» с докладом не будет. Так, объявит основные показатели работы и всё. Как он понял из полученной информации, никому его доклад не нужен. Всё у руководства его «соучредителя», его «партнера» и его главного «акционера» уже решено.

Он было возмутился, когда узнал, что на собрании хотят заменить своими людьми и Президиум, и ведущего собрание Председателя, а по Уставу собрание Акционеров компании ведёт её Президент, и даже «мандатную» комиссию хотят заменить, чтобы самим провести регистрацию участников собрания! А это-то им зачем? Ага! Понял. Многие же приедут с Доверенностями.

Много же на собрание приедет так называемых «Представителей», «Доверенных лиц», которые должны проголосовать практически за всех зарегистрированных Акционеров. Да. При «чужой» мандатной комиссии тут всякие неприятности могут произойти. Тут надо посадить на это ответственное дело своих людей! Чтобы – без заминки! Чтобы проголосовали все! Тут промахнуться нельзя. Столько трудов пропадёт!

Георгий, когда ему рассказали про этот подготовленный сценарий, вначале было возмущен. «Как так! На нашем собрании да они думают вытворять что захотят? Не бывает этому. Есть Закон об Акционерных компаниях, там про ведение собрания всё прописано, есть Устав компании, там тоже всё яснее ясного, кто же всё это посмеет нарушить? Принять на себя такое позорище! На всю Якутию, на всю Россию! Неужели люди столь солидного ранга решаться широко прославиться прямыми нарушениями закона?»

– Но именно так задумано, Георгий Александрович. Готовься. «Это будет твой последний и решительный бой!». Тем более, что на вашем собрании будет всё руководство города, газетчики, телевидение и городская Прокуратура, практически в полном составе! Это ты тоже знаешь? А то, что весь ход собрания, все выступления будут транслироваться на городскую площадь по громкоговорящим передатчикам, тоже знаешь?

– Тогда я организую охрану, и пропускать будем на собрание только по предъявлению наших Акций!

– Да, перестань. А если кто-то из акционеров забудет акцию, а в Реестре, в компьютере он у тебя значится, что же, непустишь ты его на собрание? Да и приглашенных много, а кто придет без приглашения, так тот будет иметь Удостоверение, по которому он всегда вхож на любые мероприятия. – Заместитель Прокурора города сидел у Красноперова уже давно. Второй час они с ним обо всем беседовали. – Я и пришел к тебе специально: во-первых – попрощаться. Знаю же я тебя, психанёшь, опротивеет тебе, плюнешь на всё, и уйдёшь. Да еще и «хлопнешь дверью»!

Вот и зашел я к тебе, чтобы хоть накануне попрощаться с тобой в спокойной обстановке. Ну, а во-вторых, хочу предупредить тебя кое о чем, да кое-что посоветовать. Ты только вот что, не наломай дров. Не «хлопай дверью». Кто знает, как оно еще повернется. Начальство приходит и уходит, а жизнь, она продолжается. А как повернуть собрание – тут уж сам соображай.

Целый день, почти непрерывно к Красноперову шли в этот день гости. Начальники цехов, руководители городских организаций, предприятий.

«Так, проходил вот рядом, мимоходом, «на огонёк зашел»!

– Давно не виделись, ты теперь редко здесь, в Мирном, бываешь, всё больше «по границам» катаешься. Повидаться зашел, поговорить, а может и попрощаться. Слышал хоть сам-то, что с тобой сотворить хотят? Ну, то-то. Бдительность-то не теряй!

К вечеру, сопоставив все рассказы, обдумав все предостережения, Георгий принял окончательное решение.

«Если на собрании будут Городские начальники, Прокуратура, представители Городского Суда, надо оставить всё, как Штыров задумал. Ничего не менять, ничего не опротестовывать. Пусть общественность узнает, пусть на практике убедится, что это такое – «демократия по Штыровски»! Подумаем. Может потом опротестуем все в Суде, а может и не будем.

Хорошую статью в газету, не в местную, даже не в Республиканскую, во Всероссийскую газету напишем. Чтобы все знали, куда их приведёт стремительно наступающая «Штыровщина». А если не дать им «разгуляться» здесь, на собрании, попробуй потом докажи, что они хотели натворить, что они задумали. А тут все увидят – вот он, Штыров – что хочу, то и ворочу! Связи в кое-каких газетах есть, организуем! А работать, работать тебе, Красноперов, всё равно уже не дадут.

Как бы ты не провёл это собрание. Ни в Компании не дадут работать, ни рядом с Компанией. Так что, ничего ты в этом смысле не потеряешь. Ничего. Ладно. Голова пока на месте, будем «обдумывать» новое дело».

Так оно всё на собрании и произошло. Удивило Георгия только одно – Собрание акционеров компании «Инвесталмаз» взялся вести Зельберг! Значит, он всё же оказался в «жополизах! Значит, сломался всё-таки наш «железный» Семён! Укатали всё же «крутые горки» и этого молодца! Жалко. Хорошие ребята «ломаются».

В заключение собрания выступил Штыров.

– Мы здесь обсуждаем бюджет семьи Красноперовых! Они подмяли под себя Компанию «Инвесталмаз». А чтобы еще легче им было оперировать деньгами компании, они с сыном создали ещё и «карманную» компанию «Филиал Инвесталмаз». Я обещаю вам, товарищи Акционеры, если сегодня освободите Красноперова, не выберете его Руководителем компании «Инвесталмаз» – я обещаю вам – дом на Балашихе мы достроим!

И все «застройщики» свои квартиры там, в этом доме, получат!

И потом еще добрых полчаса рассказывал акционерам Штыров, как хорошо им будет жить в этой компании без Красноперова, какой богатой в самое ближайшее будущее станет «Инвесталмаз». Под руководством нового, им, Штыровым, предложенного собранию, директора. Какие богатые дивиденды будут получать акционеры.

...Обманывал всех Штыров. И дом в Балашихе он не достроил, а «застройщики» не только «свои квартиры там, в этом доме» не получили, но и внесённые на его строительство деньги вернул Штыров далеко не всем. Деньги Компании «Инвесталмаз», и немалые деньги, «АЛРОСА» использовала на свои нужды. Акционеры остались «ни с чем», акционеры оказались обманутыми...

Помещение, которое арендовал «Инвесталмаз», уже было отдано другой организации, и деньги Компании тоже уже были распределены. «МакБанк» получил команду и уже готовил финансовые документы о передаче этих денег Негосударственному Пенсионному фонду.

Даже здесь, в актовом зале Городского Совета, где проходило собрание Акционеров компании «Инвесталмаз», Штыров открыто, нагло и совершенно безнаказанно всех обманывал.

Пропусту, с этой почтенной трибуны, слышавшей выступления выдающихся людей России, Якутии, он, будущий Президент Якутии – всем откровенно лгал! Ведь он-то знал, что деньги этих, сидящих перед ним людей, он уже распорядился передать Пенсионному Фонду «АЛРОСА». Незаконно, с нарушением всех норм финансовой дисциплины. Знал, но обещал, глядя им прямо в глаза, с высокой Городской трибуны, сейчас совсем другое.

Да. Меняются времена, меняются и люди.

Еще совсем недавно честное слово «алмазника» было Святым. «Для алмазника нарушить своё слово – всё равно что накликать на себя судьбу изгоя!» – ещё недавно писал известный журналист-алмазник Тимоти Грин.

«Господи! Да воздастся каждому по делам его!».

Конечно, создание Пенсионного Фонда надо приветствовать и всячески поддерживать – для людей делается, для пенсионеров.

Но – причём здесь деньги акционеров «Инвесталмаз»? Есть у тебя деньги, создавай благотворительные фонды. Любых целей, любого назначения. Нет денег, воздержись. Ясно, что хорошим да заботливым выглядеть хочется. Но – не за чужой же счет!

А деньги Компании – это собственность акционеров – ну, так и раздайте эти деньги акционерам, раз

решили закрыть компанию!

Еще не успели «высохнуть чернила» на протоколах знаменитого собрания, а Компании «Инвесталмаз» уже устроили Банкротство! 15 мая закончилось собрание, в августе начали готовить процедуру «банкротства», а в сентябре её уже закрыли. И где же то «небо в алмазах», что обещал Штыров с высокой трибуны недавнего собрания?

В октябре начали поступать в Мирнинский городской суд первые иски акционеров на это закрытие.

И до сих пор, даже к концу первого десятилетия двадцать первого века, то есть, в течение вот уже более чем пятнадцати лет после закрытия компании, в суды разных инстанций всё идут и идут «иски» и жалобы обманутых акционеров компании «Инвесталмаз».

За что же вы боролись, господин Штыров?!

Закрыли Компанию, которая всего лишь за два неполных года существования, совсем малого срока самостоятельной работы, заработала более десяти миллионов долларов и находилась в самом расцвете своего развития. С богатыми планами, с замечательными Проектами социального обеспечения простых людей. Северян. Алмазодобытчиков. Закрыли Компанию, в годовом отчете которой значилось более семи миллиардов чистой прибыли! Года, по итогам которого и закрыли Компанию!

Наказали закрытием Компании не Красноперова – наказали 25 тысяч его акционеров.

Да... Не приглянулась чем-то и кому-то Компания.

«Слишком уж они самостоятельны! Слишком независимы. Да и – не делятся! ...»

«А зарабатывают! Поди, дознайся, сколько они зарабатывают!» – слышал Георгий после собрания. И не от одного! От многих услышал...

«Да у этого Красноперова в иностранных банках на личных счетах денег немеряно! И, думаете, найдут? Накажут? Ага! Счас!

Ворон – ворону...».

Закреть! Запретить! Не пущать!..

Красноперов, отныне, будет жить и работать своей самостоятельной жизнью и своей самостоятельной работой. Без «АЛРОСы». Без Штырова...

Но «Штыровщина» ему еще откликнется. И преследованием, и тюрьмой...

Десять лет шло следствие по «делу» Красноперова. То его закрывали, «за отсутствием состава преступления», то открывали снова, предписанием Генерального прокурора Якутии.

Еще бы! Такой начальник в Республике!

А что такое «предприниматель под следствием»? Кто решится работать с таким «предпринимателем»?

А следователи, которым поручали эти расследования, приезжали к Красноперову и предлагали, в открытую предлагали, как говорить – «открытым текстом!»:

– Георгий Александрович. Мы тебе советуем, даже просим тебя, подай «встречный иск» по этому делу! Мы берёмся быть твоими адвокатами. Уверяем тебя, мы выиграем дело, и заставим виновных выплатить тебе огромную компенсацию. Мы защитим и честь твою, и достоинство!

Красноперов вежливо, но твердо отказывался. Ему всё это было противно!

Приезжали к Красноперову и журналисты. Репортёры, из газеты «Ъ», «Коммерсантъ», убедительно

доказывали, что такие дела прощать нельзя, грех оставлять виновных безнаказанными, «из вашего дела можно сотворить мировую сенсацию!».

«Кого вы прощаете, Красноперов? Алмазную промышленность вы и ваши коллеги строили десятилетия, а «новые хозяйственники» уже, за неполные три года! почти развалили отрасль! (В те годы как раз – даже зарплату рабочим задерживали. Нечем зарплату было выплачивать – не было денег!)

Георгий соглашался со всеми доводами, но от обращения в суд на родную компанию – категорически отказывался. «Не дождутся!».

Как не настаивали его друзья и соратники, Красноперов подавать иск и на нарушение Руководством Компании «АЛРОСА» всех мыслимых и немыслимых статей Федерального Закона «О Компаниях...» при организации и ведении Собрании Акционеров «Инвесталмаз» – в городской суд города Мирного тоже не стал.

Тут много было причин.

Во-первых, не хотел он ставить в неловкое положение работников Городского суда, ибо решение им навяжут, и им придётся или принимать, в те криминальные годы, навязанное, противозаконное решение, или менять место работы.

Во-вторых, не хотел он проходить по этой отвратительной дорожке вранья и очернительства еще раз. Не хотел позорить Красноперов ни себя, ни доброе имя «Якуталмаз». Знаете, как у нас: «или он украл, или у него украли...»?

Ну, а в третьих, и в самых главных, наверное, – ему стало всё просто-напросто противно! Противно смотреть на эти угодливые, наслаждающиеся безнаказанностью, самоуверенные и самовлюблённые лица, слышать, как они врут, врут напропалую – врут, и даже сами себе не верят.

Что может быть омерзительнее человека, который не верит даже самому себе! И что может быть омерзительнее, чем общаться с таким человеком! Даже и на суде.

Георгию противно стало с этими людьми работать!.. И тем более – судиться!

Вовремя, как раз к месту, явился вдруг Лермонтов:

«Есть Божий Суд, наперсники разврата...

Есть грозный Судия – он ждёт!

Он недоступен звону злата И мысли, и дела Он знает наперёд!..

... На страну наступал оголтелый «капитализм».

... На Якутию надвигалась «штыровщина».

... А что же «АЛРОСА»?

«АЛРОСА», как всякая соблазнительная, желанная, но неразборчивая «девонька» – пошла «по рукам»!

Одно дело – создать Западноякутский Алмазодобывающий Промышленный район, где бы все, кто проживает и трудится на этой территории работали бы на Его Величество Алмаз, а Его Величество Алмаз работал бы на Их Высочества Алмазодобытчиков (!) – и совсем другое, когда на этот, пока могучий, но всё более «хилеющий» Алмаз навесить Уголь, Газ, Нефть, развивать за счет его благородной стоимости Африку, Норильск, Архангельск и еще несколько десятков предприятий необъятной России!

Пусть уж лучше углем занимаются угольщики, а нефтью – нефтяники.

Как говорил когда-то мой вечный «друг и незабвенный Учитель» дедушка Крылов – «беда, коль пироги начнёт печи сапожник, а сапоги тачать пирожник...».

И он до сих пор прав – каждый должен заниматься своим делом!

Раньше мы гордо именовались «Алмазодобытчиками»! А кем мы именуемся теперь?

Или,

теперь – это не«
Мы», теперь – это «ОНИ»?

38

«Я сижу на крыльце-веранде своего дома. День выдался не по-осеннему жаркий. И вот, наконец, вечер. Темнеет, как всегда в конце осеннего дня, быстро. Небо закрыто преддождевыми, нет, даже предгрозовыми, тучами. Воздух посвежел. После жаркого, сперттого дневного зноя приятно окутало прохладой. Я сижу, полузакрыв глаза, отдыхаю, наслаждаюсь свободой.

На темном небе очень медленно, как-то издалека, появилось слабое свечение. Оно медленно приближалось. И вдруг ярко вспыхнули, как будто кто-то их включил, три светящиеся точки, три пористых кучковатых облака. Они стремительно приблизились из глубины черного горизонта и зависли над нами. Облака казались бесформенными, но привлекали внимание своим непривычно ярким для темного вечернего неба, свечением. С зеленоватым оттенком, они выглядели так, как будто их кто-то подсвечивал с той стороны, от неба, сверху. Постепенно они стали походить на мягкие, свободно разложенные для отдыха, воздушные подушки. И среди этих подушек стал постепенно «проявляться» какой-то образ. Вначале появились неясные черты лица, но вот все четче формируется это лицо и на небе, среди этих подушек четко вырисовывается образ Христа.

Именно таким, каким мы привыкли его видеть на иконах.

На плечах его выделялись яркие золотые одежды.

Тучи неожиданно расступились, вокруг Христа прояснилось синевой чистое небо. Христос смотрел на Землю величественно и строго. Через какое-то время он сделал движение, как будто хотел что-то сказать. Я машинально, скороговоркой прочел «Отче наш...», и только после этого вспомнил, что всегда в трудные моменты, я читал «отче наш», но по бумажке, я не помнил молитву наизусть. Я машинально закрыл глаза, прошептал про себя первое, что пришло в голову: «Господи, прости прегрешения наши», а когда глаза открыл на небе ни образа, ни светящегося облака, на котором сидел образ Христа, уже не было.

Но оставались еще два, таких же светящихся, таких же ярких, как будто их просвечивало само Солнце, облачных островка. Правое от меня облако легко держало на себе голый череп. Именно такой, как он есть в музеях на плечах костистых скелетов. Череп был чуть-чуть развернут на запад, его глазницы слегка светились, но я не мог видеть, есть ли что живое в этих глазницах. С запада надвигалась большая черная туча и череп вдруг стремительно, броском стал погружаться в эту тучу и исчез прямо на моих глазах.

Вместе с этой черной, грозовой тучей.

А в центре всего этого феерического «видения» на обширном нагромождении легких, ярко освещенных подушек из белых облаков, стал вдруг «проявляться» и основательно устраиваться на этих фантастических «подушках» солидный, седой Старец. Он развалился на своих облаках-подушках в позе Зевса, как тот изображен в вестибюле знаменитого Парижского Лувра. Слева от Старца

появились какие-то фигуры, лица, образа, а справа снова медленно и величественно «проявился» Иисус Христос, в тех же золотистых, пышных одеждах. И – чудо! Старец медленно развернул голову, устремил взгляд на землю – и улыбнулся. Улыбка задержалась. Старец, все так же глядя на землю, улыбался несколько минут и на землю нахлынуло восхищение. Восхищение и трепет.

Старец некоторое время еще глядел на землю, добродушно и приветливо улыбаясь, затем стал неспешно укладываться на своих облаках-подушках и медленно исчез вместе с этими подушками. Окружающие его облака стали меркнуть, тускнеть, темнеть, но в самом верху затухающих облаков снова возник образ Христа. Он строго посмотрел на Землю, на всех нас, сидящих на веранде и исчез стремительно, не затухая – исчез, будто всё возникшее видение кто-то выключил.

Исчез образ Христа и так же стремительно, мгновенно исчезли все светящиеся облака.

На небе бушевала гроза, раскатистый гром содрогал окрестности, молнии полосовали наступившую темноту.

Я начал протирать глаза. Мне не верилось, что вот, только что здесь, на этом грохочущем небе развернулось такое странное и такое величественное Видение.

Я и не заметил, что на крыльце давно сижу один, дети и внуки, остерегаясь бушующей грозы, давно укрылись в доме, лампочки и на крыльце, и в доме погашены, телевизоры выключены, а на меня словно нашло какое-то оцепенение, я сижу, под впечатлением увиденного, и не могу пошевелиться. Хотел крикнуть, позвать, кого-нибудь, но голоса нет, я беззвучно открываю рот, никто меня не слышит. Нет ни неба, ни света, одни тучи и полыхающие молнии.

И вдруг все так же неожиданно наступила тишина. Все вокруг меня исчезло...».

* * *

Проснулся и снова Георгий не может ничего понять, где это он? Вокруг стерильная белизна, небольшая комната, в ней четыре кровати и всех мужиков в палате четверо.

Господи, да ведь всё это уже было, было!

– Очнулся? Тут такой переполох из-за тебя. Ты ведь, как знаешь, не просто спал, а целых двое суток проспал. – Старик лежит на спине, повернул к Георгию голову. – Скажу врачу, они просили сообщить, как очнешься.

– Где это я?

– Как где, в реанимации, где ж еще. Тебя и привезли-то в беспомощности. А потом – спишь и спишь, врачи уж забегались. Ну да, слава богу, очнулся. Звать, что ли, врачей-то? Тут вот и кнопка есть.

– Подожди, дай очухаться, осмотреться.

– Ну давай, осмотрись.

Господи, что же это? На голом, как говорится, месте – ни перегрузок тебе, ни волнений – и вдруг инфаркт!

Что же это? И почему ему снится в этом беспомощности всегда одно и то же? То ли сон снится, то ли наяву всё это грезится!

Сознание снова помутилось, больничная палата медленно исчезла, растворилась.

* * *

«Я оказался в какой-то большой светлой комнате. И был не один, какие-то люди теснились у выхода из комнаты, сгрудились у ясно различимого пропускного устройства, в виде «рамки», какие есть в аэропортах, при выходе на посадку. У пропускного устройства распоряжался какой-то заросший, лицо мохнатое, старик. Он бодро распоряжался – тому налево, другому направо – распределял проходивших сквозь «рамку» людей. К тем людям быстро подходили стройные юноши, одетые в какие-то прозрачные светящиеся одежды и уводили – кого-куда, по-назначению.

«Странно – подумал я, дожидаясь своей очереди, – зачем здесь эта «рамка»? Неужели и «сюда» проникают террористы?».

– Электроника! – Засмеялся, посмотрев в мою сторону старик. – Мы ведь «здесь» тоже, не лыком, поди, шиты. В технике разбираемся. Техника нам помогает. Прибор сразу показывает, кто к нам прибыл, чем богат и куда ему положено.

«Ага! Значит, старик всё видит, всё слышит и читает мысли! На любом расстоянии! Надо с ним поосторожнее!».

– А тебе-то что оберегаться. – Снова повернулся старик ко мне. – Рано тебе ещё осторожничать! Ты к нам «сюда» попал так, по недоразумению, по недосмотру нашей молодёжи. Да по моему недогляду. Рано тебе еще к нам. Не торопись. Куда тебе торопиться! «Хозяин» считает, ты еще «на земле» не все дела свои сделал. Те, что поручены тебе. «Хозяином». Так что, давай. Возвращайся. Работать надо, а не по «распределителям» болтаться! Давай, давай, не задерживай, возвращайся...».

* * *

...Очнулся он в той же палате, в больнице, в реанимации. Над ним склонились встревоженные лица врачей. И старики в палате все на ногах. Смотрят испуганно в его сторону.

– Что же ты так кричишь-то? Что, где болит? Давай-ка, давление замеряем. Еле вывели мы ведь тебя из «комы» этой. Уколы вот только и помогли. Да. Хорошо лекарство это, новое. Появилось. Вот. Вчера только и привезли. Да. Твои же и привезли.

Родственники. Так. Давление немного пониженное, но ничего, в пределах допустимого. Не спите больше. Постарайтесь не спать.

Мы за вами понаблюдаем. Вот. Капельницу сейчас поставим.

Только не засыпайте пока. Потерпите.

Георгий устало откинулся на подушку. Глаза у него слипались, тяжелые веки закрывались сами, не слушались, командам не подчинялись.

Георгий терпел. Он боялся закрыть глаза...

«Инфаркт... Зачем мне этот инфаркт?»...

«А сон? Станный какой-то сон. Но почему всё время, постоянно, как чуть что-то потяжелеет, хоть с сердцем, хоть еще с чем, так сон этот и приходит? Всегда...

Всё и всегда, одно и то же? И всё одно и то же...».

Или это вовсе не сон?..

КОНЕЦ

...

г. Щелково д. Байбаки

2008–2011 г.г.

...

Примечание.

Встречающиеся в книге имена, фамилии – друзей, родственников, коллег по работе, руководителей разного уровня, вплоть до руководителей страны, названия предприятий, ведомств, все названия городов и любых населённых пунктов – всё это автором выдумано, любые совпадения случайны!

Ю. А. Запевалов.